ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

К. А. МАЛЫГИН

В ЦЕНТРЕ БОЕВОГО ПОРЯДКА

Константин Алексеевич
МАЛЫГИН
(Снимок 1945 года)

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

К. А. МАЛЫГИН,
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР,
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В ЦЕНТРЕ БОЕВОГО ПОРЯДКА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ББК 63.3(2)722
М20

Литературная запись Ю. Д. Кокорина

М $\frac{1304010000\text{-}208}{068(02)\text{-}86}$ 60-86

© Воениздат, 1986

В СОРОК ПЕРВОМ ГРОЗОВОМ

После окончания Военной академии механизации и моторизации РККА имени И. В. Сталина, получив диплом первой степени и звание майора, я был назначен начальником штаба 38-й танковой бригады, которая располагалась в Шепетовке. Я считал себя не совсем подготовленным для этой должности, но когда сказал об этом своему однокашнику Г. Н. Орлу, которого назначили после выпуска командиром танкового полка, он усмехнулся:

— Дуришь, Костя! Не боги горшки обжигают. Помучишься — научишься...

К концу 1938 года наша бригада встала в ряд лучших соединений Киевского Особого военного округа и накануне войны была передислоцирована во Владимир-Волынск, ныне Владимир-Волынский, небольшой уютный городок у западной границы.

В 1941 году в Красной Армии ускоренно формировались крупные подвижные соединения, однако, как известно, в полном объеме выполнить эту задачу не удалось, так как сроки оказались недостаточными.

На основе нашей и 36-й танковой бригады по штату мирного времени формировалась 41-я танковая дивизия. Ее командиром был назначен полковник П. П. Павлов, бывший командир нашей бригады, человек энергичный, властный, горячий. Его заместителем по политической части стал полковой комиссар М. М. Балыков, веселый острослов, шутник и любитель поговорок. Михаил Михайлович практически любого человека умел вызвать на откровенный разговор, узнать, что у него на душе; если нужно, помочь ему в любом деле. Заместителем командира по строевой части был Н. А. Уколов, рослый, прямодушный и строгий полковник.

Получив директиву и штатное расписание, мы приступили к сколачиванию подразделений, обучению личного состава. Делать это нужно было быстро, энергично, поскольку все понимали, что находимся рядом с границей, где высокая боеготовность частей и подразделений нужна как нигде.

У меня как начальника штаба дивизии работы в те дни было по горло. Из 38-й танковой бригады был создан 81-й танковый полк. Его возглавил бывший командир учебного батальона майор В. Г. Ковалев, волевой и опытный танкист. Из 36-й танковой бригады мы сформировали под началом майора А. С. Суина 82-й танковый полк. 41-й мотострелковый полк создавался заново. Личный состав, вооружение и техника для него начали поступать в начале мая. Подавляющее большинство красноармейцев были новобранцами, ни разу не державшими в руках винтовку. 41-й гаубичный артиллерийский полк к тому времени уже получил и людей и орудия, но не имел ни одного тягача. В 41-м зенитно-артиллерийском дивизионе было три батареи личного состава, но только одна имела четыре 37-миллиметровые зенитные пушки.

Мотострелковый полк разместился в казармах в сорока километрах западнее Ковеля, в местечке Любомоль, у самой границы, все остальные части — в военном городке.

К комплектованию мелких подразделений мы приступили немедленно, так как структура их значительно изменилась: взвод имел теперь не три танка, а пять, рота — шестнадцать. К тому же в прежние экипажи влились почти сорок процентов новичков и танкистов из других подразделений. Разумеется, не все было гладко, надо было учить людей новой тактике, усложнилось управление... Прежние успехи в боевой и политической подготовке необходимо было удержать, а стало быть, прямо в ходе укомплектования активно проводить занятия, стрельбы, добиваться, чтобы танкисты в любую минуту были готовы дать отпор агрессору. Тем более что в Европе уже полыхала война, развязанная гитлеровской Германией, а войска вермахта находились у самых наших границ.

С 10 по 13 июня прошло плановое армейское командно-штабное учение под руководством генерал-майора Николая Федоровича Ватутина, на которое были привлечены штабы 5-й армии генерал-майора танковых войск М. И. Потапова, 15-го стрелкового корпуса полковника И. И. Федюнинского, 9, 19, 22-го механизированных корпусов и их дивизий.

Наша 41-я танковая входила в состав 22-го механизированного корпуса, штаб которого располагался в Ровно вместе с 19-й танковой и 22-й механизированными дивизиями этого корпуса. Командовал корпусом генерал-майор С. М. Кондрусев, заместителем по политчасти был полковой комиссар И. А. Липодаев, а начальником штаба — генерал-майор танковых войск В. С. Тамручи.

Учение по замыслу было интересным. Оно отвечало реальным требованиям современной войны. В нем изобиловали сложные моменты обстановки и оригинальные решения командиров и начальников штабов.

Штабы работали напряженно, показав большие способности в обеспечении как управления войсками, так и взаимодействия всех отделов.

Вечером 17 июня на станцию Владимир-Волынск прибыл эшелон с танками КВ-2 для батальона тяжелых танков. Машин было 18 — для трех рот по пяти в каждой и три — для взвода командования. Танки эти были засекречены, разгружать и перегонять их в дивизию разрешалось только ночью, укрытыми брезентом.

Ночь на 18 июня была для жителей центральной улицы города беспокойной. По ней проходили для того времени чудо-машины, мощно ревели моторы, под гусеницами содрогалась земля, в окнах домов дребезжали стекла...

Мы направили машины в лес. В дивизии КВ-2 никто еще не видел, кроме тех механиков-водителей, которые были командированы на завод для их приема и сопровождения.

Полковник П. П. Павлов поручил своему заместителю по технической части подполковнику Д. А. Васильеву ознакомить командование соединения с тактико-техническими данными КВ-2.

Утром 20 июня мы во главе с П. П. Павловым подошли к новым машинам. Возле них стоял подполковник Д. А. Васильев. Перед нами возвышался стальной гигант. Танк Т-26 по сравнению с ним казался игрушечным. Экипажу Т-26, чтобы совершить посадку через люк башни, достаточно было стать на гусеницу, а у КВ-2 для этой цели была приварена к броне лестница. Мы обошли эту громадину, осмотрели и, признаться, были поражены ее величием. Конечно же это был самый мощный танк в мире.

— Приступайте, товарищ Васильев! — приказал Павлов.

Дмитрий Александрович, держа в правой руке длинную указку, а в левой — «Руководство по танку КВ-2», начал:

— Боевой вес танка около 50 тонн, толщина лобовой брони — около 100 миллиметров, маски[1] — около 200 мил-

[1] Маска — качающаяся на цапфах лобовая броневая плита в башне, в которой крепится пушка.

лиметров. На прицеле две шкалы. Одна — для бронебойного, другая — для бетонобойного снарядов. Танк предназначен для разрушения железобетонных огневых точек укрепленных районов. Эвакуировать его могут только тракторы типа «Ворошиловец», каких, кстати, — Васильев повернулся к комдиву, — у нас в дивизии пока нет, товарищ полковник. Если эта махина застрянет в болоте, то вытащить ее можно будет только одним или двумя такими же танками. Предупреждаю, что наши ремонтники пока этот танк не знают. Экипажи подобраны с Т-26, и завтра батальон начнет освоение новой техники. Кстати, я расскажу вам одну танковую историю...

Дмитрий Александрович, человек спокойный, с добрым, улыбчивым лицом, любил рассказывать всякие бывальщины из своего бурного и беспокойного «технарского» прошлого, причем говорил длинно, невнятно, в деталях топил главное, и не у каждого хватало терпения выслушать его до конца. Но когда его перебивали, он не сердился.

Вот и на этот раз полковник Н. А. Уколов сурово заметил:

— Нет, Дмитрий Александрович, истории свои оставьте для другого случая, а сейчас — о деле...

Понемногу выяснялось, что у КВ-2, хотя он и был грозной боевой машиной, имелись существенные недостатки: тяжел, маломаневрен, не способен истреблять танки, поскольку имел 152-миллиметровое орудие с навесной, а не с настильной траекторией, которая бы не превышала высоту танка противника хотя бы на дистанции 500—700 метров. Позже на смену КВ-2 пришли танки КВ-1 с 76-миллиметровой пушкой и тремя пулеметами, удобные, надежные боевые машины, каких не было у гитлеровцев. Но это позже...

Осматривая танк, каждый высказывал свои замечания, но общее мнение было расплывчатым: танк, конечно, мощный, но... Этих «но» мы насчитали немало. Тем не менее новую технику надо было осваивать, что мы и не замедлили начать.

В воскресенье 22 июня мы с Д. А. Васильевым решили поехать на рыбалку.

Отдав необходимые распоряжения, я пришел домой. Лег спать рано — утром надо вставать до света. Но не спалось. Ворочался, несколько раз вставал. Мной владело какое-то беспокойное чувство. Думал больше не о предстоящей ры-

балке, а о неукомплектованных штатах частей и штабов дивизии...

Разбудил звонок в дверь.

— Вставай, рыбачок, — зашумел Васильев. — Зорьку проспишь!

Я вскочил, позвонил в штаб. Оттуда сообщили, что никаких изменений и происшествий нет, телеграмм и указаний не поступало.

— Если будет что, — сказал я, — мы с подполковником Васильевым на полигоне, звоните туда.

Там были наши танки, выведенные из боксов.

Поехали в сторону границы, где находился полигон — почти на берегу реки Луга, впадающей в Буг.

Алела заря. Полумрак рассеивался. Деревни, поля и перелески укутаны голубой дымкой.

Звезды гасли. Ни ветерка. Казалось, что все вокруг находится в сладкой предрассветной дремоте: и поле, и лес, и птицы, и люди...

— Хороший будет клев! — улыбнулся Васильев и спросил шофера: — Как считаешь, Коля?

Тот неопределенно хмыкнул и, заглушив мотор, в свою очередь спросил:

— Что это?

Со стороны границы взлетело несколько красных и зеленых ракет. Не успели они погаснуть, как послышался отдаленный гром. Отражаясь от голубеющего небосвода, замигали вспышки орудийных выстрелов. Где-то впереди, рикошетируя, высоко вверх летели трассирующие пули. В укрепленном районе вздыбилась земля, перемешиваясь с дымом. Донеслась трескотня пулеметов, хлопки винтовочных выстрелов, уханье разрывов снарядов и мин.

— Разворачивай! — скомандовал я шоферу, в душе все же надеясь, что это идут учения 5-й армии, о которых мы, танкисты, могли и не знать, поскольку, находясь в стадии формирования, не имели возможности принять в них участие.

Когда воздух над нами рассек пронзительный свист, за ним другой, третий, а артиллерия стала бить по нашему городку, сомнения исчезли окончательно — война!

Выбросив ненужные нам теперь удочки и банки с червями, мы помчались в гарнизон. Над нами гудели плотные стаи немецких самолетов. Шли они на разных высотах. Одни — высоко, видимо направляясь в глубь страны, другие — ниже. Эти образовали круг и, пикируя один за другим, сбрасывали бомбы на военные городки во Владимир-Волын-

ске. Идя в пике, летчики включали сирены. Пронзительный вой оглушал, леденил кровь. И — взрывы, взрывы, один за другим.

На окраине города, видимо, диверсант или предатель методически посылал красные ракеты в сторону наших складов, указывая фашистам цели.

В городке уже объявили тревогу. Экипажи бежали в лес, к танкам. Автомашины выкатили из парков, загружались на складах и неслись в район сбора. Двухбашенные пулеметные танки тянули за собой гаубицы артполка. Появились первые убитые и раненые.

В штабе я вскрыл сейф, распечатал пакет, в котором лежала карта с обозначенными районами сосредоточения дивизии и маршрутами выхода из них. Связь со штабами корпуса и 5-й армии была прервана. Мои попытки связаться с ними ни к чему не привели.

Начальник отделения капитан Шаров руководил погрузкой на автомашины штабного имущества. Командир дивизии полковник Павлов, широко расставив ноги, стоял на обочине дороги, по которой выходили из городка автомашины, что-то кричал шоферам и сидевшим в кабинах командирам.

Немецкие бомбардировщики заходили на склады горючего и смазочных материалов. Наши зенитчики вели по ним огонь и сбили четыре самолета.

— Я буду на наблюдательном пункте! — крикнул мне Павлов. — Будем действовать, как было подготовлено! — Он сел в подошедший броневик и укатил на НП, который находился севернее города на опушке леса.

Из 41-го мотополка поступила радиограмма: «Полк ведет бой на границе, оперативно подчинен 15-му стрелковому корпусу».

Из Владимир-Волынска бежали жены командиров с детьми. В руках у них небольшие узелки.

Штабная колонна оставила военный городок. Чувствовалось, что немцы уже в самом городе — свистели пули, чаще поблизости стали рваться мины и снаряды.

Подразделения 87-й стрелковой дивизии заняли исходное положение для контратаки. Артиллеристы установили орудия на огневых позициях.

— Может быть, ударим на Устилут? — предложил я Павлову.

— Нельзя! Помнишь, что говорил генерал Тамручи?

— Выходить в район сбора.

— Вот то-то. С приказами не шутят, тем более на войне. Тяжелые танки КВ-2 вводить в бой мы не можем; нет

снарядов. Если ударим танками Т-26, посадим их на траншеях укрепрайона. — Павлов помолчал. — Сделаем вот что: одним батальоном 82-го танкового полка контратакуем противника во взаимодействии с 87-й стрелковой дивизией. Я останусь здесь, а ты веди остальные части в район сбора. Вышли командиров в штабы армии, 22-го мехкорпуса и 15-го стрелкового корпуса. Связь надо установить...

Полковник ставил задачу командиру 82-го танкового полка майору А. С. Суину и зампохозу Хвостикову. Первому — выбить немцев из Владимир-Волынска, второму — взорвать склады, если возникнет угроза их захвата.

Я вел колонну в район сбора. Авиация врага ходила над нами и частями, готовившимися к контратаке, поливая их свинцом и засыпая бомбами. Одна бомба попала в танк КВ-2. Он загорелся. Второй застрял в болоте. Когда фашисты стали окружать его, экипаж взорвал машину.

Прибыл лейтенант А. В. Талашь, оставленный в штабе для уничтожения документов, доложил, что задание выполнил, однако связи со штабами 5-й армии и 22-го мехкорпуса все еще не было. Командиры связи, посланные мной, еще не вернулись. Наконец протянули телефонный кабель из штаба 15-го стрелкового корпуса.

К вечеру стало известно, что из Владимир-Волынска немцев выбили, но дорогой ценой. Из 50 танков Т-26 батальона 82-го танкового полка сгорело около 30. Они горели от огня крупнокалиберных пулеметов, противотанковых ружей, артиллерии. Майор А. С. Суин, размазывая по лицу пот и кровь (его ранило), показал нам противотанковое ружье системы «базука». Как жаль, что наши пехотинцы не имели такого оружия.

На командном пункте собрались жены комсостава с детьми. Наступила ночь. Измученные и перепуганные детишки хотели спать, но их нечем было даже укрыть.

Комдив приказал освободить от грузов двадцать машин и отправить семьи в Ковель. Ответственным за эвакуацию он назначил начальника политотдела дивизии полкового комиссара С. Ф. Завороткина.

Поздно ночью в оперативном отделении штаба дивизии стала ясной обстановка на фронте: на ковельско-хелмском направлении оборонялись 45-я и 62-я стрелковые дивизии, в стыке между ними держал оборону 41-й мотострелковый полк нашей дивизии. Против них наступал 17-й армейский корпус немцев, нанося главный удар вдоль железной дороги Люблин — Хелм — Любомоль — Ковель. Противнику удалось вклиниться на нашу территорию километров на 7—

8 в полосе 45-й стрелковой дивизии и 41-го мотострелкового полка. 62-я стрелковая дивизия отбила атаки и занимала фронт по границе почти до самого Устилуга.

На владимир-волынском направлении обстановка была сложнее. Против 87-й стрелковой дивизии действовал 55-й армейский корпус фашистов. Вечером они вновь взяли город.

Левее, у города Сокаль, на стыке гитлеровцам противостояли только пограничники. Фашисты захватили несколько населенных пунктов и подошли к Горохову, что в 20 километрах от границы.

Создалось угрожающее положение. Немцы получили возможность наступать на Луцк. Левый фланг 87-й стрелковой дивизии, отважно сражавшейся с превосходящим ее по силам в 5—7 раз противником, был обойден. На помощь этому соединению спешили из Ровно части 22-го механизированного корпуса.

Внезапность нападения фашистской Германии на Советский Союз создала исключительно тяжелые условия для деятельности командиров и штабов. Уже в первый день войны мы понесли большие потери, в том числе командного состава. Остро ощущалась нехватка боевой техники, оружия, боеприпасов, горючего. Давало о себе знать постоянное нарушение связи с ведущими бои подразделениями. Приказы из вышестоящих штабов поступали с опозданием. Так, из штаба 5-й армии мы получили приказ: «15-му стрелковому корпусу и 41-й танковой дивизии с утра 23 июня перейти в наступление на город Люблин. Ближайшая задача — овладеть городами Хелм и Красностав, в дальнейшем наступать на Люблин».

Поставленная задача явно не соответствовала создавшейся к этому времени обстановке. Начальник штаба 15-го стрелкового корпуса генерал З. З. Рагозный на наш запрос ответил, что этот приказ уже отменен.

Еще через час оперативный дежурный принес телеграмму: «Для поддержки контратаки 15-го стрелкового корпуса, проводимой утром 23 июня, выделить две танковые роты». Телеграмму подписал начальник штаба 5-й армии.

Едва начало восходить солнце, как появились немецкие самолеты. Загремела канонада.

Части 15-го стрелкового корпуса двинулись на Любомоль. Наши артиллеристы смогли вести огонь чуть больше десяти минут — немецкие самолеты тут же разбомбили батареи.

Выделенные танковые роты капитана Бочакошвили и старшего лейтенанта Комарова устремились вперед. Стреляя с ходу по намеченным целям, танки прошли боевые порядки нашей пехоты, увлекая ее за собой.

До позиций врага оставалось не более двухсот метров, когда он открыл сильный огонь. Кроме того, снова началась бомбежка.

Танки горели. В роте капитана Бочакошвили вышло из строя семь танков, когда он дал команду отходить на исходные позиции. Но до них дошло всего три боевые машины. У старшего лейтенанта Комарова осталось только два танка.

Настроение у нас было совсем не радостным. Из оставшихся без машин красноармейцев мы стали создавать «черную пехоту», как потом окрестили отчаянно дравшихся спешенных танкистов враги.

Сил, достаточных для того чтобы отбросить гитлеровцев, у нас явно не хватало.

Вечером того же дня командир 15-го стрелкового корпуса полковник И. И. Федюнинский созвал командиров и начальников штабов дивизий.

Мы с полковником П. П. Павловым прибыли, когда все уже были в сборе.

Оговорюсь, что полковник Иван Иванович Федюнинский только что принял этот корпус, а генерал Зиновий Захарович Рагозный получил новое назначение и не успел сдать штаб другому человеку — началась война. Поэтому и получилось, что генерал был временно подчинен полковнику.

Посредине просторной комнаты стоял стол с разостланной картой, испещренной синими и красными стрелами.

Генерал Рагозный взял карандаш и начал информировать об обстановке:

— Наш сосед справа — Западный фронт ведет упорные бои с превосходящими силами противника. Немцы вводят все новые и новые резервы танковых войск. Их авиация господствует в воздухе. Положение в районе Бреста неясное, достоверных сведений оттуда нет. Слева 6-я армия нашего, Юго-Западного фронта обороняется от превосходящих сил врага в районе города Броды. Противник вбил глубокий клин в расположение наших войск на стыке 5-й и 6-й армий и развивает наступление на Броды с очевидной целью окружить нашу львовскую группировку. Другая часть сил 6-й немецкой армии и 1-я танковая группа наступают на город Дубно, обходят левый фланг нашей армии. Немецкое командование стремится не допустить смыкания флангов

6-й и 5-й армий, изолировать их, нарушить их взаимодействие и разгромить по частям.

Чтобы сорвать этот замысел, командующий 5-й армией приказал сегодня в первой половине дня нанести контрудар силами 19-й танковой и 22-й механизированной дивизий 22-го мехкорпуса из района Луцка в направлении на Горохов для поражения танковой группировки противника, соединиться с войсками 6-й армии и восстановить с нею взаимодействие.

Вначале контрудар развивался успешно, но немцы ввели еще две свежие танковые дивизии — до 600 танков, направили более ста самолетов и потеснили наши дивизии. Корпус отошел за реку Стырь, понеся значительные потери. Погиб и командир 22-го мехкорпуса генерал-майор Семен Михайлович Кондрусев. Соединение принял генерал-майор танковых войск Владимир Степанович Тамручи.

Зиновий Захарович на минуту прервал доклад. Мы склонили головы и молча почтили память павших. Рагозный продолжал:

— Положение частей нашего корпуса таково: 45-я стрелковая дивизия и 41-й мотострелковый полк 41-й танковой дивизии отражают атаки 17-го армейского корпуса немцев, наступающего в направлении Хелм, Ковель. Используя четырех-пятикратное превосходство в силах, врагу удалось потеснить дивизию. Бои ведутся ожесточенные. Город Любомоль несколько раз переходил из рук в руки. 62-я стрелковая дивизия отбила все атаки противника и занимает положение на границе почти до города Устилуг. Оба ее фланга дивизии глубоко обойдены немцами. Особенно тяжелое положение у 87-й стрелковой. Ни командира, ни начальника штаба этой дивизии здесь нет, они в боевых порядках. Под натиском 55-го армейского корпуса противника дивизия оставила город Владимир-Волынск и с боями отходит на Луцк. Противнику нанесен большой урон, но и в соединении немалые потери. Это все...

— Вопросы есть? — спросил Федюнинский.

Все молчали. Обстановка была понятной.

— Какие будут предложения у командиров дивизий?

Командир 62-й стрелковой дивизии сказал, что следует силами 41-й танковой и 45-й стрелковой дивизий ударить в направлении на Любомоль и восстановить положение 45-й дивизии на границе. Командир 45-й дивизии настаивал на том, чтобы отвести 62-ю стрелковую дивизию от границы на уровень 45-й и оборонять Ковель. Полковник П. П. Павлов заявил, что нужно отойти за реку Стоход, иначе немцы,

обойдя Луцк с юго-востока, ударят на Сарны, по тылам 5-й армии, и окружат ее главные силы в полесских болотах. Упорная оборона Ковеля, на которой настаивают командиры 45-й и 62-й дивизий, только поможет противнику осуществить вариант окружения армии.

И. И. Федюнинский принял решение отвести 62-ю дивизию и продолжать оборону Ковеля.

Через некоторое время наша дивизия сменила район расположения. Штаб и отдельные батальоны перешли на западную окраину Ковеля, тылы — на восточную, а танковые полки — в густой лиственный лес западнее города.

Бойцы тщательно маскировали машины, отрывали щели.

Командир дивизии послал разведку на Брест, лично проверял, как воины готовятся встретить противника, был возбужден, но наконец сел в свою машину и мгновенно уснул, привалившись к плечу шофера.

Я проснулся от рева немецких самолетов и стрельбы 76-миллиметровой зенитной батареи 15-го стрелкового корпуса. Самолеты пятью группами по 12 машин в каждой летели над городом.

Враг возобновил наступление.

Начальник отделения капитан М. В. Куликов доложил, что получено донесение от разведки на Брест. В нем было сказано: «Дозор № 1 достиг Ратно. Мост севернее взорван. На дороге лесной завал. Пытался обойти, но был обстрелян. Потерь нет. Отошел в Ратно. Веду наблюдение».

Было ясно, что немцы в Бресте. Мы тогда не знали, что Брестская крепость героически защищается.

— На дороге у моста через Припять, — сказал Куликов, — устроена засада с целью прикрытия от удара 15-го стрелкового корпуса на Брест. Активности противника с направления Брест на Ковель не замечено. Другой дороги из Ратно на Брест для бронемашин нет.

— Сообщите об этом в штаб 15-го корпуса, — приказал я, — и включите в разведсводку. Что еще?

— Пятнадцать минут назад, — Куликов посмотрел на часы, — из Владимир-Волынска к Турийску подходила группа немецких мотоциклистов. В городе есть пехота и артиллерия 62-й стрелковой дивизии. Они врага встретят... Думаю, это была разведка.

Фронт придвигался к Ковелю. 45-я и 62-я стрелковые дивизии и наш 41-й мотострелковый полк вели упорные бои с соединениями 17-го армейского корпуса противника в 8—12 километрах западнее Ковеля. 87-я стрелковая дивизия под натиском 55-го армейского корпуса немцев отошла в

район Киселин, Торчин, Луцк. Фронт корпуса образовал дугу, вогнутую на запад. Между флангами 62-й и 87-й стрелковых дивизий образовался разрыв около 30 километров. На рубеже Луцк, Млинов 19-я танковая и 22-я механизированная дивизии 22-го мехкорпуса сковали продвижение противника, но он стал обходить их фланги, действуя на Дубно.

Полковник П. П. Павлов приказал вести разведку шоссе Ковель — Луцк танками и бронемашинами разведывательного батальона, а 82-й танковый полк поставить у шоссе Ковель — Луцк в готовности к удару в направлениях на Ковель, Турийск и Луцк. Было велено туда же направить тяжелый танковый батальон и запросить разрешение комкора на смену района расположения.

Такое разрешение пришло только в три часа утра 25 июня. Если бы оно поступило раньше, мы могли бы переместиться под покровом ночи, а теперь пришлось идти под жесточайшими бомбежками. У наших зенитчиков только 4 орудия, не хватало снарядов, и они вели огонь отдельными очередями.

На шоссе Ковель — Луцк появились немецкие мотоциклисты. Экипаж тяжелого танка КВ-2 под командованием лейтенанта П. Н. Синегуба уничтожил больше десятка мотоциклов, остальные обратились в бегство.

Командир дивизии долго насупленно молчал, потом отдал приказ выслать разведку в местечко Мельница, где, по его предположению, появились немцы. Если это так, то, поскольку местечко находилось километрах в 30 в нашем тылу, выходило, что мы оказались в окружении.

Разведка установила, что противника в Мельнице нет. Комдив разом успокоился и, повеселев, поставил задачу отходить и занять оборону по восточному берегу реки Стоход.

После тяжелых изнурительных боев части 15-го стрелкового корпуса отошли за Стоход и, сменив наши танковые полки, заняли оборону.

Обстановка усложнилась. Немцы овладели городами Львов, Дубно, Луцк, подходили к Ровно. Они бросали против нас все новые и новые танковые соединения. На их пути встали остатки стрелковых дивизий 6-й армии. Воины сражались героически, но не в силах были сдержать натиск сотен крестоносных танков.

Утром 27 июня был получен приказ командующего фронтом решительным контрударом остановить противника, окружить главные силы группы армий «Юг», вторгшихся глу-

боко в пределы Западной Украины. Удары следовало наносить по флангам противника с двух направлений: силами механизированных корпусов 6-й армии с юга, из района города Броды на Дубно, и механизированными корпусами 5-й армии с севера, из лесов между городами Луцк и Ровно, тоже в направлении Дубно. Командующий 5-й армией решил действовать тремя механизированными корпусами, имея их в одном эшелоне. На правом фланге — 9-й, в центре — 22-й, на левом фланге — 19-й. Наша 41-я танковая оказалась в центре боевого порядка 22-го мехкорпуса, а стало быть, и в центре всего построения ударной группировки. Дивизия должна была нанести удар из района деревни Цуманъ в направлении Олыко, Дубно. Здесь мы должны встретиться с частями южной ударной группы. Атака назначалась в ночь на 28 июня, поскольку днем при господстве авиации противника она была бы бесперспективной.

Бойцы и командиры понимали, что наше соединение играет ведущую роль в контрударе с севера и что от ее действий в значительной степени будет зависеть успех остальных войск. Танков у нас было около ста пятидесяти, спешенных танкистов менее ста человек, 24 гаубицы, мотострелковый полк оставался в подчинении командира 15-го стрелкового корпуса. Минометов и противотанковых пушек мы не имели, а прикрытие с воздуха вели единственная зенитная батарея и четыре зенитно-пулеметные установки. Понятно, что при таком положении добиться намеченной цели было крайне трудно. Мы могли лишь на короткое время остановить продвижение противника.

До захода солнца нас беспрерывно бомбила вражеская авиация. Правда, потери были незначительными, но подготовка к контрудару проходила в трудной обстановке.

Наступала теплая безлунная ночь. В 22 часа взвились две красные ракеты — сигнал к атаке. Взревели моторы танков, дивизии пошли вперед. Вражеские силы прикрытия на шоссе были разбиты, их остатки бежали в местечко Олыко, где пытались организовать оборону, но под ударом танков поспешно отступали на юг. К рассвету наши танки овладели деревней Петушки. Неподалеку от Олыко, в овраге, поросшем деревьями и кустарником, разместился наш штаб. Южнее деревни Петушки вражеская пехота, танки и артиллерия, минометы встретили наступающих сильным огнем. Главный удар пришелся по нашей дивизии, так как она выдвинулась несколько вперед. Поле боя превратилось в кромешный ад. Чад горевших немецких и наших танков душил, копоть хлопьями носилась в воздухе. Скрежет, уда-

ры, гул, выстрелы заглушали слова команд, лица танкистов почернели. Из горящих и подбитых боевых машин выскакивали уцелевшие люди, падали, сраженные ружейным и пулеметным огнем, осколками снарядов, мин.

Успешно начатый контрудар не достиг намеченной цели. Врагу были нанесены чувствительные потери, но остановить его нам не удалось, потому что группировка 6-й армии, которая должна была наносить удар нам навстречу, сама была атакована гитлеровцами и остановлена.

Оставлять наши войска на достигнутом ими рубеже при условии безраздельного господства немецкой авиации и на открытой местности было бы безрассудством. Вот почему перед восходом солнца генерал М. И. Потапов приказал отойти на исходные позиции.

Для прикрытия мы оставили на первом рубеже танки КВ-2, получившие снаряды, а на втором — роту огнеметных танков капитана Чернявского.

Полковник П. П. Павлов, полковой комиссар М. М. Балыков и я отходили с боевыми порядками 81-го танкового полка.

Утром в небе появились немецкие самолеты. Им ничто не препятствовало ходить на высоте 100—200 метров, так как наше ничтожно слабое зенитное прикрытие сразу же было подавлено.

Противник, заметив наш отход, начал преследовать нас танками и пехотой, но нарвался сначала на КВ-2, а затем на огнеметную роту. Воины этого подразделения действовали умело и мужественно. И хотя все они полегли в бою вместе со своим командиром, но дали нам возможность отойти в лес, занять оборону. Своим самопожертвованием огнеметчики спасли сотни жизней.

Я подошел к единственному из восемнадцати оставшемуся на ходу тяжелому танку, которым командовал двадцатитрехлетний лейтенант Петр Синегуб. Машина напоминала израненного зверя. Броня башни исцарапана, в маске гаубицы торчали застрявшие бронебойные снаряды, мотор едва тянул. Осмотрев машину, Синегуб со слезами на глазах любовно похлопал ее по броне — спасла, мол, родимая! Я понял состояние лейтенанта и не стал ему мешать.

Немецкие танки остановились у шоссе, не решаясь сунуться в лес, затем, прикрывшись от нас, устремились на Ровно. К исходу 28 июня они захватили город и осторожно начали продвигаться на Новоград-Волынск (ныне Новоград-Волынский), боясь нашего повторного удара во фланг.

Мы получили приказ отойти в район Костополя и, прикрывшись силами разведывательного батальона, начали движение. С нами шло и местное население. Старики, женщины и дети несли с собой небольшие узелки с одеждой и пищей. Один мальчик лет десяти подошел ко мне и сердито спросил:

— Дяденька военный! Куда же вы уходите? Оставляете нас немцам? Да? У вас же пушки!

— Мы еще придем и отомстим за все, — сказал я, не смея взглянуть в глаза мальчику. Он укоризненно посмотрел на меня, отвернулся, поправил узелок на плече и, понурившись, пошел обочиной.

Что бы только я не отдал за жизни погибших, за слезы женщин, за то, чтобы этот укор мальчика не жег мне потом сердце многие дни и ночи! Видимо, такое состояние было не только у меня. Когда вечером мы сосредоточились в лесах восточнее Костополя, скорбь о гибели товарищей, вся боль за страдания и муки людей были отражены на лицах бойцов и командиров. Люди зло бросали шинели, ложились прямо на траву и молчали... Но усталость брала свое, и они засыпали.

Мы подсчитывали потери и оставшиеся силы, способные вести бой. Полностью боеспособным остался лишь артполк. В зенитной батарее было всего два орудия. В танковых полках — по двадцать Т-26, число пеших танкистов увеличилось до пятисот. Создав из них роты, мы включили в их состав и зенитчиков, не имеющих орудий. Эти роты были вооружены танковыми пулеметами, в большинстве своем без упорных сошек, револьверами и винтовками. Тяжелый танковый батальон числился только в документах, если не считать изуродованного КВ-2, ремонтной летучки да цистерн с горючим и смазочными материалами.

9 июля корпус был отведен за реку Случь, по восточному берегу которой перешли к обороне войска 5-й армии. Мы сосредоточились в лесах севернее Новоград-Волынска. Враг был остановлен перед укрепленным районом южнее города. Позже он им овладел и стал развивать наступление на Житомир.

Силами 22-го механизированного корпуса в направлении местечко Сокол, Новоград-Волынский укрепрайон по противнику был нанесен контрудар с целью отвлечь силы гитлеровцев к своему флангу, ослабить их удар на киевском направлении, выиграть время.

Наша дивизия вновь оказалась в центре боевого порядка. Ближайшей задачей было овладение местечком Сокол,

захват шоссе и соединение с укрепрайоном. Справа от нас должна действовать 19-я танковая дивизия, слева — 22-я механизированная. Танков у нас, как говорится, кот наплакал: один КВ-2 да около сорока Т-26. Мотострелковый полк по-прежнему оставался в 15-м стрелковом корпусе. В артполку хотя и сохранились все 24 гаубицы, но снарядов было мало.

Генерал В. С. Тамручи приказал комдиву еще раз «перетрясти» все тылы, оставить только самых необходимых людей для обслуживания, остальных поставить в строй, лично возглавить атаку и взять местечко Сокол.

Ночью мы «трясли» тылы, включая и медсанбат. Набрали человек восемьдесят, вооруженных карабинами, организовали из них роту, командиром которой стал начальник химической службы дивизии капитан Стародубцев.

В 8 утра артиллерия открыла огонь, но он был жидковат — выпустили всего 50 снарядов. Командир дивизии, его заместитель и я стали во главе взводов, пошли в атаку. Фашисты открыли огонь, над нашими головами стала рваться шрапнель. Звук ее разрыва на редкость противный. Цепи залегли, но это не спасало от поражений. Они попятились назад, к спасительному лесу. Как их остановить? Что делать? Несмотря на рвущуюся шрапнель и пулеметный огонь, я, сжав в комок нервы, сел на пенек у опушки и начал закуривать. Пальцы дрожали, но я подавил эту дрожь, жестом стал показывать людям, чтобы ложились... Подействовало. Видя мое внешнее спокойствие, красноармейцы залегли, стали торопливо окапываться, кидая на меня тревожные взгляды.

Для меня этот эпизод стал уроком психологии на войне. Бойцы беспредельно верят своему командиру — значит, с такими людьми можно выиграть любое сражение. Это открытие укрепило во мне дух.

Мы перешли к обороне.

В тот же вечер во всех подразделениях накоротке прошли партийные собрания. Речь на них шла об улучшении индивидуальной воспитательной работы с воинами, о том, чтобы коммунисты постоянно были в гуще красноармейских масс. До сего времени партийно-политическая работа проводилась в основном в массовых формах. Разумеется, массовые формы работы оправдали себя целиком и полностью, но надо было их совершенствовать, повышать качество, доходчивость, убедительность бесед и политинформаций. И ясно было, что одними массовыми мероприятиями не обойтись, что перед боем необыкновенно важно слово политработни-

ка, коммуниста, обращенное к каждому бойцу в отдельности, важна беседа с ним с глазу на глаз, задушевность, участие, поддержка.

Беседы проводились о положении на фронте, о решимости советского народа отстоять свою независимость, изгнать врага с нашей земли. Коммунисты и агитаторы рассказывали воинам о том, как сражались их товарищи по оружию, называли их имена, ставили в пример лучших, таких, как старший сержант А. Я. Бородин, который, будучи раненным, не ушел с поля боя, мужественно продолжал сражаться и уничтожил несколько гитлеровцев. Или экипаж танка Т-26, командиром которого был коммунист младший политрук В. В. Васильев. Его машина была подбита, загорелась, но танкисты не покинули ее, вели огонь до конца и сгорели вместе с танком. Таких примеров было немало. Они показывали силу духа советских воинов, звали людей на подвиги. Все старались равняться на героев. Рос и поток заявлений с просьбами принять в партию или в комсомол.

Воспитательная и организаторская работа командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций приносила хорошие результаты. В подразделениях повысилась боевая активность личного состава, люди рвались в бой. Помнится, комиссар 81-го танкового полка батальонный комиссар Прохорович [1] рассказывал Балыкову о том, как личный состав 81-го танкового полка воспринимает содержание вражеских листовок, в которых грубая брань в адрес коммунистов и нашего командования соседствовала с дешевой похвальбой успехами немецких войск. Бойцы сжигали эту гадость, не читая. Показательный факт: после неудачной атаки, о которой я говорил выше, немцы сбросили на наши окопы массу листовок, а уже на следующий день больше двадцати красноармейцев подали заявления с просьбой принять их в ряды ВКП(б).

Как-то рядовой И. С. Власьин спросил заместителя командира 82-го танкового полка по политчасти батальонного комиссара Е. П. Мельника:

— Почему у нас мало самолетов?

— Наша авиация понесла большие потери в первые дни войны, — ответил политработник. — Но она у нас есть и действует там, где в ней бóльшая нужда. Да, самолетов у нас меньше, чем у немцев. Промышленное производство еще

[1] К сожалению, в памяти не сохранились имена некоторых бойцов и командиров, с которыми мне довелось воевать. Не удалось найти необходимые данные и в Центральном архиве Министерства обороны. — *Авт.*

не перестроилось на военные рельсы. Для этого нужно время.

— Это верно, — согласился Власьин. — Танки и самолеты у нас еще будут, думаю... Только ведь за Гитлером-то вся Европа, и стоим мы против нее одни-одинешеньки. Наши союзники-то Гитлеру вроде сродни приходятся. Не переметнутся ли?

— Нет, они на сделку с Гитлером не пойдут, ведь это равносильно признанию мирового господства Германии.

— Ежели бы не авиация фашистская... — с надеждой в голосе сказал Власьин. — Мы бы им, гадам...

— Наша сегодняшняя задача — выиграть время, обескровить врага, дать стране, народу нашему плечи расправить...

— Понятно, — кивнул боец. — Но война эта, похоже, товарищ батальонный комиссар, затяжная будет и жертв немалых потребует.

— За Наполеоном тоже вся Европа была, а чем все кончилось, каждому школьнику известно. И я точно знаю, что эта война закончится в Берлине! Вот только не знаю конкретной даты...

— И я в этом уверен, — заулыбался Власьин. — Дело-то с нашей стороны правое.

Наш корпус получил приказ удерживать город Малин, отвлечь гитлеровцев от Киева. После получасовой обработки передовых немецких позиций мощным огнем артиллерии мы пошли в атаку.

Ранее утраченные нами позиции были восстановлены, причем наши потери были незначительными. И хоть победа была не особенно велика, но по существу-то первая! И мы еще раз убедились на своем горьком опыте, что наступление надо готовить тщательно, что если обеспечить бой, то можно одолеть врага. Генерал В. С. Тамручи в тот день впервые, наверное, с начала войны улыбнулся.

Ободренные победой, красноармейцы успешно отразили и контратаку противника — били его почти в упор. Фашисты не выдержали, показали нам свои спины, а когда вслед им ударила наша артиллерия, мы воочию убедились, как хорошо фашисты умеют бегать. Это всех крепко ободрило.

Мы день ото дня совершенствовали управление частями, наше боевое мастерство росло на практике. Тактика оборонительного боя развивалась за счет повышения требований к устойчивости и активности обороны, а этого достигали пу-

тем уплотнения боевых порядков и увеличения их глубины на ожидаемых направлениях главных ударов противника, более высокой организации огня всех видов, проведения контрподготовок, усиления инженерного оборудования обороны, повышения живучести пунктов управления.

Был получен приказ отправить все уцелевшие танковые экипажи в Горький для новых формирований. Полковника П. П. Павлова вызвали в Москву и назначили на должность командира танковой бригады. Позже (в 1943 году) ему было присвоено звание генерал-майора танковых войск и он командовал танковым корпусом.

Дивизию принял полковник Н. А. Уколов. Николай Андреевич участвовал в гражданской войне, был контужен. Строгий, собранный, он редко улыбался, на неполадки в дивизии реагировал горячо. Жена Уколова болела, лечилась в Москве, и он встретил войну во Владимир-Волынске вместе с сыном-восьмиклассником, вместе они приняли первый бой, отступали, не расставались нигде. Николай Андреевич внимательно следил, как взрослеет и мужает Володя. Но тем не менее, делая сыну очередное замечание, Уколов растерянно оглядывался и, словно жалуясь и ища поддержки у окружающих, беспомощно произносил: «Вот непослушный ребенок!»

19 августа от командующего армией пришла телеграмма: меня и Уколова отзывали в Москву в управление кадров. Дивизию было приказано сдать полковому комиссару Балыкову, а ее штаб — майору Невжинскому.

Мы тепло распрощались с боевыми друзьями. С М. М. Балыковым, как оказалось, навсегда. В одном из боев он был тяжело ранен, долго лечился, а в 1943 году умер в Туле. Это был настоящий политработник, огромной душевной щедрости, незаурядных знаний человек.

...Война шла третий месяц.

Ночью Москва погружалась во мрак, но радио не выключали: в любое время могла прозвучать воздушная тревога. Как только она объявлялась, жители спешили в метро или бомбоубежища. На улицах оставались только патрули. На крыши домов поднимались дружинники местной противовоздушной обороны в готовности предупредить или ликвидировать пожар от вражеских зажигательных бомб. Над столицей висели аэростаты воздушного заграждения, на улицах стояли ежи, сваренные из рельсов. Окна крест-накрест заклеены бумажными полосами, витрины магазинов заложе-

ны мешками с песком. Суровая, деловая и решительная Москва была напряжена и напоминала сжатую до предела пружину.

Мы, фронтовики, в бомбоубежище не прятались. Выходили во двор Военной академии механизации и моторизации РККА имени И. В. Сталина, где находились в резерве кадров, и изучали танки Т-34 и КВ, наблюдали, как прожекторы чертят небосвод, обменивались мнением относительно заградительного огня наших зенитчиков, радовались каждому удачному выстрелу. Старшина резерва полковник С. И. Богданов, впоследствии маршал бронетанковых войск, провожая глазами сбитый вражеский самолет, тихонько приговаривал:

— Так его, так его...

Кафедра тактики потребовала от меня описания опыта боевых действий 41-й танковой дивизии. Я изложил на карте и бумаге свой отчет, но он, к сожалению, не сохранился в архиве академии.

Фронт все ближе подступал к Москве. Мобилизованные жители столицы сооружали кольцо внешней обороны города и его окраин, строили дзоты, устанавливали противотанковые ежи, создавали пояс заграждения.

...Состав резерва кадров все время менялся. Одни получали назначения и убывали на фронт, другие прибывали оттуда, а третьи, в числе которых был и я, пока только жадно слушали новости. Вот одна, радостная, — о «катюшах». У нас на вооружении появилась реактивная артиллерия. Те фронтовики, которым довелось видеть «катюши» в действии, рассказывали нечто фантастическое. Обсуждая достоинства нового оружия, мы не теряли надежды, что и наши танки еще покажут себя на ратном поле.

В середине сентября полковник Н. А. Уколов получил назначение на должность командира 143-й танковой бригады. Мы простились. Я тогда еще не знал, что судьба вновь сведет нас на Калининском фронте.

А 5 октября 1941 года и я получил предписание о назначении командиром 28-й танковой бригады, которую еще нужно было формировать из личного состава запасного танкового полка. Заместителем был назначен подполковник Иван Дмитриевич Белоглазов, начальником политотдела — старший батальонный комиссар Георгий Георгиевич Катков, начальником штаба — майор Василий Никитич Буслаев. После введения института военных комиссаров на эту должность прибыл к нам полковой комиссар Василий Георгиевич Гуляев.

Каждого бойца мы вызывали, беседовали с ним и только после этого решали, брать или не брать его в бригаду. В один из таких горячих дней ко мне в кабинет буквально ворвался человек, которого я не вызывал. Рослый, широкоплечий парень лет двадцати в шинели с курсантскими петлицами.

— Товарищ подполковник, возьмите меня в бригаду! На любую должность!

— Кто вы такой? — удивился я. — Почему врываетесь без вызова?

— Разрешите доложить! Рахматулин Захар Сергеевич. Был курсантом танкового училища. Совершил самоволку... Отчислили, послали сюда, в запасной. Уж сколько сформировано бригад! Просился почти в каждую из формируемых. Не берут... А чем я хуже других? Я хочу воевать, кровью искупить свою вину! Не откажите, товарищ подполковник!

Мы с товарищами переглянулись. Комиссар бригады В. Г. Гуляев неодобрительно покачал головой, глаза командира танкового батальона подполковника Гавриила Огановича Саратьяне явно говорили «за».

— Допустим, — тихо сказал я, — возьмем вас в бригаду, а вы нам новое чрезвычайное происшествие! Что тогда?

— Я знаю, что такое война, — серьезно глядя мне в глаза, твердо проговорил Рахматулин. — Я однажды ошибся, подобного не повторится. Прошу мне поверить!

И я поверил, что он говорит правду. А если к тому же за ним присматривать, солдат выйдет отменный.

— Хорошо, — решил я. — Пойдете мотоциклистом-автоматчиком в разведывательную роту. Первое же опасное задание — ваше.

Бои уже шли на подступах к Можайску, и нашу еще не обученную и не вооруженную бригаду перевели в местечко, расположенное неподалеку от Владимира. Туда же стали поступать оружие, танки, прибыл и маршевый мотострелковый батальон. Личный состав принял присягу, людям в торжественной обстановке вручили оружие. Началась боевая учеба. Днем и ночью на стрельбище трещали пулеметы и автоматы, ухали танковые пушки, рвались мины и ручные гранаты. Танкисты напряженно готовились к встрече с врагом.

В середине октября меня вызвал в Москву командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко.

— Туго, брат, дело на фронте, — сказал он, не дослушав мой рапорт о прибытии. — Немец жмет... Многие учреждения эвакуированы на восток. Твою бригаду отправляем на фронт. Приказ будет. Знаю, что не совсем готовы, но... Завтра подадим эшелоны для погрузки. Как там у тебя?

— Танков Т-34 — одиннадцать, КВ-1 — пять, легких Т-60 — шестнадцать. Пушка 76-миллиметровая — одна, минометов — шесть, зенитных 37-миллиметровых — четыре, 20-миллиметровых — восемь. Вот и вся ударная сила.

— Не густо, да что делать?

Сделав короткое напутствие, Я. Н. Федоренко отпустил меня.

А 22 октября бригада в составе 28-го танкового и 28-го мотострелкового батальонов, зенитного дивизиона, разведывательной, ремонтной, автотранспортной рот и управления была погружена в два эшелона и направлена на Западный фронт.

Мы получили приказ занять оборону в районе станции Кубинка.

Отчетливо доносилась артиллерийская стрельба, еле уловимо — трескотня пулеметов. Захватив города Руза и Гжатск, враг рвался к Москве. Войска фронта, оказывая упорное сопротивление, отходили.

Мы произвели рекогносцировку, расставили танки и расположили подразделения пехоты. Зенитный дивизион занял огневые позиции. Наши и вражеские самолеты ходили вдоль автострады на малых высотах. Один «мессершмитт», преследуя наши штурмовики, возвращавшиеся с задания, напоролся на огонь зенитного дивизиона и рухнул на поляну. Пилот остался жив и был взят в плен бойцами мотобатальона. Его направили в штаб фронта.

В 10 часов 25 октября мы получили приказ о передаче бригады генерал-лейтенанту К. К. Рокоссовскому, командующему 16-й армией, которая вела тяжелые бои за Волоколамск. К 24 часам 25 октября соединению следовало прибыть туда. Был определен маршрут: Голицыно, Звенигород, Новопетровское, Волоколамск.

Изучив приказ, мы выслали разведку по указанному маршруту с целью проверки проходимости дорог. Разведка вскоре вернулась. Выяснилось, что по маршруту могут пройти только гусеничные машины. Я решил вести бригаду в Волоколамск двумя колоннами. Танковую возглавил мой заместитель подполковник И. Д. Белоглазов, а колесные машины повел через Москву я.

Когда голова колонны достигла развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе, в репродукторах прозвучал мощный, но спокойный голос Юрия Левитана. Объявлялась воздушная тревога. Небо прорезали сотни лучей прожекторов. Зенитки открыли заградительный огонь. Вот луч прожектора поймал вражеский самолет, следит за ним и туда же потянулись яркие трассы снарядов. Стервятник метался, пикировал, скользил на крыло, старался нырнуть в спасительную для него темноту. Но прожектористы работали четко, и через минуту в черном небе вспыхнул факел — одним разбойником стало меньше.

Около 22 часов колонна вошла в Новопетровское. Тишину ночи нарушал только шум моторов, а мрак — тонкие лучи, проходящие через небольшие щели замаскированных фар. У здания райисполкома толпилось около сотни вооруженных винтовками ополченцев под командой милиционера при револьвере, шашке и бинокле, сидевшего на рослом белом коне. Рядом стоял броневик нашей разведки. Экипаж доложил, что танки противника заняли южнее нас деревню Скирманово, до которой отсюда 12 километров.

— На пути в Рождествено, — докладывал разведчик,— вражеские машины застряли в грязи. Им остается преодолеть два километра проселка, а дальше от Рождествено сюда дорога с твердым покрытием. Кроме грязи, противнику ничто не противостоит.

— Если их не остановить, — подал голос милиционер,— то утром они будут здесь, а там Москва...

— Ну, до этого не допустим. Командир-то не с голыми руками прибыл... — заговорили вокруг.

Я развернул карту, осветил ее карманным фонариком. Обстановка складывалась не в нашу пользу. Правда, если немецкие танки пойдут на Новопетровское, то мы их встретим. А если изберут другой маршрут — через Онуфриево на Истру или через Никольское на станцию Румянцево, тогда... Наших войск нет ни в Онуфриево, ни в Никольском.

— Суворов учил: если приказано идти направо, а должно налево, то иди налево, — пробормотал я, но комиссар расслышал и веско заметил:

— Суворов-то учил, да вот, поди разберись, как должно!

— Считаешь, что можно продолжать выполнение приказа и махнуть рукой на Скирманово: не наше, мол, дело? — спросил я Гуляева.

— Ну а твое-то командирское чутье что подсказывает? — ответил он вопросом на вопрос.

— А вот что: надо действовать по сложившейся обстановке. Свернуть на юг и преградить путь немцам на Москву.

— Правильно, командир! — горячо одобрил мое решение Василий Георгиевич.

Я отдал приказ: мотострелковому батальону с одной пушкой занять оборону в Онуфриево и прикрыть дорогу на Истру, роту легких танков поставить на опушке леса у Никольского, пересекая путь на Румянцево, танковый батальон и отряд ополченцев вывести в Рождествено, что находится на пути из Скирманово. Если немцы пойдут на Новопетровское, надо встретить их огнем из засады.

О принятом решении тотчас доложил генерал-лейтенанту К. К. Рокоссовскому.

Подразделения приступили к выполнению приказа. Я вошел в штаб бригады, который разместился в здании райисполкома. Буквально следом за мной в кабинете появился начальник штаба майор В. Н. Буслаев с двумя девушками. Оказывается, они пришли из Скирманово. Рассказали, что видели танки, автомашины, солдат. Автомашины, мол, застряли, поднимаясь в горку. Очень крутая горка.

— Много ли в деревне танков? — спросил я.

— Много, много! — в один голос ответили девушки.

— А сколько? Пять, десять, сто?

Девушки помолчали, переглянулись.

— Не знаем, не считали, но много.

— Могли бы вы вернуться в Скирманово и узнать, где и сколько танков?

Черноглазая, поменьше ростом, заявила:

— Я пойду.

— Хорошо. Как вас зовут, девушка?

— Роза.

— Зайдите в деревню с той же стороны, как и уходили оттуда, — со стороны Горок, — сказал я. — Будьте осторожны. Важно, чтобы вас не заметили. Я к шести часам утра жду вас в Рождествено. Понятно?

— Понятно. Только я к этому времени не успею. Далеко же...

— А мы вас до конца шоссе подбросим на машине. Там ведь совсем рядом.

— Тогда успею, — сказала она и быстро поднялась, поправила платок на голове. Буслаев проводил ее. Я вызвал рядового Захара Рахматулина и приказал ему пробраться в Скирманово, сосчитать танки в восточной части деревни

до дороги на Рождествено и выяснить хотя бы примерное их расположение.

Минуты три Рахматулин сидел над картой, изучая местность и пути проникновения в Скирманово, а встав, сказал:

— Все сделаю как надо. Прошу подбросить меня вот к этому сараю, — и показал его на карте.

— Передайте командиру роты, чтобы вас доставили туда на мотоцикле и ждали вашего возвращения. Я встречу вас в Рождествено в шесть утра.

Около пяти часов утра из штаба армии прибыл наш офицер связи и доложил обстановку. Линия фронта проходила по реке Лама, исключая Волоколамск, оставленный вчера вечером нашими войсками, далее по реке Озерна на юг. В район деревни Онуфриево должна подойти 78-я Сибирская стрелковая дивизия. Короче, от излучины Озерны и до озера Тростенское наших войск не было. Здесь разрыв фронта.

Генерал К. К. Рокоссовский одобрил мое решение.

Отдав необходимые распоряжения, я поехал в штаб танкового батальона, расположенный в Рождествено. Роза уже меня ждала, она насчитала 15 танков, но не была уверена, что обнаружила все. Ночью трудно было различить, где танк, а где автомашина, а близко подходить опасалась, окликали часовые.

Я поблагодарил девушку и спросил:

— Роза, желаешь остаться у нас санитаркой в медсанвзводе?

— Согласна, — ответила Роза. — Я сирота, жила у бабушки.

Ее зачислили в медсанвзвод. Роза прошла с бригадой весь ее долгий и многотрудный путь до последнего дня войны. Сейчас Роза Мартыновна Мельникова (по мужу Баева) живет в Новгороде, вырастила двух сыновей: один — военнослужащий, другой — скульптор.

Вернулся и Рахматулин. Он насчитал 18 танков и тоже не был уверен, что обнаружил все. Дома забиты солдатами, маскировку не соблюдают.

— Первое задание, товарищ Рахматулин, вы выполнили. Хвалю. Идите, отдыхайте, — сказал я и крепко пожал руку разведчику.

Мы понимали, что только внезапная атака может ошеломить противника и принести желаемый результат. У нас 15 танков, у гитлеровцев больше. У них, наверное, есть и противотанковые пушки, у нас их нет. Наши танки лучше, но немцы будут стрелять с места, значит, их огонь эффек-

тивней в два, а то и в три раза, так как нам придется стрелять с остановок, и даже с коротких. Местность нам тоже не благоприятствует: узкая поляна между лесными массивами — единственный проход для танков. В нем в линию не развернуться. Получатся плотные боевые порядки, и при сильном противотанковом огне большие потери неизбежны. Маневра нет. Но и это не все. Скирманово закрыто высотой 264,3. Противник от нас скрыт, а когда экипажи танков его увидят, они окажутся от него на удалении 200—300 метров, на самой выгодной для немцев дистанции и, не успев сориентироваться, будут расстреляны.

С другой стороны, если фашисты беспечны, их силы не развернуты в боевые порядки и связаны грязью, наша атака при ее внезапности может привести к разгрому врага. Упускать такую возможность нельзя.

Я принял решение сперва атаковать противника в Скирманово одним взводом (3 тридцатьчетверки). Остальные танки были в готовности к атаке на исходных позициях с заведенными моторами. При малейшем успехе атаки взвода будем атаковать всеми силами.

На рассвете 26 октября атакующий взвод устремился на высоту, закрывающую Скирманово. Но едва наши танки достигли ее вершины, как по ним ударили болванками не менее тридцати пушек. Наши танкисты тоже открыли огонь. Но вскоре над одной из машин взметнулось черное облако дыма, а затем по башне поползли языки огня. Два других танка дали задний ход и, ведя огонь, укрылись за гребнем высоты.

Стало ясно, что атака всеми силами батальона была бы бессмысленной — враг располагал мощной огневой силой, бил из засады. Можно было погубить танки и открыть путь фашистам на Волоколамское шоссе. Приказав командиру батальона перейти к обороне, я поехал в штаб бригады, где меня уже ждали представители штаба фронта: генерал-лейтенант Г. К. Маландин и полковник Мякухин (к сожалению, не помню его имени).

Я доложил генералу обстановку, результат атаки взвода, а также о решении перейти к обороне. Г. К. Маландин внимательно слушал меня, ни разу не перебил доклад, ни в чем не упрекнул. Вопросы задавал в очень вежливой форме. Так и хотелось рассказать ему о всех горестях, бедах, недостатках, заранее зная, что генерал не осудит, а поможет, что-то подскажет.

Одобрив мое решение, Герман Капитонович сказал:

— Будем думать, что делать дальше.

Вскоре он уехал, а полковник Мякухин остался в штабе бригады. Мы беседовали с ним, когда дверь широко распахнулась и вошел высокий, стройный красавец капитан. Плотно сложенный, подтянутый, с черной окладистой бородой, на боку маузер.

— Кто здесь начальник? — спросил капитан и, когда ему указали на меня, шагнул к столу, взял под козырек, доложил: — Командир дивизиона РС М-13 капитан Карсанов.

— Чем располагает дивизион?

— Имеем 12 установок М-13, три залпа мин, но совсем нет продовольствия.

— С продовольствием уладим. Располагайтесь в районе ветеринарной лечебницы и подготовьте огонь: по Скирманово, по междулесью севернее высоты 264,3, по выходам из деревни Никольское. Вышлите офицера связи в штаб бригады. Найдите моего заместителя по хозяйственной части Сергея Матвеевича Подольского и передайте, что я приказал взять дивизион на довольствие.

— Все понятно. — Капитан козырнул и вышел, а я записал в блокнот учета боевых сил: «Дивизион РС М-13. Карсанов Казбек Дрисович».

К вечеру в этом блокноте появились записи еще: «523-й гаубично-артиллерийский полк», «Два бронепоезда», «Батальон пехоты с 76-миллиметровой батареей». Последнему, опасаясь за открытый правый фланг, я приказал занять оборону на рубеже Городище, Варвариха и установить локтевую связь с конниками генерала Доватора.

В ночь на 27 октября полковник Мякухин вручил мне выписку из приказа за подписью генерала В. Д. Соколовского: уничтожить скирмановскую группировку противника, не допустив ее распространения на Истру, выйти в район Старое и оттуда во взаимодействии с 4-й танковой бригадой наступать на город Руза.

Задача нам была явно не по силам.

— Давай думать, Василий Георгиевич, — сказал я Гуляеву, — как четырнадцатью танками, легкие не в счет, разбить около полусотни немецких танков и гнать их в Рузу?

— Тебя учили искусству воевать, да и о Суворове ты частенько поговариваешь, тебе и карты в руки.

— А ты в стороне?

— Нет, я тоже буду думать, но предлагай ты.

Появился начальник штаба, и мы пришли к такому решению: новопетровское направление прикрыть ополченцами, 523-м гаубичным артполком, дивизионом РС и двумя бронепоездами. Всеми танками обойти Скирманово с востока

через Никольское, там присоединить к танкам обороняющийся в Онуфриево мотострелковый батальон и наступать на село Покров (южнее Скирманово). С захватом Покрова скирмановская группировка врага оказалась бы в окружении. Там же должна наступать и 4-я танковая бригада, во взаимодействии с которой можно будет решать дальнейшую задачу.

К 6 часам утра легкие танки, исполняя роль разведывательного отряда, уже входили в Никольское. Тяжелые и средние танки были готовы к выступлению, мотострелковый батальон ожидал появления танков, чтобы присоединиться к ним.

Полковник Мякухин, узнав о моем решении, возмутился:

— Что вы делаете?! Как только вы снимете танки из Рождествено, немцы будут здесь, в Новопетровском. Я от имени генерала Маландина запрещаю вам делать такой губительный маневр.

— Как же прикажете исполнять приказ командующего фронтом?

— Атакуйте из Рождествено на Скирманово, далее на Покров и Рузу. У вас есть артиллерия и РС, а в Скирманово не больше 10 танков.

— Поймите, товарищ полковник, что в Скирманово полсотни танков, пехота и противотанковая артиллерия ждут нашей атаки именно из Рождествено, — доказывал я.

— Я как представитель командующего фронтом тем не менее приказываю вам атаковать из Рождествено на Скирманово!

— Хорошо, я выполню этот приказ, но за последствия отвечать будете вы! — одеваясь, выкрикнул я.

Атака была назначена на 9 часов. Приказав начальнику штаба вернуть легкие танки, а средним и тяжелым не выступать, я поехал в штаб танкового батальона и, связавшись оттуда со штабом бригады, приказал передать командирам 523-го гаубичного артполка и дивизиона РС о начале артподготовки в 8 часов 30 минут по ранее разработанному графику. Потом направился на НП к сараю, от которого мы накануне наблюдали бой танкового взвода. Со мной была радиостанция, включенная в танковую сеть. Вскоре к нам присоединился В. Г. Гуляев.

В 8 часов 30 минут слева от нас из-за леса в небо врезались огненные языки реактивных снарядов «катюш».

— Работает наш «борода»! — радостно потирал руки Гуляев.

— Погоди ты радоваться, — осаживал я комиссара, — бой еще не начался.

Мимо нас с ревом пронеслись танки. Вот они начали подниматься на высоту, развернулись в линию. Справа с опушки леса поднялась цепь ополченцев, слева — саперного взвода. Замолчала наша артиллерия. Танки вырвались на гребень высоты. По ним из Скирманово ударил шквал артиллерийского огня. Затрещали пулеметы. Ополченцы и саперы залегли. Танки открыли огонь... Вчерашняя картина повторялась, только в большем масштабе.

Один танк устремился вперед и ворвался в деревню. Кругом все пылает, но экипаж ведет бой. Загорелся танк младшего политрука И. М. Мамонтова, но воины вели огонь до последнего вздоха и сгорели вместе с машиной. Вот уже остановились два КВ, вскоре два Т-34. Комбат подполковник Г. О. Саратьяне высунулся из танка через верхний люк, машет флажками и, сраженный, падает. Бежит командир танковой роты Герой Советского Союза капитан А. Ф. Васильев — у него оторвана рука... Боеспособными остаются только шесть танков, а помощи от 4-й танковой бригады пока нет — ее мы найдем только утром следующего дня. Медлить нельзя. Даю команду: «Отойти на исходные!»

Танки, отстреливаясь, пятятся, укрываются за гребень, отходят ополченцы и саперы, а семь неподвижных машин сиротливо маячат на вершине 264,3.

Остаток дня ознаменовался пятью последовательными ударами немецких самолетов группами до 20 бомбардировщиков по расположению наших войск. Немцев в Скирманово мы только пощекотали, пугнули.

Досталось и нам. Когда «юнкерсы» пикировали на наблюдательный пункт, где находились мы с Гуляевым, не раз пришлось укрываться в щели.

Неподалеку от НП стоял домик. В нем жила бабушка с внучкой, золотоволосой девочкой лет десяти. После налета фашистских стервятников на месте домика зияла только огромная воронка. Бабушку и внучку мы так и не отыскали. Много мне приходилось пережить бомбежек, но этот случай — были люди и даже следа от них не осталось — просто потряс меня.

Вечером пришел наш мотострелковый батальон, сменивший сибиряками, и занял оборону в районе Устиновка, Рождествено, Андрейково. Положение стабилизировалось.

Проверив оборону подразделений, я возвращался на наблюдательный пункт. Вижу — из Рождествено на Скирманово идет эмка. Поравнявшись со мной, машина остановилась,

и из нее вышел военный в кожаном реглане. За ним еще два командира. Первым был начальник штаба бригады В. Н. Буслаев, вторым — генерал Г. Н. Орел. Человек в кожаном пальто приблизился ко мне, держа руки в карманах. Он был высок, строен. Я узнал генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Мы познакомились с ним еще в начале войны, когда он командовал 9-м механизированным корпусом, встречались на учениях. Я был несколько удивлен, увидев командующего на переднем крае, и вместе с тем обрадован, что могу лично доложить о положении бригады, о том, как в мои действия вмешался подчиненный генерала Г. К. Маландина.

Генерал внимательно выслушал меня, сказал, что Герман Капитонович всю вину за происшедшее взял на себя, как и положено старшему начальнику, представитель которого был виноват. Потом Константин Константинович задал мне несколько вопросов о противнике и проговорил:

— Да, Скирманово — это «орешек». — Он о чем-то задумался и после непродолжительной паузы строго и четко произнес: — Сегодня ночью вас сменят части 18-й стрелковой дивизии. Все. Вопросы есть?

— Нет. Все ясно.

— До свидания. Меня провожать не надо. Делайте свое дело. — И, пожав мне руку, генерал направился к эмке.

Я приказал начальнику штаба вызвать ко мне Рахматулина и старшину роты истребителей танков И. В. Осипова. Иван Васильевич, немногословный, длиннорукий, с угловатыми движениями и раскачивающейся походкой, как мне донесли, внимательно наблюдал за немцами, находящимися в Скирманово.

Первым пригласил его.

— Доложите, что видели.

— В Скирманово танков много, товарищ командир, — поторопливо начал Иван Васильевич. — Штук этак шестьдесят. А может, и поболе. Они вчерась подбитые танки свои тягали по большаку на Покров. Штук шестнадцать, пожалуй... Пехоты, значит, не меньше батальона, окопы копают по южным скатам высотки, а также и на окраине деревни. Пушки опять же есть — одна батарея у дороги на Рождествено, в аккурат на окраине села. А в деревне Горки немцев нет, но навещают ее по нескольку человек за яйцами, молоком, курами. В Никольском — ни наших, ни немцев, в Мамонино — тоже, а в Марьино пехота немецкая окапывается. Вот и все.

— Вот что, старшина. — Я поднялся, встал и Осипов. —

Возьмите несколько человек и доставьте сюда тех любителей кур, что навещают Горки. «Язык» нужен.

— Понял вас, товарищ командир, — внимательно посмотрел на меня старшина. — Разрешите выполнять?

— А у меня на вас большая надежда, — сказал я вызванному потом Рахматулину. — Срочно нужен «язык», понимаете? Хорошо бы к утру, в крайнем случае — к обеду.

— Разумею, — по-уставному ответил Рахматулин. — Мне нужно с собой одного бойца взять.

— Не мало будет?

— Для такого дела много людей ни к чему.

...Утро 2 ноября выдалось морозным. Снежная пороша слегка покрыла поля. Сквозь мглу едва пробивались холодные солнечные лучи.

Я с тревогой ждал возвращения разведчиков.

Как выяснилось потом, Рахматулин и боец разведроты рядовой Ю. М. Бухаркин затемно подошли к переднему краю, спросили у пехотинцев, нет ли немцев в нашем сгоревшем танке. Им ответили, что, дескать, снайпер повадился туда ползать, никак не выкурят, хитрый больно. Ночью разведчики подползли к танку, осторожно и внимательно осмотрелись — никого. Под руку Бухаркину попалась гильза от немецкого винтовочного патрона. Бойцы поняли, что утром надо ждать здесь незваного гостя, залезли в танк через нижний люк. Едва стало светать, они заметили — ползет снайпер: на голове шаль, на ногах соломенные калоши, винтовка завернута в серое солдатское одеяло. Разведчики осторожно выбрались из танка, спрятались за его кормой. Снайпер полз неторопливо, часто останавливался, прислушивался. Рахматулин и Бухаркин тоже затаили дыхание. Едва гитлеровец подполз к гусенице, Бухаркин резко крикнул: «Хенде хох!», а Рахматулин быстро вскинул автомат и одним прыжком оказался возле снайпера. Тот выронил винтовку и, стоя на коленях, поднял руки. Недолго раздумывая, Рахматулин сгреб его за шиворот и — за танк. Немцы открыли огонь, но Захар уже поволок пленного к нашим позициям, а Бухаркин прикрывал его отход.

Пленный оказался разговорчивым. Он показал, что в Скирманово находится авангардный танковый полк 10-й танковой дивизии с мотопехотным батальоном 86-го полка этой же дивизии. В полку 70 танков, в мотобатальоне 12 пушек. Похоже, что немец был рад, что попал в плен и остался жив.

Утром 3 ноября бригада получила приказ силами мотострелкового батальона с 8.00 4 ноября наступать в направлении Рождествено, Горки, Ивойлово, к исходу дня выйти на рубеж реки Гряда, овладеть деревнями Щелканово, Ивойлово и перейти к обороне.

Мотострелковый батальон начал атаку вовремя и, подавив сопротивление противника в Ивойлово и Щелканово, выполнил задачу. Вернувшись из батальона в штаб, я узнал, что старшина Осипов привел пленных, принес девять винтовок, пистолет и офицерскую сумку с документами. Пленных и документы направили в штаб армии. Мне не терпелось узнать подробности из первых уст, я вызвал Ивана Васильевича.

...Десять красноармейцев во главе с И. В. Осиповым, маскируясь за деревьями, осторожно пробирались через лес на Горки. Все были вооружены автоматами, гранатами, ножами. Осипов часто останавливался, прислушивался. Тишина. В Горки пришли к рассвету. Осипов постучал в окно крайней избы.

— Немцы есть? — спросил он у открывшей ему старухи.

— Приходют, — закивала бабка. — Каждый день, почитай. Уж всех обобрали. То кур режут, то молоко, кричат: «Давай!..» К обеду, должно, снова явятся.

Осипов предложил план действий, и красноармейцы покинули деревню. Прошли ельник, березник, поднялись на возвышенность, спустились в лощину. Дорога круто сворачивала вправо и терялась за молодыми и стройными сосенками.

— Здесь, — определил место для засады Осипов. — Иванцов, Кулько, Петрусевич — слева от дороги, в сосняке, Кузовлев, Левин и ты, Смирнов, — справа, вон в тот кустарник. Никифоров и Корнеев пройдут подальше за поворот и замаскируются, да так, чтобы ни одна живая душа вас не нашла. Я со связным Володиным укроюсь вот тут. Действовать быстро, не суетиться. В Скирманово нашу пальбу обязательно услышат, чего доброго подмогу пришлют... Так что долго возиться нечего. У убитых забрать оружие и документы, раненых и «языков» — с собой. Глядеть в оба! По местам!

Осипов и Володин замаскировались шагах в десяти от дороги под елками, прикрылись лапником, затаились. Ждали долго. Было уже два часа, когда Володин легонько подтолкнул Осипова в бок.

— Идут!

— Вижу, — чуть слышно отозвался старшина.

Из-за поворота неторопливо вышли два гитлеровца. На плечах — винтовки, головы платками поверх пилоток повязаны. Пройдя еще несколько шагов, они остановились, поговорили о чем-то, сняли оружие и сделали по три выстрела в сторону Горок.

Осипов забеспокоился — уж не выдали ли себя те, кто за поворотом? Но вскоре к этим двум подошла еще группа немцев во главе с офицером. Старшина понял: разведку, значит, вперед посылали, а та им выстрелами сигнал подала, что никого на пути нет.

Двое первых снова пошли вперед, а группа осталась на месте. Осипов заволновался не на шутку — слишком близко расставил своих ребят, да еще ненароком офицера кокнут, а его бы в плен взять надо в первую очередь. Пара солдат поравнялась с местом, где затаились Осипов и Володин. «Пора», — решил старшина и, тщательно прицелившись, выстрелил. Пуля попала точно в цель, раздробленная винтовка вылетела из рук немца. Красноармейцы дружно открыли огонь из засад.

— Хенде хох! — крикнул Осипов.

Бойцы окружили гитлеровцев, убитых обыскали, раненого офицера уложили на носилки из винтовок и, не мешкая, отправились назад. По пути офицера перевязали, но он стонал, не открывая глаз, и вскоре умер... Но добытые «языки» дали очень ценные сведения.

...Рахматулин давно мечтал возглавить экипаж, и я назначил его в порядке поощрения командиром танка. Всем разведчикам предоставил отдых на двое суток, но они отказались. Рахматулину не терпелось принять экипаж, а Осипову и остальным надо было спешить в свой батальон, который оборонял Щелканово и Ивойлово.

— По знакомой дорожке идти-то! — сказал довольный старшина.

До 7 ноября на нашем участке фронта особых перемен не произошло. Ночная атака на Скирманово силами 18-й стрелковой дивизии успехом не увенчалась. А тем временем в бригаде подлинный героизм проявляли ремонтники. В светлое время они под руководством моего заместителя по технической части инженер-капитана Анатолия Петровича Швебига часами вели наблюдение за противником, готовясь вытащить из нейтральной зоны наши подбитые танки. Ремонтники во главе со старшим техником лейтенантом М. О. Соловьевым начали колдовать у машин. Ночью же они

под руководством техника-лейтенанта Л. Т. Сукачева вытащили из-под носа у противника пять танков, в том числе один тяжелый, и ввели их в строй. Потом еще несколько таких операций. Люди понимали: танков требуется много, а страна их дать пока не может. Вот они и ремонтировали те, что им удавалось эвакуировать с поля боя. Именно их усилиям бригада обязана тем, что в короткое время получила восемь Т-34 и три КВ.

Вечером 7 ноября меня вызвали в штаб 16-й армии. Там я встретил полковника М. Е. Катукова, 4-я танковая бригада которого через четыре дня была переименована в 1-ю гвардейскую, а ему было присвоено звание генерал-майора танковых войск. В начале октября под Мценском его танкисты проявили исключительное боевое мастерство и стойкость. За восемь дней боев фашисты потеряли там от ударов будущих гвардейцев 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери бригады исчислялись единицами.

У Михаила Ефимовича было чему поучиться. Это он одним из первых применил такие способы борьбы с вражеской боевой техникой, так танковые засады, танковая атака на максимальной скорости, ведение огня на ходу, маневр на поле боя для выхода во фланг и тыл противника. Разведка у него действовала в подвижных формах боя на десятки километров.

В штабе был уже и командир 27-й танковой бригады, мой старый сослуживец и друг подполковник Ф. М. Михайлин.

Вскоре вошел генерал К. К. Рокоссовский, пожал всем руки, пригласил к карте.

— Надо вернуть Скирманово, — спокойно сказал Константин Константинович. — С его освобождением мы сократим и выровняем фронт. После этого наша оборона пойдет по реке Озерна. Что думаете вы, как раскусить этот «орешек», как лучше выполнить задачу? Какие есть предложения?

— С фронта, — предложил М. Е. Катуков, — пусть атакует 28-я бригада. Удар с востока нанесет 27-я, а с запада — моя.

— Согласны с таким решением? — спросил командующий.

— Разрешите мне ударить с запада, — попросил я. — Для атаки в лоб нужны тяжелые танки. Их у меня всего три, у Катукова больше, если не ошибаюсь, около десяти.

— Как вы относитесь к такому предложению? — обратился к Михаилу Ефимовичу командарм.

— Не возражаю, — ответил он.

Согласился с моим предложением и Михайлин. Его 27-я бригада уже была нацелена на деревню Марьино.

Командующий, удовлетворенный таким единодушием, объявил:

— Готовность к 10 часам 12 ноября. Артиллерийская подготовка продолжительностью 30 минут. Будет удар бомбардировочной эскадрильи. Сигнал атаки — залп «катюш».

Затем на карте он уточнил задачи бригадам.

По дороге в бригаду я думал о состоявшейся встрече. Мне приходилось много раз получать боевые задачи, но на этот раз все произошло как-то необычно: просто, коротко и ясно. Без длинных речей и нравоучений, без подчеркивания и без того понятной ответственности каждого.

Сил для атаки выделено достаточно. Если у немцев в строю 60 танков, то у нас в трех бригадах больше. У гитлеровцев один батальон пехоты, у нас — три. Артиллерии тоже больше, да еще нанесет удар авиация. Главное же: на подготовку дано пять дней!

Представив командующему армией план подготовки боя, мы ежедневно к вечеру доносили ему о проделанной работе. Чувствовалось, что К. К. Рокоссовский вполне доверяет нам. И мы работали не покладая рук, вдохновенно и самоотверженно. Каждый танкист знал, по какой тропе и к какому кустику на опушке леса западнее Скирманово он выходит во время артиллерийской подготовки и по какой цели откроет огонь, потому что он прошел пешком от своего танка до рубежа атаки. Знали и в стрелковых взводах, кто атакует высоту 264,3 с тыла, кто идет прямо на Скирманово, какой танк сопровождает атаку огнем, знали, что после овладения деревней нужно повернуть на юг и выбить противника из населенного пункта Козлово.

...Наступило утро 12 ноября. Снег уже довольно плотно покрыл землю. Изморозь висела в воздухе, как пыль, и резко ограничивала видимость. Подразделения заняли исходное положение и ждали сигнала к атаке. Но из штаба армии поступило распоряжение: авиация на бомбежку пока вылететь не может, начало атаки переносится на 11.30.

К 11 часам туман несколько рассеялся, и заговорила наша артиллерия. Вступили в действие и «катюши». Разили они врага метко, по-гвардейски.

— Ай да «борода»! — восхищался В. Г. Гуляев. — Хорошо работает капитан Карсанов.

— Молодец! — На этот раз и я не удержался от похвалы.

Впоследствии К. Д. Карсанов командовал полком и дивизией реактивной артиллерии. Удары его «катюш» наводили ужас на врага. Он заслужил звание Героя Советского Союза, после войны стал генерал-майором артиллерии.

Танки и мотопехота стали выходить на рубеж атаки. Появились наши самолеты и сбросили бомбы на оборону немцев. Снова ударили «катюши». Атакующие бросились вперед...

Мне донесли, что атака 1-й гвардейской танковой бригады отбита. Комбриг М. Е. Катуков готовит повторную. 27-я танковая бригада Ф. М. Михайлина овладела деревней Марьино и продвигалась на Скирманово с востока.

Танки нашей бригады находились на опушке леса в трехстах метрах западнее Скирманово и вели огонь с места, сопровождая атакующих пехотинцев. Вторая и третья мотострелковые роты уже заняли часть высоты 264,3. Первая мотострелковая рота лейтенанта М. И. Семенова и рота истребителей танков, которой командовал старшина И. В. Осипов, заменивший выбывшего из строя командира, достигли западной окраины деревни. Вскоре загремел бой на северной и восточной ее окраинах. Настал момент решающего штурма и для нас. Танки сорвались с места: шесть машин устремились на высоту и три — на Скирманово. Первым в деревню ворвался танк лейтенанта Наумова, он раздавил вражескую противотанковую пушку, но был подожжен. Языки пламени лизали броню, но экипаж не покинул машину, продолжал вести огонь из пушки и пулемета, уничтожил еще два танка и пушку противника.

Наумов с товарищами дал возможность двум другим танкам ворваться в Скирманово, а за ними — роты лейтенанта М. И. Семенова и старшины И. В. Осипова. Начался бой в деревне.

Каждый шаг продвижения вперед давался ценой неимоверных усилий. Танкисты огнем с места в упор расстреливали немцев, укрывшихся в развалинах, бойцы забрасывали их гранатами, уничтожали ружейно-автоматным огнем. Бой шел за каждую развалину.

День клонился к вечеру. Быстро наступала темнота, а бой не утихал. Горели дома, танки, автомашины. Санитары оказывали помощь раненым, подносчики едва успевали раздавать боеприпасы. К 22 часам Скирманово усилиями трех танковых бригад было очищено от немцев, а к полуночи — и высота 264,3. Преследуя отходящего врага, на рассвете

13 ноября танкисты захватили деревню Козлово, расположенную на южном берегу болотистой реки Озерна. Противник контратаковал нас двадцатью танками и батальоном пехоты, и мы вынуждены были перейти к обороне.

В ночь на 15 ноября нас сменили другие части. Бригада была выведена в резерв армии и расположилась в деревне Диньково. Ремонтники приводили в порядок матчасть, бойцы мылись в бане, штабы готовили представления к награждению отличившихся в боях воинов. Старшина Осипов получил звание лейтенанта и был утвержден в должности командира роты истребителей танков.

Вечером 16 ноября мы получили приказ: бригада придавалась кавалерийскому корпусу генерал-майора Л. М. Доватора. Он приказал нам занять оборону в районе деревень Сычи, Городище, Язвище. Здесь был стык обороняющихся частей кавалерийского корпуса и 18-й стрелковой дивизии.

На северо-восток от Сычей — густой сосновый лес. Его западная опушка протянулась до Волоколамского шоссе. В километре западнее опушки были три деревни: Городище, за ней Шелудьково и чуть в стороне от шоссе — Федюково. Западнее Сычей местность открытая, а на взгорке, километрах в трех от Федюково, — большая деревня Язвище, в которой и находился штаб генерала Доватора.

Бригада заняла оборону. Деревню Сычи удерживал мотострелковый батальон с одной пушкой. Тяжелый танк старшего лейтенанта В. И. Разрядова расположился на южной окраине Язвища, КВ лейтенанта Ф. Д. Ошкало — на южной окраине Городища, а Т-34 младшего политрука И. Е. Бармина — на северной. Три танка старшего лейтенанта А. А. Дементьева находились в лесу восточнее Шелудьково, а зенитный дивизион — у деревень Шелудьково и Федюково. Разведывательная рота составила резерв бригады и обосновалась в лесу у Волоколамского шоссе.

До 13 часов 17 ноября было тихо. А ровно в 13.00 гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку. Затем налетели бомбардировщики. Один самолет был сбит нашими зенитчиками. Сычи, Городище и Язвище горели. В 14 часов фашисты обрушились на нашу оборону. Из леса южнее Сычей и Язвища появилось не менее ста танков противника и густые цепи пехоты. Не считаясь с потерями, враг лез напролом, стремясь любой ценой пробиться к Москве своими танковыми клиньями. Дым от разрывов снарядов, бомб и пожарищ смешался в одно большое облако и повис над полем боя.

Непосредственно на Сычи двигались 12 танков и до батальона пехоты противника. Первыми встретили их расчет пушки и рота лейтенанта И. В. Осипова. Расчет подбил два танка, но и сам вскоре выбыл из строя: пушка была разбита, наводчик и заряжающий погибли.

Когда вражеские танки подошли вплотную к нашей обороне, Осипов подал команду и на них полетели противотанковые гранаты. Вражеские машины остановились. Две из них запылали. Рассеялся дым, и танки вновь пошли на роту. Снова команда Осипова и снова меткие броски гранат. Танков осталось только пять, но немцы упорно лезли вперед. Осипов понимал, что рубеж роте не удержать, хотя люди стояли насмерть. И тут он получил приказ отходить к лесу. Трещали автоматы, рвались гранаты, но уже все реже и реже: бойцы, перебегая по одному, отходили. Последним покинул окоп И. В. Осипов, бросив перед этим еще одну гранату, от которой загорелся гитлеровский танк.

Овладев деревней Сычи, фашисты повели наступление на Городище, где также гремел бой. Здесь танковые экипажи командиров взводов лейтенантов Разрядова и Ошкало подбили семь немецких танков. Немцы попытались сманеврировать, обойти КВ с флангов, но танк Разрядова вновь стал на их пути. Он вел бой до последнего снаряда. А вскоре ему на помощь пришли танкисты 1-й гвардейской и 27-й танковой бригад. Стальная лавина вражеских танков остановилась. Гвардейцы М. Е. Катукова новыми подвигами еще выше подняли свою боевую репутацию.

Фашисты стали обходить танк Ошкало, который уже подбил четыре вражеские машины. Командир решил сменить позицию и выйти из засады. Но тотчас в танк попал снаряд, порвал гусеницу, заклинил башню. Он остановился, гитлеровцы стали его окружать. На помощь попавшим в беду товарищам из леса шли три легких танка, ведомые старшим лейтенантом А. А. Дементьевым. Немцы остановились и открыли огонь по ним. А те, ведя огонь на ходу, промчались рядом с гитлеровцами и, лихо развернувшись, скрылись в лесу. На какое-то время фашисты были отвлечены от танка Ошкало. Этим воспользовался экипаж. Оставив танк, он укрылся в лесу. Отошел к шоссе и мотострелковый батальон.

На четырехкилометровом фронте, от леса до Язвища, на направлении главного удара у нас оставался один танк Т-34 младшего политрука И. В. Бармина и зенитный дивизион, у которого, правда, не было бронебойных снарядов. Экипаж вступил в бой. Он мастерски точно бил по башням вражеских машин. Почти каждый его снаряд достигал цели.

Наблюдая бой экипажа Бармина, генерал Л. М. Доватор, восхищаясь, выкрикивал:

— Ай да молодцы! Ай да танкисты!

После двух-трех выстрелов Бармин менял позицию. Он уничтожил десять вражеских танков[1]. Видимо, у гитлеровцев сложилось впечатление, что они имеют дело не с одной нашей тридцатьчетверкой.

Продолжая атаку, гитлеровцы подходили к позициям зенитного дивизиона. Батарейцы ударили по врагу из 12 орудий осколочными. Немцы, испуганные огнем зенитчиков, который, кстати, нанес им вреда мало, прекратили атаку в в сторону шоссе и через лес пошли на Новопетровское. Здесь их встретили танки 23-й бригады и бойцы 18-й стрелковой дивизии полковника П. Н. Чернышева.

Стемнело. К шоссе подошел мотострелковый батальон. Усилившись разведротой и танком младшего политрука И. Е. Бармина, он контратаковал гитлеровцев и овладел деревней Федюково. Здесь бригада перешла к обороне и, удерживая занятый рубеж до 20 ноября, не пустила немцев на Волоколамское шоссе.

Ночью со стороны Волоколамска к расположению наших подразделений подошли измученные минометчики 27-й бригады. Командир минометной роты сообщил нам неутешительные вести: соединение понесло большие потери, и танкисты отходят отдельными группами. Командир бригады подполковник Ф. М. Михайлин погиб.

Мы обнажили головы и почтили память погибших боевых друзей и товарищей.

Вечером 21 ноября из штаба армии прибыл офицер связи и вручил мне приказ: «Командиру 28 тбр. В ночь на 21 ноября отойти на деревню Кучи».

Я направился к генералу Л. М. Доватору. Верхом на копе, в черной бурке и кубанке, генерал объезжал строй кавалеристов. Увидев меня, он спешился и, поздоровавшись, спросил:

— Что случилось?

— Получил приказ отходить на Кучи.

— Мне приказано то же самое. Выступать будем вместе в 22 часа. Отход прикроют танки и эскадрон.

В деревне Кучи мы навсегда расстались с генералом Доватором. Лев Михайлович со своими конниками отстаивал каждую пядь подмосковной земли и 19 декабря 1941 года погиб в бою.

---

[1] ЦАМО, ф. 28 гв. тбр, оп. 204397, д. 16, л. 20—34.

Весть о гибели Доватора мы получили, находясь в резерве. Вспомнилась первая встреча с ним. Это было рано утром 17 ноября 1941 года в деревне Язвище. Я прибыл туда, чтобы доложить генералу о занятии бригадой обороны. Когда вошел в дом, где он располагался, увидел оголенного до пояса здоровяка, наклонившегося над тазом с водой. Ординарец лил ему на шею холодную воду. Доватор крякал от удовольствия, растирал руки, грудь, фыркал, брызгался. Я доложил:

— Командир 28-й танковой бригады подполковник Малыгин.

— А, Малыгин, — продолжая мыться, быстро взглянул на меня генерал. — Садись, покури пока. Я сейчас вот...

Я присел на стоявшую рядом скамью, снял шапку.

— Что у тебя осталось после Скирманово? — растираясь полотенцем, спросил Доватор.

— Три танка, триста автоматчиков да зенитный дивизион.

— М-да, небогато. — Генерал отдал полотенце ординарцу, начал одеваться. — Ну ничего. Мы не привыкли воевать, имея больше сил... А немцев все же бьем, а?

Широко распахнулась дверь — и вошел командир 1-й гвардейской танковой бригады М. Е. Катуков, доложил о прибытии.

— Хорошо, — кивнул Доватор. — Посидите минутку, потолкуйте.

Мы с Катуковым заговорили о боях под Скирманово. Ординарец достал из печки чугунок с картошкой, сваренной в «мундире», поставил на стол рядом с кипящим самоваром. Доватор, туго затянув ремень поверх гимнастерки, подошел к нам.

— Ваш разговор о том, кто больше вложил в скирмановскую операцию, никчемный, — сказал он. — Бросьте вы его. Общему делу служили и завершили все победой — вот суть.

Вроде бы ничего особенного не сказал, но пыл наш угас мгновенно и даже смешно стало от того, что, собственно, притязания-то наши на лавры победы оказались мелочными.

— Садитесь-ка лучше чай пить,— пригласил к столу Доватор.

Мы оба торопились, поэтому, поблагодарив Льва Михайловича за приглашение, попросили у него разрешения уехать.

Он не возражал и дружески пожал нам руки, мы уехали.

Таким подвижным, веселым, храбрым, простым и душев-

ным человеком остался генерал Л. М. Доватор в моей памяти.

Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил ему звание Героя Советского Союза.

Тех дней не забыть никогда. Ведь решалась судьба Москвы. Вот как оценил тогда положение в том районе, где действовала наша бригада, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

«На истринском направлении наступали две танковые и две пехотные немецкие дивизии. Противник против наших 150 легких танков бросил 400 средних танков. Развернулись ожесточенные сражения. Особенно упорно дрались наши стрелковые дивизии, 316-я генерала И. В. Панфилова, 78-я полковника А. П. Белобородова и 18-я генерала П. Н. Чернышева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора» [1].

Отличившиеся в боях бойцы и командиры были представлены к награждению орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза получил 22-летний Илья Елизарович Бармин, а члены его экипажа награждены орденами Ленина. Награждены были З. С. Рахматулин, И. В. Осипов и многие другие танкисты. Награды им всем вручал в Кремле Михаил Иванович Калинин.

Почти за месяц боев бригада уничтожила 56 вражеских танков, 25 противотанковых орудий, 15 автомашин, 55 минометов, 19 станковых пулеметов, 48 ручных пулеметов и вывела из строя около 1800 гитлеровских солдат и офицеров.

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970, с. 338.

ОГНЕННЫЕ ВЕРСТЫ

Наша бригада сосредоточилась в деревне Левково (севернее города Пушкино). Танков не было. Зенитный дивизион вывели из штата, передали в управление формирования. Личного состава осталось около двухсот человек, но организационная структура бригады сохранилась. Это был костяк соединения, хранители боевых традиций подразделений. Нам предстояло получить пополнение.

Люди помылись в бане, отдохнули, привели в порядок оружие, снаряжение, обмундирование, машины. Штаб быстро составил программу и расписание плановых занятий на месяц. И уже на другой день началась боевая учеба.

В напряженных буднях быстро мелькали недели. Наступил первый весенний месяц. Правда, зима не сдавалась: в лесах и на полях лежал глубокий снег, было морозно.

Переформирование бригады подходило к концу. Теперь мы имели два танковых батальона. 28-м командовал капитан М. К. Акопов, 242-м — прибывший из управления кадров майор А. Г. Ефимов. В бригаде было 10 танков КВ, 22 — Т-34 и 11 — Т-37 (плавающие пулеметные). Артиллерия также была укреплена: четыре 45-миллиметровые пушки составляли противотанковую батарею, шесть 82-миллиметровых минометов — минометную роту. Была у нас и зенитная рота, правда, пока без материальной части.

Начальник артснабжения капитан А. Ф. Гришин раздобыл четыре трофейных 107-миллиметровых миномета, но мины для них оказались лишь на складах войск Калининского фронта. Тем не менее мы создали внештатную, так сказать, минометную роту, научили людей пользоваться оружием, провели боевые стрельбы, результаты которых всех обнадежили.

Многие командиры получили новые назначения и убыли из бригады. Мотострелковый батальон принял молодой, внешне не по годам строгий, а потому и неулыбчивый капитан М. П. Обоев. Заместителем Буслаева был назначен капитан Е. М. Ковалев.

Долго, почти четыре месяца, ждали мы того момента, когда соединение направят на фронт. И этот день настал. 21 марта 1942 года бригаду направили на Калининский фронт, где она вошла в состав 30-й армии генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко.

Мы прибыли на станцию Селижарово.

Положение наших войск под Ржевом было затруднительным. После поражения под Москвой враг отвел главные силы группы армий «Центр» в район Ржев, Вязьма, Смоленск. Разгром этой группировки для немцев означал бы катастрофу, но мы тогда еще не располагали для этого достаточными силами и средствами. В этот момент важно было отогнать фашистов как можно дальше от Москвы и хотя бы овладеть железнодорожным узлом Вязьма. Это поставило бы фашистское командование перед необходимостью изменить базирование на Смоленск и Оршу, а стоявшую под Ржевом 9-ю немецкую армию отвести еще на 150—200 километров и почти полностью потерять надежду на успех возможной новой наступательной операции на Москву. Неудивительно, что враг упорно сопротивлялся, несмотря на неисчислимые потери. 39-я армия Калининского фронта глубоко вклинилась в расположение противника и угрожала его силам с запада в районе Вязьмы. Но и сама она была в сложнейшем положении — снабжение и пополнение ее затруднились из-за отсутствия железной и шоссейной дорог, ведущих в район боевых действий.

Чтобы помочь 39-й армии командующий фронтом генерал И. С. Конев по указанию Ставки поставил 30-й армии задачу ударом с заволжского плацдарма северо-западнее Ржева соединиться с 39-й и окружить часть сил 9-й немецкой армии в районе Оленино.

Именно в этот момент наша бригада влилась в состав войск Калининского фронта.

Разгрузка эшелонов шла организованно. Бригада уже вытянулась в колонну, когда в небе послышался гул моторов. Но мы только радовались ему — в раннем утреннем небе шла краснозвездная эскадрилья «илов».

— Соколики! — по-детски радостно кричал В. Г. Гуляев. — Ах как здорово!

Мы с В. Г. Гуляевым и В. Н. Буслаевым поехали к командующему армией докладывать о прибытии бригады в его расположение. В распоряжение штаба 30-й армии приехали часам к одиннадцати. Он находился в лесу. От землянки к землянке торопливо проходили люди. Вид у них был какой-то озабоченный. На нас никто не обращал внимания. На-

конец нам показали землянку командующего. Когда вошли в нее, увидели за столом у развернутой карты генералов И. С. Конева и Д. Д. Лелюшенко.

Представившись, я доложил:

— Бригада сосредоточена в лесу в районе Раменье, Яковлево, Усово. Танки КВ еще на марше, прибудут через полтора-два часа.

— Сколько вам нужно времени, чтобы бригада была в полной боеготовности? — спросил командующий фронтом.

— Пять-шесть часов.

Д. Д. Лелюшенко подозвал меня к карте, сказал:

— Я думал, вам понадобятся сутки, а то и двое... Но раз вы готовы, тогда... Атака назначена на завтра в 8.00. Ваш мотострелковый батальон и рота танков Т-34 придаются 375-й стрелковой дивизии. Сегодня в 16.00 вам следует прибыть в деревню Кашино на рекогносцировку. Там будет и командир этой дивизии генерал Соколов.

— Какова задача остальным подразделениям?

— Пусть остаются в районе сосредоточения.

Мне не хотелось «раздергивать» бригаду, но приказ есть приказ.

В назначенное время, после артподготовки, танки и мотопехота овладели деревней Паново. Противник потерял убитыми не менее двухсот солдат и офицеров, пять пушек, был взорван склад боеприпасов. Но и с нашей стороны потери были ощутимы: погиб Иван Васильевич Осипов, командир танкового батальона майор А. Г. Ефимов и другие.

Я очень переживал потерю боевых друзей. Комиссар, как мог, успокаивал.

— Все дрались отважно, — говорил Василий Георгиевич. — Припомни, как танк лейтенанта Кутшера в самый неподходящий момент завис на пне. Немцы окружили его, по подступиться так и не смогли, около тридцати их трупов остались там. А как экипаж вышел из положения! Радист Иванченко через люк в днище спустился под машину и ломом раздробил пень, и все это под огнем, отщипывая щепку за щепкой...

— Понимаю, это, конечно, героизм, а людей-то не вернуть.

— Что поделаешь, война. Но жертвы наши не напрасны!

— Пойди, комиссар, поговори об этом с бойцами...

...Я получил приказ командующего 30-й армией о том, что бригада в полном составе придается 375-й стрелковой дивизии генерала Н. А. Соколова, которой ставилась задача разгромить противника в деревне Усово, прорвать фронт

вражеской обороны и, развивая успех на юг, соединиться с частями 39-й армии.

Командир 375-й стрелковой дивизии генерал Н. А. Соколов встретил нас с Гуляевым радушно, ознакомился с составом бригады и тут же предложил разработать план наступления. К имеющимся у нас силам дивизия могла выделить не более 250 человек пехоты, 30 орудий и дивизион «катюш» с одним боекомплектом на один залп. Артиллерия была способна обеспечить только 15-минутный огневой налет. Эти силы должна поддержать эскадрилья пикирующих бомбардировщиков. Конечно, и Соколов, и я понимали, что сил у нас мало.

К началу атаки мы с командиром дивизии заняли его наблюдательный пункт на высотке у деревни Черново. Это был обычный окоп, покрытый двумя накатами бревен, присыпанными землей. Амбразура позволяла наблюдать всю полосу наступления дивизии. Танки с санями на прицепах стояли на исходных позициях. В санях — пехота.

После огневого налета артиллерии, удара авиации и «катюш» началась атака на Усово. Первыми туда ворвались тяжелые танки, за ними — средние с пехотой на санях. Фашисты открыли ураганный минометный огонь, наши танки, стреляя на ходу, завязали бой с тремя десятками вражеских машин неподалеку от деревушки Бараки. Артиллерия противника вела довольно интенсивный и губительный огонь. Наша пехота залегла.

КВ, которым была поставлена задача предупредить возможную контратаку гитлеровцев из леса у деревни Самойлово, поспешили на выручку средним танкам. Командир роты лейтенант Юрченко подбил три вражеские машины, но его танк загорелся — в него попало несколько снарядов. Члены экипажа были ранены, сам Юрченко — смертельно.

Воспользовавшись тем, что КВ открыли фланг, фашисты бросились в контратаку. Завязался чисто танковый бой. Танкисты и мотопехотинцы устояли, но в это время вражеская артиллерия начала обстрел нашего НП. Едва мы с Соколовым оставили наблюдательный пункт и укрылись в траншее неподалеку, как прямым попаданием снаряда его разнесло в щепки. Даю команду танкистам отойти на исходные позиции. Мимо проходят шесть тридцатьчетверок и восемь КВ. Последним идет танк Рахматулина со срезанным наполовину стволом пушки.

Уцелевшие немецкие танки тоже отошли на исходные позиции в лес, к деревне Турино.

На поле боя догорали 32 наши и немецкие боевые машины. Глядя на мое сумрачное лицо, генерал Н. А. Соколов, закончив осматривать вспаханную снежную лощину в бинокль, подбадривал:

— Не кисни. Твои молодцы набили их в два раза больше, чем своих потеряли.

— Так-то оно так, но наши танки остались на территории врага. Немцы, может, и восстановят кое-какие свои машины, а для нас потеря одиннадцати танков — урон безвозвратный.

Посыльный доложил, что меня к телефону вызывает командующий. «Почему меня, а не генерала?» — думал я.

— Какие потери? — спросил командующий армией.

Я ответил.

— Атаку повтори! — приказал генерал Д. Д. Лелюшенко. — Захвати Усово и удерживай!

Послышались гудки. Я отдал трубку телефонисту, направился к танкистам.

Экипажи пополняли запас. Врачи и санитары оказывали помощь раненым. Подоспел обед.

— С нами, товарищ командир! — пригласили бойцы.

Мне было не до еды. Собрав командиров батальонов и рот, я поставил задачу повторно атаковать врага. Сам решил находиться в машине командира взвода лейтенанта Богатырева. Я любил этого русоволосого, рослого, широкоплечего парня. На его лице всегда была улыбка, и, несмотря на свои 20 неполных лет, он показал себя толковым, грамотным командиром. К сожалению, не помню его имени и отчества.

Вечером того же дня осколком случайно залетевшей в наше расположение единственной мины Богатырев был ранен в живот. Перед отправкой в госпиталь лейтенант тревожился, что теперь, видно, в родную бригаду вряд ли попадет. Я успокаивал его: как только он поправится, пусть, мол, даст знать, переведу к себе, «выпишу», как я тогда выразился. Он горько усмехнулся, поблагодарил.

Лишь в конце апреля мне удалось навестить Богатырева, вручить ему орден Красного Знамени. Состояние здоровья этого мужественного парня было плачевным. Как ни старались врачи, спасти его не удалось.

А повторная атака тогда так и не состоялась. Командующий отменил ее.

Все ярче пригревало солнце. Снег начал чернеть — наступал апрель.

Потери, понесенные нами в течение недели, не давали никому покоя.

— Надо подбитые танки ремонтировать.

— Да, конечно, только их с нейтралки вытащить бы сперва.

— Швебиг вытащит. Он хоть черта вытащит...

Мой помощник по технической части инженер-капитан А. П. Швебиг, человек трудолюбивый, деятельный, обычно без вызова не появлялся — недосуг. А тут сам пришел.

— Товарищ командир, — сказал он. — Есть возможность наши потери покрыть.

— Каким образом?

— Мы провели разведку в полосе армии и нашли немало подбитых танков, да и на нейтральной их немало.

— Кто же позволит вам взять их? — перебил я. — У этих танков, наверное, есть хозяева.

— Не совсем так, — возразил Швебиг. — Там есть танки бригад, которые уже не входят в состав 30-й. Если разрешите, я добьюсь в техотделе армии... Эвакуируем, отремонтируем... Конечно, с запчастями трудновато будет, но средний ремонт сделаем как надо. А капитальный... Была б коробка цела, товарищ полковник, а нутро начиним — ходить и стрелять будет!

— А с эвакуацией как?

— Так ведь скоро земля растает. Траншеи выроем к танкам в нейтральной зоне, ночью подцепим тросом и — будь здоров! Как в Скирманово, помните?

— Где думаете организовать пункт ремонта?

— В лесу у деревни Дегтяри. Только неизвестно, сколько бригада здесь простоит. — Швебиг посмотрел на меня так, словно я это прекрасно знаю, но скрываю от него. Но я и сам ничего не знал, потому только коротко распорядился:

— Приступайте.

Часом позже, встретившись с В. Г. Гуляевым, рассказал ему об инициативе ремонтников.

— Золотой народ!—воскликнул комиссар.—У них уже есть в запасе пять моторов, четыре коробки перемены передач, кое-какие другие запчасти... А знаешь, Константин Алексеевич, — заложив руки за спину, весело шагал он по землянке, — вот так и проявляется в людях чувство хозяина! Что есть главный элемент на войне? Думаешь, техника, снаряд? Нет, человек! Отнесись к нему с достоинством— сделает невозможное. Такой он, наш советский человек.

— Ты бы перед личным составом об этом, а?

— Разумеется! — кивнул Гуляев и, взглянув на меня, добавил. — А знаешь, командир, задумали мы с Некрасовым дом отдыха организовать.

— А почему бы не санаторий? — съязвил я.

— Я серьезно, — сказал Василий Георгиевич. — Некрасов говорит, что в медсанвзводе, расположенном на берегу Волги, в деревне Минино (это километрах в пятнадцати от фронта), на излечении находится около восьмидесяти человек. По существующему положению добрую половину из них надо направить в госпиталь. А освободившиеся места— для отдыхающих.

— В чем же дело?

— Раненые не соглашались на эвакуацию, боялись, что не попадут после лечения в свою бригиду. Но все уже устроено.

Начальника санитарной службы бригады военврача 3 ранга Николая Яковлевича Некрасова я знал как человека жизнерадостного, деятельного и довольно хозяйственного. И эта его задумка, конечно, неплохая. Ладно бы где-нибудь в тылу...

— Санитары привели бродячую корову, — рассказывал Гуляев. — Дойная попалась, молоко как сливки... Корм раздобыли, отходы с кухни ей отдают... Розу из Скирманово помнишь?

— Конечно.

— Так вот, она эту животину и обхаживает. От молока раненые поправляются. А скоро рыбу будем ловить! Уха шикарная будет!

— Но ведь близко от фронта!

— В лесу, говорю, стоит медсанвзвод, в стороне от дорог, и тишина, даже немцы не бомбят.

Так было положено начало бригадному дому отдыха, в котором только в 1942 году побывало более 600 бойцов и командиров, не считая раненых и больных. Самая большая заслуга в формировании бригадного дома отдыха — командира медсанвзвода и военврача Александра Ивановича Корхова.

Лед на Волге посинел, снег сохранился только в глубине лесов. На деревьях стали набухать почки, а пригорки покрылись первой нежно-зеленой травкой. Вот-вот Волга должна вскрыться. А это значит, что мы окажемся отрезанными от тылов. О строительстве моста нечего было и думать, пока не кончится ледоход. Как быть с продовольстви-

ем, боеприпасами, как держать связь с левым берегом? Эти вопросы нас беспокоили постоянно, но путного решения мы не находили. Но, как всегда в самых трудных случаях, обязательно найдется умелец, который предложит выход из положения. На этот раз им оказался начальник инженерной службы старший лейтенант И. Г. Федоров, которого я знал еще по 38-й танковой бригаде. Иван Григорьевич скромный, какой-то незаметный, но, как говорят, дошлый на выдумки.

— Тут, пожалуй, воздушный мост нужен, — сказал он, выслушав наши сетования по поводу заминки с переправой. — Трос нужен, метров этак двести...

— У меня трос есть, — сказал присутствовавший при разговоре инженер-капитан А. П. Швебиг.

— Тогда не о чем беспокоиться, товарищ командир! — обрадовался Иван Григорьевич. — Трос привяжем вон за те прибрежные сосны, натянем. К нему на роликах подвесим небольшую платформу, а рядом — веревку протянем. Посадим на платформу бойца — будет тянуть за веревку и катить платформу по тросу от берега к берегу.

— А получится? — спросил я.

— Почему же нет! — удивился Федоров. — Тонны полторы, пожалуй, выдержит.

— Да, трос надежный — танки вытягиваем с нейтралки, — подтвердил Швебиг.

Через двое суток воздушный мост действовал, а еще через сутки начался ледоход. Лед трещал, ломался, льдины наползали друг на друга, становились на попа... Вместе с мусором, досками, бревнами на льдинах оказывались немецкие автоматы, каски, ранцы. На довольно большой, уже начавшей крошиться льдине стоял ящик со снарядами от сорокапятимиллиметровой пушки. Солдаты сняли неожиданный подарок со льдины и с помощью «чудо-переправы» доставили на берег. Кстати, наш воздушный мост был единственным в армии, даже ее достопримечательностью, поскольку генерал Д. Д. Лелюшенко приказал передать переправу под армейский контроль. Настоящий, хороший мост был построен только в конце апреля, когда Волга очистилась ото льда.

На фронте продолжалось затишье. Только иногда по ночам возникала пулеметная или минометная перестрелка — немцы пытались мешать нашим ремонтникам эвакуировать подбитые танки с нейтральной полосы, красноармейцы не оставались в долгу, прикрывали своих.

Накануне первомайских праздников нас посетили шефы — 15 москвичей во главе с председателем комитета Красного Креста Московской области Т. П. Чубчиковой. Они привезли две машины подарков для воинов бригады. Гости побывали во всех подразделениях, рассказывали о героическом труде советских людей на заводах и фабриках, призывали бить ненавистного врага до последнего дыхания, беспощадно гнать его с родной земли. Мы клялись отомстить фашистам за поруганную землю, за слезы наших родных и близких.

Шефы хотели остаться у нас и на Первомай, но их пришлось срочно отправить в тыл, потому что фашисты с самого утра 1 мая начали активно обстреливать из орудий позиции 380-й стрелковой дивизии полковника А. С. Люхтикова. После артподготовки они пошли в атаку и захватили деревню Полибино. Правда, в этот же день силами нашего мотострелкового батальона они были оттуда выбиты.

Возвращаясь с проверки подразделений, я услышал выстрелы. На опушке леса стоял невысокий боец с подоткнутыми за пояс полами шинели и, усердно целясь, палил по пролетавшему на большой высоте вражескому самолету. Занятие это было, конечно, совершенно бесполезным. Самолет скрылся, солдат внимательно осмотрел винтовку, зачем-то дунул в казенную часть, закрыл затвор и, вскинув оружие «на ремень», направился в соснячок. Я окликнул бойца. Тот подошел.

— Какой части? — спросил я.

— Полковник Люхтиков у нас командиром, — неторопливо ответил солдат. — Слыхали, может?

— Знаю такого... Как же ты в самолет-то не попал? Видно, упреждение малое брал, надо бы фигуры на две...

— А черт его знает! — оживился боец. — А пытаться надо! Вдруг удачно, и у немцев одним самолетом меньше станет. Хоть и редко, а такие случаи бывают. У нас одного парня орденом за такое дело наградили. Но вы не подумайте, что я ради награды по самолету-то...

Я отпустил солдата и по пути на КП раздумывал о том, что вот парень бьет по самолету из винтовки и не теряет надежды попасть в него, а у нас в бригаде целая зенитная батарея без материальной части, стало быть, вообще не стреляет по самолетам. Значит, зенитчиков надо либо использовать по назначению, либо...

Придя на КП, вызвал капитана А. Ф. Гришина.

— Как обстоит дело с вооружением зенитной батареи?

— Неважно, товарищ полковник, — ответил Андрей Филиппович. — Нет пока зенитных пушек на фронтовых складах...

— Значит, надо самим вооружаться. Солдаты, видел, из винтовок по самолетам палят, а у нас целая батарея бездействует.

— Подумаем, товарищ полковник.

Вскоре мне «по секрету» сообщили, что Гришин готовит бригаде сюрприз — мастерит турели для установок зенитных крупнокалиберных пулеметов и 20-миллиметровых пушек «Швак», снятых с подбитых самолетов.

Неделю спустя Андрей Филиппович, довольный, улыбающийся, показывал свою зенитную батарею — три установки на треногах из железных труб. На каждой из них были прикреплены барабаны колес от автомашин, а к ним приварены дуги, на которых шарнирно закреплены 20-миллиметровая пушка и спаренный с ней танковый пулемет.

Эти «уникальные» зенитные установки стреляли не так уж плохо. Потом из них был сбит не один вражеский самолет. Бойцы любовно называли эти самоделки «чудо-батареей».

...Лето 1942 года выдалось жарким в прямом и переносном смысле. Немцы рвались к Сталинграду. На их пути вставали наши воины, перемалывая все новые и новые гитлеровские дивизии. Несмотря на это грозная вражья сила — группа армий «Центр» — не ослабевала. И Ставка приняла решение нанести удар по части ее сил, овладеть Ржевом и закрепиться на заволжском плацдарме. Началась подготовка к наступательной операции 30-й армии Калининского фронта и части сил Западного фронта.

Наша бригада была выведена в армейский резерв в район Яковлево, Зыбино, Озерютино. Здесь же на армейском тыловом рубеже обороны, проходившем по реке Итомля, стояла 379-я стрелковая дивизия генерал-майора В. А. Чистова, вместе с которой бригаде предстояло действовать в будущей операции.

Не теряя времени, мы приступили к подготовке. Начали обучение совместным действиям танка со взводом пехоты и закончили тактическим учением дивизии с бригадой. Как только стал известен участок прорыва, танкисты изучили каждый клочок земли на подступах к переднему краю, привели в порядок дороги.

За неделю до наступления мне и командиру дивизии был объявлен устный приказ. К прорыву вражеской обороны привлекались шесть стрелковых дивизий с танковыми бригадами в первом эшелоне. Противник имел в полосе намеченного прорыва в первом эшелоне целиком 256-ю и часть сил 456-й и 87-й пехотных дивизий.

Нам ставилась задача взломать оборону противника в районе деревни Космариха и несколько западнее, развивая наступление, овладеть деревней Рамено, обеспечить ввод в прорыв двух танковых бригад и в дальнейшем выйти на берег Волги западнее Ржева.

Правее нас наступали 111-я и 243-я стрелковые дивизии (командиры соответственно полковники С. П. Котеев и А. А. Куценко) с 238-й и 196-й танковыми бригадами, левее — 2-я гвардейская и 220-я стрелковые дивизии (командиры — полковник К. П. Неверов и подполковник Н. Г. Цыганов) с 255, 143 и 236-й танковыми бригадами.

Вечером 29 июня меня вызвал генерал Д. Д. Лелюшенко с докладом плана боя. Я вошел в землянку, где находился генерал, доложил о прибытии. Лелюшенко был один. Настроение у него было приподнятое.

— Заходи, заходи, Малыгин! — протянул он руку, пригласил сесть к столу. — Рассказывай, как подготовлены люди, техника, оружие?

— Кажется, ничего не упустил. Все в норме.

Я показал командарму схему, сказал, что сам с радиостанцией и группой офицеров буду следовать за боевыми порядками танков.

— В танке будешь?

— Нет. По штату мне танк не положен, а брать из боевого порядка жалко.

— Ты, вот что, — генерал насупился, — форсить брось. Сам сядешь в КВ. Мне командиры живые нужны.

— Слушаюсь! — ответил я столь же хмуро. Опять план мой менялся, но не спорить же...

— Как, Константин Алексеевич, думаешь, прорвем оборону?

— Прорвем, товарищ генерал!

— А Ржев возьмем?

— Рота танков нацелена на улицы города.

— Кто командир? Пахмурко? Знаю такого. Этот прорвется... Как начальник штаба?

Это он о полковнике П. И. Трубицыне, который сменил В. Н. Буслаева, ушедшего на повышение.

— Толковый, рассудительный, но в бою еще не видел.

Генерал выспрашивал меня обо всем еще около часа, советовал, рассуждал вслух.

— Людей надо оценивать всесторонне, изучать их, вселять в них уверенность в победе — в этом залог успеха. Правильно поступаешь, комбриг, что изучаешь людей. А про твою «чудо-батарею» слышал. Молодцы твои умельцы. Передай им мою благодарность.

Я ушел поздно. Настроение было прекрасным.

Исходное положение войска занимали в ночь на 30 июня. Шел проливной дождь, который, кстати, не прекращался и весь следующий день.

Артиллерия подготовила атаку с достаточной плотностью огня. Обломки вражеских блиндажей, мокрая земля взлетали в воздух в течение полутора часов. В 8.00 танки нашей бригады и пехота 379-й дивизии ворвались на передний край обороны противника. Очень много захватчиков было уничтожено, уцелевшие побежали. Бригада устремилась на их преследование. 28-й танковый батальон с ходу овладел узлом обороны в Рамено и расположенной северо-западнее рощей. В полыхающей деревне немцы бросили 12 орудий. Воины 242-го танкового батальона, продвигаясь по бездорожью, содействовали 28-му танковому батальону и сами уничтожили две минометные батареи, разгромили штаб 187-го пехотного полка немцев, который находился в лесу севернее Федорково.

Немцы спешно ввели в бой резервы, пошли в контратаку. Натиск противника был довольно сильным, наши танки вынуждены были несколько отойти. Немцы устремились к Рамено, но тут их встретили танки 28-го батальона. 242-й батальон вышел немцам во фланг у деревни Федорково, и судьба противника была решена. Больше половины немецких машин горели, уцелевшие повернули к деревне Полунино, куда торопилась из Голохова пехота гитлеровцев.

Чтобы лучше обеспечить ввод в прорыв танковой группы, я дал команду 242-му танковому батальону захватить Горбово и Федорково. Но там уже были вражеские пехота и противотанковые пушки. Наши рвутся вперед. На южной окраине Федорково вспыхнул танк командира взвода лейтенанта Н. К. Гончаренко, экипаж которого подбил четыре вражеские машины, но и сам погиб. Зачадил КВ лейтенанта И. В. Евсютина, танкисты продолжают вести огонь из пушки и пулемета. Они не покинули машину до конца. Оставлен танк лейтенанта С. К. Тимова, подбившего два тан-

ка и уничтожившего несколько огневых точек противника. Санитары спасли экипаж через нижний люк. Танк младшего политрука Ю. З. Дорфмана уничтожил несколько пушек противника, раздавил минометную батарею, разрушил два дзота на окраине Горбова. В него попал снаряд. Дорфман и два члена экипажа погибли, механика-водителя сержанта Ефременко спасли санитары. Да, жертвы... Но и враг несет немалые потери. Теперь самое время вводить в прорыв танковую группу. Где же она, черт возьми?!

Ага, наконец-то подходит к танкам пехота 379-й стрелковой дивизии, левее стройной цепью идет пехота 16-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора П. Г. Шафранова. Перед такой силой, казалось, ничего не устоит, судьба Ржева вроде бы решена.

Но что это? Перед наступающими вдруг выросла сплошная стена огня. Пехота залегла, начала окапываться. Трудно, очень трудно сейчас поднять ее среди огня и дыма, навстречу смерти.

Кто-то стучит по корме моего танка.

— Эй, командир, поворачивай танк на Рамено! — Голос требовательный, крутой.

Открываю люк. Передо мной незнакомый майор.

— Я из танковой группы подполковника Зимина. Его танк застрял в болоте. Давай вытащи его! Да живее!

— Где группа?! — срываюсь на крик. — Когда войдет в прорыв?

— А, это вы, товарищ полковник?! — узнал майор меня и сбавил тон. — Застряли мы в болоте.

— Передайте своему командиру, пусть сам выбирается, раз сумел посадить танковую группу. Ведь вы же за нами шли! Как это случилось? Бросать управление, чтобы вернуться в тыл и вытаскивать вашего командира, я не намерен! Тем более что один, без танковой группы, он здесь не нужен!

Словно из-под земли вырос санитар 28-го танкового батальона рядовой И. Ф. Лулаков. Парню было не больше двадцати лет, за спиной санитарная сумка, в руке палка.

— Товарищ полковник! — вытирая пот со лба, докладывал он. — Вас вызывает командир 379-й стрелковой дивизии. Его наблюдательный пункт в Космарихе, в бывших немецких окопах. Меня послал майор Ковалев, он на НП бригады, вон там, метров двести сзади вас, там же Катков, Швебиг, Дементьев. Я покажу.

Кстати, к этому времени комиссаром бригады стал Г. Г. Катков, а начальником штаба Е. М. Ковалев.

Лулакова знала вся бригада. Это был отважнейший человек. Словно тень следовал он за наступающими танками, даже тогда, когда не было пехоты. Были случаи, когда, заметив, что тот или иной экипаж, увлекшись ведением огня по противнику, упускал верную цель, он бежал к машине, стучал палкой по башне и кричал: «Не туда бьешь! Бери левее! Вот теперь правильно!» Довольный, Лулаков соскакивал с брони, спешил к другому танку, вдруг остановившемуся. Многие танкисты обязаны ему жизнью. Илья Федорович Лулаков был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу».

На НП меня встретили командиры, там же был и тот офицер, что сначала не узнал меня. Позже мы познакомились ближе. Майор А. И. Морозов из 379-й дивизии оказался толковым и приятным человеком. Я извинился перед ним за резкость, и мы направились к застрявшим танкам. Дождь по-прежнему хлестал, ноги вязли в болотистой почве, идти было трудно. Над нашими головами пролетали с воем снаряды — шла артиллерийская дуэль. Вдруг что-то громыхнуло рядом, меня какая-то сила подбросила вверх, перевернула в воздухе, швырнула в грязь и присыпала землей. «Скамуфлировал снаряд!» — пронеслась мысль. Сознаю, что жив, но боюсь пошевелиться. «Вдруг нет руки или ноги?» Согнул ногу — работает, а вот левая рука... Боль в плече... Ни пилотки, ни автомата, лицо в крови и грязи — царапнуло по носу и шее. Метрах в десяти лежит Г. Г. Катков, чуть дальше — А. И. Морозов. Все ранены.

Подбежали санитары, помогли умыться из лужи, наложили повязки.

— Потерпите, сейчас в медсанбат доставим.

— На командный пункт бригады! — приказал я. — Болеть некогда.

Швебиг и Гришин помогли мне обойти отбитую у противника территорию. Танков, не принадлежащих нашей бригаде, оказалось мало, но все же...

Утром установилась ясная, солнечная погода, но радости она не принесла. Тут же прилетели вражеские самолеты. Зенитно-артиллерийское прикрытие у нас ведь было слабоватое, «чудо-батарея» конструкции Гришина, правда, сбила три самолета [1]. А их ходило над бреющем от 12 до 50 штук по три—пять раз в день. По воздушным целям стре-

[1] ЦАМО, ф. 28 гв. тбр, оп. 204396, д. 2, л. 10.

ляли и из винтовок, и из автоматов. Пехотинцы вели огонь залпами и, случалось, сбивали обнаглевших стервятников.

К фашистам стали прибывать резервы: 6, 102, 206-я пехотные и 1-я танковая дивизии. Они занимали оборону в населенных пунктах, вкапывали танки и огнем с места отражали наши атаки. Если наши врывались в траншеи гитлеровцев, те немедленно контратаковали. Упорные, изнурительные бои продолжались еще целую неделю. Раны мои поджили, но рука по-прежнему висела на перевязи, сделанной из бинта.

В ночь на 8 августа нашу бригаду вывели в резерв, километров в 12—15 от фронта. И сразу же мы начали подготовку к новому наступлению, направление главного удара которого проходило через Теленково, Грибово, Апоки. Ржев мы должны обойти восточнее. Началась перегруппировка войск.

Для развития успеха на главном направлении была создана танковая группа в составе 28-й и 240-й танковых бригад, 753-го легкоартиллерийского полка. Меня назначили начальником группы. Мы должны были войти в прорыв в полосе наступления 274-й стрелковой дивизии полковника В. П. Шульги. С 256-й танковой бригадой после овладения ими Теленково. Атака переднего края намечена на 8 часов 10 августа.

В мое распоряжение прибыл из 240-й танковой бригады мотострелковый батальон с двумя средними танками. Всего в группе было: два мотострелковых батальона, 5 тяжелых, 12 средних и 5 легких танков.

Во время артиллерийской подготовки танковая группа заняла исходное положение в готовности к вводу в прорыв. Едва началась атака 274-й дивизии и 256-й танковой бригады, позвонил генерал Д. Д. Лелюшенко:

— Начинай выдвижение на рубеж ввода в прорыв. Теленково взято.

— Не взято, — ответил я. — Бои идут за высоту... Мне хорошо видно с НП. Я нахожусь в полутора километрах от высоты.

— Пока подойдешь, возьмут! Вперед! — скомандовал генерал.

Саперы соорудили гать через болотистый ручей, что протекал рядом с НП. Но прошел первый танк, и переправы как не бывало. Бойцы рубили кусты, перегораживали ими ручей... Наконец все танки готовы к вводу в прорыв. Но бой у высоты идет с неослабевающей силой, хотя дело уже к вечеру. Мы рванулись в атаку. Противник оставил

высоту, но встретил нас мощнейшим огнем у Теленково. Бой длился до темноты. Из Теленково мы выбили фашистов. Но продвижение вперед шло медленно. Мы «грызли» оборону врага, освобождая одну деревушку за другой, несли потери и только благодаря неимоверным усилиям ремонтников бригада сохраняла боеспособность.

...В один из августовских дней мы шли в атаку на деревни Большое Гузынино и Жеребцово, где укрепились гитлеровцы. Я находился в танке на месте командира орудия и через прицел искал цели. Метрах в двухстах от дороги заметил надпись: «Мины». Это наши саперы отметили вражеское минное поле и рядом проделали проход. Сказав об этом механику-водителю М. Д. Калашникову, предупредил: двигаться на первой скорости точно по следу прошедшего впереди танка. Калашников точно ведет по следу гусениц, и... танк вдруг словно подкинуло.

Когда я пришел в себя, машина уныло стояла, мотор не работал, в боевом отделении темнота, дым. Словно в тумане пробивается робкий лучик света через открытый люк механика-водителя. На днище машины слева от места механика-водителя — брешь. Калашников и радист М. Б. Бабич неподвижно склонили головы. Заряжающий И. Т. Тимофеев дергает меня за плечо, кричит:

— Товарищ полковник, живы?

— Живой.

Тимофеев подает флягу с водой. Делаю два-три глотка и прихожу в себя. И тут как тут вездесущий лекпом Лулаков.

— Командир жив! — кричит кому-то Илья Федорович. Затем вытаскивает механика-водителя и радиста, над ними склонились санитары. Один бросился ко мне, я отказался от его помощи, выбрался через верхний люк. Следом за мной — Тимофеев.

«А ведь танк только что из ремонта, — почему-то подумалось. — И восстановить не удастся. Кусок брони вырван...»

— Браток, дай закурить! — слышу чей-то голос. Иду на зов. Под деревом лежит раненый сапер сержант А. В. Сергеев. — А, товарищ командир... Вот незадача, напоролся, стало быть. Нет ли водицы?

Лицо Сергеева опухло, в глазах мука, левая нога раздроблена. Напившись, взял у меня папироску, жадно затянулся:

— Полегчало. Товарищ полковник, вы меня не трогайте, я помирать буду.

— Погоди еще, рано, — сказал я. — Сейчас санитары придут.

— Нет, — спокойно ответил Сергеев. — Не успеют они.

Сердце сжалось. На вид солдату лет 35—37. Приказал Лулакову и санитарам срочно доставить Сергеева, Калашникова и Бабича в медсанбат.

Танк Захара Рахматулина шел мне на выручку. Но налетела авиация, и одна из бомб точно угодила в его башню. Только вчера он, смеясь, рассказывал, как осколки немецкой противопехотной мины прорвали ему комбинезон.

— Вот, глядите. А на теле — ни царапины. Долог, значит, будет мой век!

Век — один день...

Прибыв на НП, попросил А. П. Швебига:

— Напиши, большими буквами напиши, чтобы везде видно было, «Рахматулин», на башне вон того танка!..

Хоронили останки лейтенанта и его бойцов Гололобова, Лякишева, Мухина, Стручкова на окраине села Большое Гузынино под взрывы немецких авиабомб, огонь пулеметов. Я, не скрою, плакал...

Был у меня ординарец Александр Васильевич Васильев, рослый, круглолицый, румяный парень лет двадцати. По натуре молчалив, спокоен. Не пил, не курил. Движения какие-то угловатые, словно замедленные. Вместо «си» говорил «ши». Его и звали в шутку Вашильев. Он не обижался. За мной ходил как тень. Иной раз ухожу куда-либо, говорю:

— Васильев, останься в штабе.

— Слушаюсь!

Иногда он понадобится, вспомню, что оставил, не взял с собой, а он, смотрю, тут как тут.

— Откуда?

— Подумал, может, понадоблюсь. Что я в штабе не видел?

Нахожусь ли я в танке, на НП, его не вижу, но стоит крикнуть: «Васильев!», как он появляется словно из-под земли.

...Утром 12 августа мы начали атаку гитлеровцев, окопавшихся на насыпи железной дороги. С НП было видно полотно, две красные казармы, стоявшие в километре друг от друга, исходные позиции танков. Артполк сделал 15-минутный огневой налет по противнику. Подаю команду выйти танкам с исходных позиций. Но происходит нечто небывалое — танки ни с места.

Тороплюсь к ним. Васильев, как всегда, рядом. Выясняю, что машины поначалу забуксовали в болоте, но выбрались, едва мы с Васильевым прибежали.

— Как вам удалось выкарабкаться? — спросил я танкистов.

— Увидели, что мы бежим, вот и... — спокойно заявил Васильев.

Бойцы — в хохот. А мне не до смеха — промедление выхода танков может стоить людям жизней.

— Смотрите у меня! — упрекнул я экипажи и помчался обратно. Васильев не отстает.

— Так, говоришь, меня увидели танкисты и сделали невозможное? — спрашиваю ординарца. — Боятся, значит?

— Уважают, — спокойно ответил тот.

— За что же?

Ответить он не успел — немцы открыли минометный огонь. Мы залегли, но беда — ни ямки, ни кочки, ни борозды, укрыться негде.

— Братцы, сюда! — слышим чей-то голос, а вскоре и видим пилотку, вроде бугорка на земле. Ползем. В щели укрылся сержант бронебойщик С. Г. Кулагин из 274-й дивизии.

Я свалился на него, Васильев — на меня.

Обстрел прекратился, поднимаемся, отряхиваемся, осматриваемся. Оказывается, Васильев своим телом прикрыл нас обоих, а сам почти весь оставался вне укрытия. Повезло парню — ни один осколок не зацепил.

— Как ты только уцелел? — удивляюсь.

— Я вас не очень? — вместо ответа спросил Васильев.

— Что не очень?

— Ну это... придавил...

— Нет, — говорю, — не очень, а вот если бы я тебя лишился, не знаю, что и делал. Бежим скорей, танки вон уже куда ушли...

В центре между казармами наши танки пересекли железную дорогу, пехота устремилась за ними. Гитлеровцев в казармах не оказалось, они, укрывшись за их стенами, пытались отсечь пехотинцев от боевых машин. Бойцы залегли у насыпи. Даю команду артиллеристам — сосредоточить огонь на левой казарме, танкистам — на правой. Меняю наблюдательный пункт, ближе к полю боя. Метрах в двухстах от левой казармы нашли старый немецкий окоп — сойдет. Три снаряда ударили по левой казарме — стоит. Правую удалось разрушить. Немцы прекратили огонь. Пехота

за танками устремилась к деревне Мухамедово. Немцы из Жеребцова отходили на Грибово.

Я выбрался из окопа, сунул папиросу в рот, хватился— нет спичек.

— Васильев, где спички?

— А вот, — протянул он коробку.

Подошел Г. Г. Катков, потянулся за папироской. И тут из-за угла левой казармы по нас ударил пулемет, видимо оставленный для прикрытия. Пуля угодила Каткову в руку, папироса выпала. Я оглянулся. Огромными прыжками, петляя, Васильев мчался к казарме. Короткая очередь из автомата — и пулемет замолк. Комиссара отправили в бригадный «дом отдыха».

К вечеру мы совместно с бойцами 274-й дивизии В. П. Шульги овладели деревнями Грибово и Мухамедово. Противник отошел к Находово, закрепился.

После артналета и помощи наших штурмовиков атаковали немцев и в Находово, а потом взяли деревушки Кошелево и Дыбалово, захватили большой склад боеприпасов, командный пункт какого-то генерала, бомбоубежище. Оно нас поразило. На глубине 5—7 метров был укрыт добротный пятистенный домина. Только вместо крыши девять накатов бревен, вперемешку с камнем. Наши блиндажи, землянки имели всего три наката.

Мы получили приказ командующего о переходе в подчинение вводимой из резерва в бой 371-й стрелковой дивизии полковника Н. Н. Олишева. Соединению этому ставилась задача продолжить развитие наступления в направлении Аэродром, Апоки и выйти на северный берег Волги восточнее Ржева. Правее нас была введена в бой 375-я стрелковая дивизия генерала Н. А. Соколова, моего знакомого и соратника по наступлению на Усово. Через несколько дней я был очень огорчен вестью, что Соколов погиб.

Полковника Н. Н. Олишева я нашел недалеко от переднего края. Он был очень похож на Чапаева: строен, худощав, густые русые усы, на плечах плащ-накидка. Его всегда можно было найти на НП, в боевых порядках, но только не в штабе. Он никогда не ругался, не грозил, но за успех поощрял. Бойцы и командиры любили Николая Николаевича, за ним были готовы идти в огонь и в воду.

Мы встретились с ним на полянке у небольшого курганчика. Я представился.

— Здравствуй, милок! — по-домашнему сказал он, пода-

вая руку. — Давай посидим вот тут. Расскажи, что да как у тебя?

Мы курили, я докладывал.

— Небогато... Ты вот что, собери-ка свои танки к вечеру вон в ту балочку, я подошлю туда командира полка, и мы договоримся, как действовать. Завтра будем атаковать в направлении Исаково, Аэродром, Апоки. У тебя вопросы есть?

— Сейчас нет, но, возможно, появятся, когда будет конкретная задача танкам.

— Тогда иди действуй, не теряй времени. До вечера!

Вместе с Олишевым нам довелось воевать всего девять дней. И ни разу я не услышал от него худого слова. Действовали мы согласованно, дружно, активно.

Противник сопротивлялся отчаянно. Его авиация, артиллерия, минометы буквально засыпали нас бомбами, снарядами, минами. Голая земля, изрытая, израненная, укрыться негде, но мы продолжали с настойчивостью прогрызать, взламывать, крушить вражескую оборону. Овладев деревней Исаково, ринулись к Аэродрому, но неудачно. Н. Н. Олишев принял решение прорваться туда утром, а потом — на Апоки и к Волге.

Надо сказать, что к этому времени танковой группы как таковой не было. Мотострелковые батальоны были выведены в резерв. В 28-й танковой бригаде оставалось всего 14 танков, 5 из них легкие.

Ко мне обратился полковник Петр Иванович Трубицын с просьбой разрешить ему возглавить атаку в тяжелом танке. Я дал согласие. Утром 16 августа атаковали аэродромное поле. Танки, круша оборону, ворвались туда и напоролись на огонь полуавтоматических пушек.

Машина Трубицына была подбита и загорелась. Экипаж покинул танк, а Петр Иванович ринулся с пистолетом к аэродрому и был сражен вражеским автоматчиком.

Танки отошли. Артиллеристы открыли огонь по вражеской батарее, но им мешали густые посадки вокруг аэродромного поля. Тогда мы повернули в сторону высоты 292,8, обходя поселок Аэродром и поле с запада, но и здесь нас встретили огнем на линии железнодорожной ветки. Что ж, попробуем с востока.

Близ деревни Исаково выросла могила Петра Ивановича, и над ней мы поклялись, что выбьем врага с его позиций и лучшим памятником боевому другу будет освобождение от врага находившихся на главном направлении населенных пунктов.

Перегруппировавшись в район деревни Пудово, дивизия Олишева и наша бригада овладели деревней Демкино, на следующий день вышибли фашистов из Кошелево, а 21 августа захватили аэродром и вышли к Волге.

Нас вывели в резерв, в район 380-й стрелковой дивизии, но ее бывший командир генерал-майор А. С. Люхтиков был теперь заместителем командующего 39-й армией, а командование дивизией принял генерал-лейтенант А. И. Зыгин.

Армия была создана из нескольких дивизий, ранее входящих в состав 30-й армии, и частей, вышедших из окружения.

28-я танковая бригада была представлена к званию гвардейской. Многие солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями.

Мы завели строгий порядок, которого придерживались всегда, как только бригаду выводили в резерв. Первый день отводили для маскировки машин, оборудования щелей, укрытий, организации бани, отдыха. Второй день посвящался строительству землянок, вязке матов из соломы, с комсоставом проводилось собрание. Я делал доклад об итогах боев, старался вскрыть недостатки и упущения, промахи и казусы, отметить примерные действия, давал указания, чем заниматься в течение первых пяти дней, хотя, признаться, не всегда знал, сколько времени будем находиться в резерве. Затем выступал Г. Г. Катков, давал оценку работы политаппарата, освещал примерную роль коммунистов в бою. Е. М. Ковалев говорил о недостатках и положительных сторонах работы штабов и связи, А. П. Швебиг — о работе ремонтников и обслуживании машин. Третий день — день занятий по расписанию, вечером — ротные партийные собрания, если удавалось, кинофильм.

Когда первое расписание занятий выполнено, составлялось новое, более сложное.

Мы с Г. Г. Катковым и Е. М. Ковалевым проверяли ход занятий, проводили беседы и отдельные занятия в подразделениях. А. П. Швебиг и А. Ф. Гришин руководили ремонтом машин.

Проводили мы и строевые смотры, на которых прежде всего обращалось внимание на внешний вид бойцов и командиров. Накануне дня смотра начальник вещевого снабжения проверял обмундирование в подразделениях, а в день смотра к месту построения вывозили все вещевые запасы. Мы осматривали каждого бойца, на месте устраняли

недостатки, давали оценку работы начальника вещевого снабжения.

На этот раз нам предоставилась возможность проводить занятия почти до конца сентября. Бригада пополнилась людьми, ремонтники ввели в строй танки: теперь у нас их было 13 плюс неисчерпаемый ремонтный фонд. С тех пор как бригада появилась на Калининском фронте, мы не получали новых танков, но сохранили боеспособность.

В двадцатых числах сентября бригада поступила в распоряжение командующего 39-й армией, оставаясь в прежнем районе. Мы сразу же стали готовиться к участию в новой армейской наступательной операции по разгрому частей 87-й пехотной дивизии врага, оборонявшей заволжский плацдарм в 25—30 километрах западнее Ржева. Внимание и резервы противника все еще были прикованы к этому городу.

Передний край обороны немцев проходил по крутому южному берегу реки Кокша, насыщен дзотами, блиндажами, глубокими траншеями, ходами сообщения, проволочными заграждениями, минными полями.

Командующий 39-й армией решил нанести главный удар в направлении Бухавино, Митьково, силами 380-й стрелковой дивизии, 28-й танковой и 114-й стрелковой бригад прорвать оборону противника на участке Большое Косачево, Колесников и развивать наступление на Митьково. 380-я стрелковая дивизия совместно с 28-й танковой бригадой должна была выйти к Волге на участке Клушино, Митьково. С рубежа Коростелево, Жуково вводилась в прорыв 81-я танковая бригада, которая во взаимодействии со 114-й стрелковой бригадой развивала наступление на Ржев с запада.

Планировались и вспомогательные удары: первый — из леса южнее Тимонцево на высоту «Груша», далее на Клушино силою 1172-го стрелкового полка 348-й стрелковой дивизии; второй — специально созданной группой под командованием генерала Люхтикова в составе 111-й, 132-й и 243-й стрелковых, 153-й и 196-й танковых дивизий — в направлении Коровино, Копытиха, Губино. Начало артподготовки намечалось на 12.00, атаки — на 13.05.

При постановке задачи командующий предупредил:

— Полковник Малыгин, как только выйдете к Волге, сразу же отведу вас в резерв. Я имею в виду вашу бригаду, — помолчав, поправился он.

К этой операции мы готовились очень тщательно. По плану, утвержденному командующим, я провел рекогнос-

пировку с командирами танков, саперами, двумя командирами стрелковых батальонов 380-й дивизии.

А ночью мы снялись и ушли на исходные позиции. И здесь события развернулись далеко не так, как нам хотелось. Прибыл генерал А. И. Зыгин, вручил красноармейцам, сержантам и офицерам боевые награды за подвиги под Ржевом, поздравил всех нас, пожелал новых успехов и неожиданно заявил:

— Ваш мотострелковый батальон, полковник, подчиняю командиру 81-й танковой бригады.

— Я не согласен!

— Вы не имеете права обсуждать мои приказы!

Через полчаса я стоял перед членами Военного совета армии в небольшой землянке, освещенной керосиновой лампой. Среди присутствующих я увидел полковника К. М. Малахова, моего старого сослуживца. Он был единственным, кто поддержал меня. Остальные резко осудили мой протест, квалифицировав его как зазнайство и нетерпимость к приказам свыше.

— Мотопехота бригады, — объяснял я, — неотделима от танков. Мы имеем опыт атак по Усово, когда без пехоты потеряли одиннадцать машин, не достигнув успеха. Это произошло потому, что в бригаде не было своего мотобатальона, а пехота стрелковой дивизии, которой мы были приданы, не пошла за танками, оторвавшимися от нее. Мы это учли, и теперь каждый взвод мотострелков несет ответственность за машину, с которой он действует. Подразделение всегда связано с экипажем, для этой цели разработаны и изучены соответствующие сигналы. Мотострелки всегда стоят между танками и наступающей пехотой дивизии. Когда танк останавливается на поле боя, а экипажу нужно выйти, чтобы устранить неисправность, мотопехота берет его под охрану. Когда танкистам угрожает опасность, никто не может предупредить экипаж, кроме закрепленного за ним взвода мотопехоты.

Из танка видимость ограничена, это известно. Когда он вырвется вперед, а пехота отстанет, экипаж может этого не заметить. Кто возьмет его под охрану? Если нет огня противника, мотопехота садится на танк, делает рывок к важному объекту. Причем танк в этом случае не одинок. Перечислять все случаи взаимодействия танкового экипажа со взводом мотопехоты, наверное, вряд ли стоит. Ведь, кроме того, люди дружат, знают привычки, способности, характеры друг друга — это целый организм, который разрывать перед боем, перед атакой, считаю, недопустимо.

А. И. Зыгин задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Как только передний край будет прорван, батальон снова поступит в ваше распоряжение.

Сущность решения была в корне изменена по содержанию, а против формы я не стал возражать.

26 сентября день выдался ясный, солнечный, в небе — ни облачка, даже птички запели. Покой, тишина, не верится, что через несколько часов она взорвется. Но в 12 часов 05 минут воздух содрогнулся от залпа нашей артиллерии. Снаряды молотили вражескую оборону на совесть — летели в воздух бревна блиндажей, колья проволочных заграждений, груды земли... Саперы с миноискателями пошли проверять брод на реке, проделывать проходы в минных полях. За ними шли два тяжелых танка. Со стороны противника ни звука — так ошеломила его наша артподготовка.

Вот КВ медленно поднимаются по крутому берегу, началось блокирование дзотов. К броду подошли восемь Т-34. Глянул на часы — 13.05. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны. Начался штурм вражеского переднего края. Хорошо поработали артиллеристы—только в нескольких местах неуверенно стучали вражеские пулеметы. Пехота проходит проволочное заграждение, устремляется за танками. Звоню командующему:

— Передний край прорван. Танки и пехота развивают наступление.

— Молодцы! — радостно кричит в трубку генерал.

— Разрешите сменить наблюдательный пункт?

— Разрешаю. Не теряйте со мной связь, протяните провод!

Едва мы вышли из шалаша, где размещался НП, показались немецкие самолеты. Они усердно бомбили наш передний край, но мы были спокойны — наших войск там уже нет. «Чудо-батарея» открыла огонь и, ко всеобщей радости, сразу же сбила один бомбардировщик. Остальные, освободившись от груза, улетели.

Мы перешли вброд речку, поднялись на крутой берег. У дзота стоял тяжелый танк с перебитыми гусеницами, но экипаж жив, старается вернуть машину к жизни. Дальше— разбитые немецкие пушки, автомашины, походная кухня, чадит танк...

На большой скорости нас обгоняют танки 81-й бригады. Их направление — Спас-Митьково.

Доложили, что танки и мотопехота овладели деревней

Гнездно и вышли к Волге, немцы сдаются в плен. Захвачен понтонный мост. Но переправляться не было приказа.

— Задача выполнена! — доложил я командующему.

Время — 16.00. Слышен бой на рубеже Спас-Митьково, Корякино, Коровино. Видимо, немцы подбросили резервы и 81-я танковая с группой генерала А. С. Люхтикова перемалывает их.

К 19.00 пехота 380-й стрелковой дивизии перешла к обороне по северному берегу Волги от Митьково до Клушино.

Приказом командующего я вывел бригаду в район Гринино в резерв. Все танки были целы. 96 человек потом были награждены орденами и медалями.

27 сентября был день отдыха. Звучала музыка, организовали танцы. Шефы, приезжавшие к нам, были довольны. Утром они уезжали. Вместе с ними отбывали на новые должности А. П. Швебиг, ставший инженер-майором, и военврач Н. Я. Некрасов. На место Швебига был назначен заместитель командира 28-го танкового батальона по технической части инженер-майор М. Я. Жолобов, отец будущего летчика-космонавта СССР—коренастый, дотошный человек. Он лично проверял на технике каждую гайку. Михаил Яковлевич очень любил технику, бывало, ночевал возле танков, не снимая комбинезона. Благодаря его стараниям наши боевые машины практически никогда не выходили из строя по вине ремонтников.

Вместо Некрасова был назначен активист бригадного «санатория», бывший командир медсанвзвода военврач 2 ранга А. И. Корхов.

В середине октября бригаду перевели на правый фланг армии и сосредоточили в 7—9 километрах от переднего края. Командующий поставил нам задачу оборонительного характера. Он указал три направления, по которым мы должны были подготовить огневые рубежи на случай, если противник перейдет в наступление. Однако генерал ориентировал меня и на случай наступательных действий.

— Хорошо изучите местность и оборону противника на участке Тройня, Высоково в общем направлении на Урдом, Оленино, — сказал он.

Населенный пункт Урдом стоит на дороге, ведущей из Ржева к большому селу Молодой Туд, как бы седлая господствующую высоту в этом районе. Из него просматривались все подступы к нашему переднему краю и далеко в тыл. Еще в 1941 году здесь был построен наш укрепрай-

он — много дзотов, блиндажей, траншей, ходов сообщения. Теперь почти все это находилось во вражеских руках. Словом, нам предстояло брать бывший наш укрепрайон.

Бригада к тому времени имела только 17 танков.

В большом ящике с песком мы сделали макет лежавшей перед нами местности, нанесли на нее оборону противника. Занятия по ее изучению провели сначала с командирами батальонов, рот и взводов, потом с экипажами и, наконец, со всеми мотострелками. Хорошо зная местность и противника, каждый воин мог найти лучшее решение задачи, которая перед нами будет поставлена.

Беспокоила нас проблема преодоления минных полей. Как ни искусны были наши саперы, но они не защищены броней, работают под огнем и часто выходят из строя, не успев выполнить задачу. Как сделать, чтобы наши люди не гибли напрасно, и обеспечить проходы в минных полях? И опять нас выручили умельцы — И. Г. Федоров, М. Я. Жолобов и А. Ф. Гришин. Они сконструировали и соорудили три танковых трала. На катки от вышедших из строя танков поставили рамы, сваренные из рельсов, на них уложили для тяжести мешки с песком. Трал катился впереди среднего танка. Если попадалась противотанковая мина, она взрывалась под тралом, а боевая машина оставалась невредимой. Один трал мог подорвать две мины, вторым взрывом он приводился в негодность. Мы испытали эти устройства на специально подготовленном минном поле. Они успешно выдержали экзамен. Теперь минные поля нам были не так страшны, как прежде.

...Незаметно подобрался ноябрь. Лили дожди, ночами подмораживало. В ремонтной роте смастерили из старых бензобочек печи, трубы к ним. Теперь в землянках было тепло. Чтобы не расходовать топливо, под танками отрывали ямы, устанавливали в них печи. Тепло проникало в машину через открытый нижний люк, и не было нужды впустую гонять двигатели для их прогрева.

22 ноября командующий армией объявил решение на наступательную операцию. Она была одной из серии операций Калининского и Западного фронтов, имеющих целью сковать группу армий «Центр», все еще нависавшую над Москвой, и нанести ей поражение, оказать содействие советским войскам, сражавшимся под Сталинградом и готовящимся деблокировать Ленинград. 3-я ударная армия Калининского фронта нацеливала удар на Великие Луки, Новосокольники. Освобождение Новосокольников на железной дороге Ленинград — Орша затруднило бы подвоз вооруже-

ния и живой силы немецким армиям под Ленинградом, осложнило связь между группами армий «Центр» и «Север».

22-я (генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича) и 39-я (генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина) армии Калининского фронта наносили вспомогательные удары, позволяя Западному фронту готовить наступление в направлениях Ржев, Смоленск и Вязьма, Смоленск с целью ликвидации нависающей на Москву «оленинской петли» (22-я армия — на город Белый, а 39-я армия — на Урдом, Оленино).

Задачей 39-й армии было овладение большаком Молодой Туд — Ржев на участке Урдом, Зайцево и потом во взаимодействии с 22-й армией и ударной группой Западного фронта — населенным пунктом Оленино. Для решения задачи на главном направлении 39-й армии придавались 373, 135, 158-я стрелковые дивизии (командиры полковник К. И. Сазонов, полковник Ф. Н. Ромашин и генерал-майор И. С. Безуглый), 28-я и 81-я танковые бригады. Вспомогательный удар наносился несколько восточнее, с заволжского плацдарма в направлении на Зайцево усиленной стрелковой дивизией полковника Гусарова. Атака намечалась на 25 ноября после часовой артиллерийской подготовки.

Началась деятельная подготовка. Все было спланировано и рассчитано до мелочей.

Бушевала метель. Мой танк стоял на исходной позиции, а сам я в ожидании сигнала сидел с радиостанцией в дзоте на переднем крае. В 9.00 артиллерия открыла огонь. В 10.00 был дан сигнал атаки.

Первыми пошли наши танки с тралами, проделали два прохода в минном поле. В один устремились тяжелые, в другой — средние танки. КВ, полуокружив вражеский дзот на основном направлении, открыли огонь по его амбразурам. Средние машины двинулись к реке, но пехота отстала от них, ее прижал к земле огонь гитлеровских пулеметов. Несмотря на то что наши танки находились уже в тылу противника, он отчаянно сопротивлялся. Фашисты забивались в дзоты, выдерживающие удары 152-миллиметровых снарядов, и вели бешеный огонь.

Я дал танкистам команду вернуться к пехоте, но та все равно не могла подняться. Не лучшее положение создалось и у соседей слева — 135-й стрелковой дивизии и 81-й танковой бригады. Генерал А. И. Зыгин нервничал, но ничего изменить не мог.

Командующий, узнав о серьезных потерях у нас, приказал отвести танки за передний край, а атаку повторить 26 ноября утром.

Ночь прошла в заботах. Обидно было, что прорыв обороны противника не удался. Спать было некогда, да и холодно.

Утром видимость улучшилась, пурга прекратилась, но небо было затянуло низко висящими тучами. Авиация, стало быть, нам вряд ли поможет. Ровно в 9.00 началась артподготовка. Огонь велся сосредоточенно и только по уцелевшим очагам вражеской обороны. В 10.00 — атака. На этот раз немцы не выдержали натиска, побежали, стали сдаваться в плен. К броду у моста в Казаково подошли танки, я вызвал свой. Они начали переправляться. Командиры танковых взводов старшие лейтенанты М. Г. Кутшера и С. А. Пономарев выходили на берег из ледяной воды мокрыми по пояс — лично проверяли брод. Немецкая артиллерия открыла огонь по переправе и вокруг, и я укрылся в немецкой землянке. Там были наши саперы и пленный гитлеровец. Он был очень словоохотлив, явно радовался, что остался жив, жадно курил предложенную козью ножку, то и дело повторяя: «Гитлер капут!»

— Не страшно? — спрашивали его бойцы, через добровольного переводчика — солдата, кое-как владевшего немецким.

— Нет, — мотал головой пленный. — Это стреляют наши артиллеристы, они не попадают! А русские попадают. Тогда страшно...

Обстрел кончился, и я вышел из землянки. Подошли Г. Г. Катков и Е. М. Ковалев с офицерами штаба, телефонистами. Начальник штаба сообщил, что у переправы погиб командир 81-й танковой бригады полковник Д. И. Кузьмин, чудесный товарищ, настоящий командир. Мы сняли шапки, минуту помолчали, и я на танке двинулся за 28-м танковым батальоном.

В районе Палаткино танки развернулись. Шел бой. Вражеские противотанковые пушки встретили батальон огнем. В небе появились наши штурмовики, ударили по гитлеровской противотанковой батарее.

Левее нас 81-я танковая бригада атаковала Бердники, правее — 242-й танковый батальон занял Малые Бортники и оказался на фланге и частично в тылу противника. Уцелевшие вражеские артиллеристы бросили свои орудия и побежали в лес на Урдом. Наши танки начали их преследование. Я поспешил в 242-й батальон, чтобы поторопить его с атакой на Урдом.

На южной окраине Брюханово меня встретил младший

лейтенант П. Ф. Попов и доложил, что в Урдоме дзот, пехота и противотанковая батарея противника.

В землянке, где я устроился с телефонистами, собрались офицеры. Все были в напряжении, ждали моего решения. Но я не мог бросить на Урдом ни одного танка — горючее и боеприпасы были на исходе. Из 28-го танкового батальона доложили, что заняли Лисино. Тяжелый танк с комсомольским экипажем подошел к отдельному домику на окраине Урдома и укрылся за ним от огня дзота, из которого простреливалась улица.

Мы встретились с командиром 373-й стрелковой дивизии полковником К. И. Сазоновым и договорились продолжить наступление утром: танки с мотострелковым батальоном ударят на Урдом с севера, а полк второго эшелона дивизии—с востока.

Заправив танки горючим, пополнив боекомплект, утром мы атаковали Урдом с двух сторон. Большую роль сыграл экипаж КВ, подошедший накануне на его окраину. Он уничтожил пушечный дзот и открыл путь мотопехоте, которая и очистила населенный пункт от гитлеровцев.

Развить наступление на Оленино нам, однако, не удалось. Немцы подбросили три моторизованные и две пехотные дивизии и сдержали наше продвижение. Тем не менее цель операции 39-й армии в значительной степени была достигнута. Против нее стояли семь немецких дивизий, скованных и отвлеченных от других главных направлений.

В конце ноября 1942 года пришел приказ о назначении меня командующим бронетанковыми и механизированными войсками 3-й ударной армии. Командование бригадой принял подполковник Ефим Максимович Ковалев.

Прощание с боевыми друзьями было теплым и грустным... Кто знает, встретимся ли еще и что принесет нам фронтовая судьба!

Приказ Наркома обороны о преобразовании бригады в гвардейскую поступил, когда меня уже там не было. В боях на Калининском фронте родилась слава 28-й гвардейской танковой бригады, которую она с честью пронесла через все сражения до окончания Великой Отечественной войны.

Я намеренно пропускаю в повествовании довольно большой период, когда командовал бронетанковыми и механизированными войсками армии, а затем возглавлял в тылу танковую часть.

Впрочем, в личном плане это время для меня было очень памятным и знаменательным. 3 марта 1943 года мне присвоили воинское звание генерал-майора танковых войск. Одновременно я был награжден орденом Кутузова II степени.

В июле 1943 года я был назначен командиром 9-го механизированного корпуса. Это назначение я расценил как высокое доверие партии и был бесконечно рад этому, хотя в душу закрадывалось сомнение: хватит ли опыта, знаний, сил, чтобы успешно справиться с почетной, но и многотрудной задачей, которая на тебя возложена?

ДНЕПРОВСКИЕ КРУЧИ

Ясная Поляна, усадьба Л. Н. Толстого, прекрасный уголок России... Безбрежные поля, большие лесные массивы, тихая речка Упа... На Косой Горе дымят высокие трубы старейшего на Руси металлургического завода.

Здесь, от Косой Горы до южной опушки лесного массива, откуда начинается безграничная степь с разбросанными по ней селами, деревнями, садами, рощами, остроконечными терриконами, расположился 9-й механизированный корпус.

Штаб находился в селе Угрюмово. Там меня встретил хорошо знакомый еще по академии полковник Павел Васильевич Кульвинский, бывший начштаба прославленной 1-й гвардейской танковой бригады, представился. Мы сердечно обнялись. Чуть позже подошел заместитель командира корпуса по политической части полковник Григорий Васильевич Ушаков. Его я тоже знал.

В избе, где разместился оперативный отдел штаба, Кульвинский доложил обстановку и состояние корпуса.

— Формирование идет полным ходом, прибывают маршевые роты, вооружение, боевая техника; боеприпасы. Согласно полученным нарядам, части будут укомплектованы личным составом и оружием по штату, автотранспортом — только на 70 процентов. Отдельные 47-й и 59-й гвардейские, 53, 229, 74-й танковые полки, 616-й минометный, 1719-й зенитно-артиллерийский полки, 386-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, 82-й саперный, 999-й связи, медико-санитарный батальоны, полевой хлебозавод прибывают укомплектованными полностью. 69-я механизированная бригада завершает формирование, а 70-я и 71-я мехбригады только начали прием людей и оружия. Срок готовности корпуса определен к 15 сентября. Правда, 100-й мотоциклетный формируется в другом месте...

— Пополнение поступает хорошее, — дополнил Г. В. Ушаков. — Из госпиталей прибыло много людей, уже побывавших в боях и награжденных. Маршевые роты идут из

Сибири, центральных областей. Партийно-комсомольская прослойка около 25 процентов. В частях создаются партийные и комсомольские организации, регулярно выпускается корпусная многотиражная газета «Вперед на запад».

Мы составили план массовых мероприятий: торжественное вручение оружия каждому воину, проведение по этому поводу партийных и комсомольских собраний, бесед с беспартийными. Надо было довести до сознания каждого бойца, что Родина, вручая ему оружие, требует отстоять честь, свободу и независимость родной земли, ждет от нас боевых подвигов, беспощадной борьбы с оккупантами.

...Ускоренное формирование корпуса было вызвано тем, что уже в ближайшее время ему предстояло участвовать в большой наступательной операции.

Через несколько дней я познакомился с прибывшими в корпус командирами мехбригад: 69-й — полковником М. Д. Сияниным, 70-й — подполковником А. А. Бабаниным, 71-й — подполковником Т. Г. Карасем.

Мы провели собрание партийного актива, на котором я выступил с докладом о ближайших задачах коммунистов. Говорил о том, что, как известно, успех соединения в бою определяется его боеспособностью, а она зависит от высокого морального состояния войск, готовности каждого воина на самопожертвование во имя Родины, любви к ней, желания во что бы то ни стало победить врага. Особое внимание обратил на знание бойцами оружия, материальной части, на сколоченность подразделений и частей, их боевую выучку, сноровистость, натренированность каждого. Тренироваться нужно постоянно в любых условиях и при любой погоде, напряженно и неустанно.

Выступали также офицеры, сержанты, красноармейцы. Все они выражали единую мысль: личным примером, повседневным трудом, работой с бойцами добиться точности и образцовости везде и во всем, подчинить этому все свое время, помыслы, чтобы выйти из периода учебы закаленными, сплоченными, способными с честью выполнить приказ Родины.

Началась боевая подготовка, тактические учения. Очень успешно обучал своих подчиненных полковник М. Д. Сиянин. В нем чувствовалась настоящая командирская хватка, острота мысли, способность принимать самостоятельные решения, причем правильные, грамотные. Несколько слабее обстояли дела в бригадах А. А. Бабанина и Т. Г. Карася. Здесь не хватало на учениях должной напряженности, четкости, подвижности, были изъяны в маскировке на поле.

Я требовал от командиров бригад, чтобы бойцы были обучены смелым и решительным действиям, чтобы поле тактических учений для постороннего глаза было мертвым, а для нас жило и работало, добивался, чтобы и сами офицеры неустанно повышали свое тактическое мастерство и воинское умение, личным примером обучали бойцов решительным действиям на поле боя. Обратил внимание на то, что отдельные командиры не проявили необходимой воли в ходе учения, создавалось впечатление, что они боятся или почему-то не решаются строго потребовать немедленного исполнения своего приказания.

Меня поддержал Г. В. Ушаков. Он дал на совещании офицеров оценку партийной работе в подразделениях на тактических учениях, указал, что не все политработники и парторги оказались на уровне задач, поставленных командованием на учениях — последние известия, оперативные сводки Совинформбюро доводились до личного состава с опозданием, боевые листки в некоторых подразделениях не выходили.

Добрые примеры тоже были: отлично организованы обучение и воспитание воинов в 1-м мотострелковом батальоне 69-й бригады, которым командовал молодой и энергичный капитан Г. Ш. Балаян. Подразделение это прибыло из 14-й танковой бригады, в составе которой участвовало в боях под Воронежем. В нем было много бойцов и командиров, награжденных орденами и медалями за боевые подвиги, в том числе сам Г. Ш. Балаян и его заместитель по политчасти майор Д. Г. Чубарь. Среди танковых полков передовыми сразу же стали 47-й гвардейский подполковника Г. А. Адильбекова и 53-й подполковника Д. Г. Суховарова из 69-й мехбригады.

Из механизированных корпусов мы формировались последними. Перед отправкой на фронт были проведены еще одни учения. На этот раз — с боевыми стрельбами.

Учитывая уроки прошедшего периода боевой учебы, личный состав подразделений приложил максимум усилий, сноровки, энергии, чтобы с честью выполнить поставленные перед ним задачи и доказать свое умение действовать на поле боя настойчиво, смело, стремительно, смекалисто. Ходом учений я был доволен. Огорчало другое — до штата нам не хватало 824 автомашины.

В середине августа наш корпус вошел в состав 3-й гвардейской танковой армии.

К нам прибыли командующий армией генерал-лейтенант танковых войск П. С. Рыбалко, член Военного совета генерал-майор танковых войск С. И. Мельников и начальник штаба генерал-майор танковых войск В. А. Митрофанов — мой однокашник по академии.

Павла Семеновича Рыбалко я видел впервые. Среднего роста, плотный, с нахмуренными бровями, он резко спросил:

— Вам известно, что корпус вошел в мое подчинение?

— Директива нами получена, — ответил я и пригласил прибывших в штаб.

— Надеюсь, довольны подчинением? У нас в армии, — сказал Рыбалко, когда мы уселись за столом в штабе, — будете взаимодействовать с танкистами. Надеюсь, друг друга понимать будем. Корпус планируется использовать на сковывающем противника направлении.

— Я тоже так понимаю роль механизированного корпуса в составе танковой армии, — ответил я. — Тем более что не все люди крещены огнем, а боевая слаженность штабов и частей в бою еще не испытана. Корпус до конца-то не сформирован. Было обещано два эшелона с автомашинами, но их отняли, стало быть, спешили одну бригаду. Автотранспорта по штату было только 70 процентов, но его еще и сократили. На чем возить мотопехоту, боезапасы?

П. С. Рыбалко, насупившись, задумался.

— У вас много танков, будете сажать мотопехоту десантом, — сказал он.

— Внештатный батальон подвоза, — добавил С. И. Мельников, — будет доставлять запасы туда, куда отправлены эшелоны с автомашинами.

— Мотопехоту десантом не всегда можно перебрасывать, — возразил я. — Да и танки у нас легкие, много ли на них народу посадишь? А 82-миллиметровые минометы? Их в корпусе 90! А станковые пулеметы? 135 единиц! Их на танки не погрузишь...

Командарм внимательно слушал. Он, конечно, понимал, что внештатный батальон будет подвозить запасы для армии, но по положению каждая бригада должна сама обеспечивать их доставку со станции снабжения. Если в бригаде есть транспорт, командир корпуса может требовать от ее командира иметь неснижаемые нормы запасов, а если нет... Кроме того, автобатальон, принадлежащий 9-му мехкорпусу, будет доставлять грузы для всей армии, значит, создадутся перевалочные пункты, а подвоз запасов все равно останется на совести командиров бригад.

— Как вы думаете, Семен Иванович? — спросил командарм Мельникова.

— Решение Военного совета оставить в силе, — ответил тот.

— Быть по сему! — согласился Рыбалко. — Докладывайте о состоянии корпуса, Константин Алексеевич.

Тяжело вздохнув, я доложил обо всем.

Генералы побывали в 69-й мехбригаде, 47-м и 59-м гвардейских танковых полках корпусного подчинения, Павел Семенович остался всем доволен. Мельников и Митрофанов своего мнения не высказывали.

В 18.00 они уехали.

В начале сентября был объявлен план погрузки в эшелоны. Части направлялись на станции Щекино и Ясная Поляна. Солдаты пели про синенький скромный платочек, про Катюшу, выходившую на берег, про трех танкистов и Днепр, который ревет и стонет...

С 7 по 17 сентября эшелоны выгружались: все пять танковых полков — на станциях Ворожба и Краснополье, а мотопехота, артиллерия и тылы — в Курске.

Утром 18 сентября 1943 года был получен приказ командующего армией генерала П. С. Рыбалко к 10 часам утра 19 сентября корпусу сосредоточиться в районе Ворожба, Краснополье.

Сразу же возник вопрос, на чем доставить мотопехоту до танков. Было решено оставить корпусные и бригадные запасы в Курске, взять машины тыла, загрузить их, не соблюдая норм.

Выступили на марш в 16 часов. Штаб корпуса шел в голове колонны. Я решил проверить, как будут проходить части намеченный исходный пункт, а затем, обгоняя колонну, посмотреть на дисциплину марша.

В штабе корпуса полковник П. В. Кульвинский доложил, что получен приказ командующего армией к исходу дня быть в районе Долгополовка, Великие Бубны, Репки и что маршрут и районы расположения уже намечены.

— Хорошо. Три часа привал, накормить людей, осмотреть машины, подвести танки, посадить на них по 5—7 человек на легкий и по 10—12 — на средний.

Я стал изучать местность на карте. Нам предстояло выйти в полосу 40-й армии. Марш протяженностью в 150 километров позади, а предстояло пройти еще столько же. Хватит ли горючего?

— Адъютант! Попросите ко мне Конарева.

Начальник тыла корпуса подполковник М. Р. Конарев доложил, что в наличии только 16 цистерн с топливом. Из них половина для танков. Бензина маловато.

Началась вторая часть марша в район боевых действий 40-й армии, которой командовал генерал К. С. Москаленко. В 14.20 меня обогнал полковник Кульвинский, поднял руку, остановил машину.

— Что случилось?

Начальник штаба подал мне листок бумаги.

«Командиру 9 мк. В ночь на 20.9.43 обогнать боевые порядки 40 армии. Исходу 22.9.43 форсировать Днепр на участке Монастырек, Зарубенцы. В 15.30 прибыть к командующему. Митрофанов».

— Ведите колонну, — приказал я Кульвинскому. — Узнайте обстановку в штабе 40-й армии. В 18.30 соберите командиров для объявления решения. Я поехал в штаб генерала Рыбалко...

Небо хмурилось, но день был теплый. Генерал Рыбалко был в хорошем настроении, улыбался. Возле него стояли два генерала и полковник. Я доложил о прибытии.

— А, сердитый Малыгин, — пожимая руку, сказал командующий. — Знакомьтесь. Это командиры танковых корпусов.

Я узнал стройного и улыбчивого генерал-майора танковых войск Митрофана Ивановича Зинькевича. Еще слушателем академии я стажировался в гарнизоне, где Зинькевич в звании майора командовал танковым батальоном. Теперь он был командиром 6-го гвардейского танкового корпуса. Мы встретились как друзья.

Затем я поздоровался с командиром 7-го гвардейского танкового корпуса Кириллом Филипповичем Сулейковым и командиром 91-й отдельной танковой бригады полковником Иваном Игнатьевичем Якубовским.

— Все в сборе? — оглядел нас Рыбалко. — Баранов во втором эшелоне, так что начнем, товарищи.

Рыбалко подошел к столу, на котором лежала карта. Мы достали из своих полевых сумок топографические карты, вооружились цветными карандашами.

— С общей обстановкой на фронте знакомы?

— Знакомы, — ответили мы.

— Перед фронтом 40-й армии немцы отходят к Днепру, прикрываясь арьергардами шести пехотных, моторизованной и танковой дивизий. Командующий фронтом генерал армии Ватутин приказал нам форсированным маршем, не

отрываясь от отходящего противника, выйти к Днепру и, форсировав его, быть готовыми наступать на Белую Церковь.

П. С. Рыбалко указал маршруты движения. Нашему корпусу было приказано двигаться на Прилуки, Яготин, Переяслав, к исходу 20 сентября овладеть населенными пунктами Орженица, Туров, Яготин, в дальнейшем форсировать Днепр на участке Григоровка, Бучач и взять Кагарлык.

На обратном пути я, развернув карту, стал изучать район предстоящего форсирования Днепра.

Для создания плацдарма штаб фронта наметил большую излучину реки. Левый берег здесь плоский, с песчаными буграми, довольно плотно заселенный. Много рощ, которые могут служить укрытием для сосредоточения войск и заготовки древесины в случае надобности. Правый берег — высокие кручи. Излучина изрезана оврагами. Для массового применения танков местность, в общем-то, крайне неудобная. На отдельных межовражных пространствах можно развернуть не более 20 машин. Зато с рубежа Кагарлык, Мироновка открывается широкая возможность массового применения танков в наступлении и прочного удержания плацдарма с опорой на Букринские овраги в случае попыток противника контратаковать нас крупными силами.

Такое решение правильное, для вражеского командования неожиданное. Вряд ли немцы подумают, что в этих оврагах укроется танковая армия. Известно, что танкам нужен простор. В оврагах у гитлеровцев наверняка нет крепкой обороны, это дает нам возможность как можно быстрее выйти к Днепру, переправиться на тот берег, овладеть Кагарлыком. Но мостов здесь, конечно, нет. Ширина реки метров 700. Хорошо, если понтонная бригада сможет навести мост... А если нет? Фашисты засядут в эти овраги: попробуй выковырни их оттуда без потерь... Надо спешить!

У штаба меня встретили П. В. Кульвинский, Г. В. Ушаков и новый заместитель полковник Петр Сафонович Антонов. Последний доложил об итогах марша.

— Лучше всех совершили марш 69-я мехбригада и 47-й гвардейский танковый полк. У них нет ни одной отставшей машины. 70-я на подходе, а у 71-й хотя она и прибывает в свой район, но много машин отстало.

— Люди очень устали, — добавил Ушаков, — да и горючего осталось на четверть заправки.

Павел Васильевич доложил обстановку в полосе 40-й армии, перечислил номера немецких дивизий, противостоящих ей, и указал их места на карте. В нашей полосе от-

мечена 19-я танковая дивизия немцев на правом фланге и 10-я моторизованная дивизия — на левом.

Показания пленных: Гитлер приказал на левобережье Днепра оставить только землю и воду, а остальное уничтожить.

На основе оценки обстановки было принято решение вести преследование противника по двум маршрутам, построить корпус в два эшелона. По первому маршруту пойдет 71-я механизированная бригада с 59-м гвардейским танковым полком и батареей 1719-го зенитного артиллерийского полка. По второму — 69-я механизированная бригада, 47-й гвардейский танковый полк, батарея 1719-го зенитного артиллерийского полка и штаб корпуса. Второй эшелон составляла 70-я механизированная бригада. В резерве находились 396-й истребительно-противотанковый артдивизион, 616-й минометный полк, 1923-й самоходно-артиллерийский полк, 100-й мотоциклетный батальон, 386-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Взаимодействие с соседями будет осуществляться путем взаимной информации о принятых решениях и выполнении задач через офицеров связи.

Командирам бригад первого эшелона было приказано выслать передовые отряды, в которые назначить свои лучшие усиленные батальоны и отряды обеспечения движения.

Мы приняли также решение спешить 70-ю мехбригаду — нужны были машины.

Через некоторое время полковник П. В. Кульвинский доложил, что в Прилуки вступили части 40-й армии. Наши войска вышли из своих районов по маршрутам преследования противника. Начальник штаба показал схемы построения бригад первого эшелона, решения командиров.

— У Сиянина бригада построена особенно хорошо, — сказал он. — Вот смотрите. В передовом отряде следует 1-й мотострелковый батальон капитана Балаяна с приданными ему танковой ротой, батареей и саперным взводом. Остальные батальоны идут как главные силы вместе с танками 53-го танкового полка. 47-й гвардейский танковый полк — в резерве. Штаб — в голове колонны главных сил. А вот подполковник Карась в передовой отряд назначил не батальон, а роту третьего мотострелкового батальона и усилил ее танковой ротой 79-го танкового полка, минометной ротой, двумя взводами пулеметной роты, взводом автоматчиков, взводом противотанковых ружей и отделением саперов. Командование этим отрядом поручил своему заместителю подполковнику Сливченко. Думаю, что это непорядок...

— Исправим в боевом приказе на 21 сентября.

Враг откатывался с лихорадочной поспешностью. Не дать ему закрепиться, сорвать его замыслы, преследовать с полным напряжением сил — вот наша задача.

Мы торопились, выигрывали у времени минуты, чтобы скорее войти в соприкосновение с противником. Главную надежду возлагали на 69-ю механизированную бригаду, лучшую в корпусе по укомплектованности, боевой слаженности и дисциплине.

Политотдел корпуса, партийные организации провели большую работу по разъяснению боевой задачи и ее важности. В ходе марша в партийные организации поступали многочисленные заявления воинов с просьбой о приеме в ряды ВКП(б). Систематическая и продуманная работа с бойцами и командирами дала необходимые результаты. Индивидуальные беседы, политические информации помогали росту воинов, увеличивали их тягу в ряды партии.

Механик-водитель танка младший сержант С. Д. Авинов в своем заявлении с просьбой о приеме в партию писал: «Буду как коммунист громить фашистов, не щадя ни сил, ни самой жизни». Парторг лейтенант Б. И. Шаповалов ежедневно знакомил партийный и комсомольский актив с новостями на фронтах и в тылу, те в свою очередь доводили эти сведения до личного состава. Выпускали стенгазеты, боевые листки, читали периодическую печать. Коммунисты не на словах, а на деле доказывали, что они — первые помощники командиров в воспитании стойкости и отваги у бойцов.

Заявления в парторганизации перед грядущими боями подавали сотни солдат, сержантов и офицеров, а потом на деле доказывали свое право вести за собой людей — своим мужеством, боевым мастерством, настойчивостью, священной ненавистью к врагу.

...Противник пытался местами приостановить наше продвижение. Но мы не давали ему даже закрепиться, решительно атаковали врага, уничтожали его живую силу и технику.

Рано утром 21 сентября передовые отряды корпуса подошли к реке Удай. Фашисты из арьергардов противника, наблюдая движение наших крупных сил на широком фронте и боясь быть отрезанными от днепровских переправ, отходили за Днепр, минируя дороги и взрывая мосты. Нам следовало усилить нажим на них, не дать им возможности выполнить волю Гитлера.

В 9.00 21 сентября я отдал приказ на форсирование, в котором уточнялись задачи частям. Руководство передовыми отрядами возлагалось лично на командиров бригад первого эшелона.

Первым в ночь на 22 сентября к Днепру на нашем участке, у устья реки Трубеж, подошел разведотряд 69-й механизированной бригады в составе мотострелкового взвода, посаженного десантом на два танка, и пулеметного взвода на грузовой машине с двумя радиостанциями Р-13. Отряд возглавлял командир 1-го батальона, находившегося в передовом отряде, капитан Г. Ш. Балаян. Он подошел к городу Переяслав, где был поворот дороги на село Козинцы. Маршрут был назначен через него. Но Балаян решил не входить ни в село, ни в город, свернул к Днепру, прошел берегом Трубежа и в 24.00 вышел к цели, оставив оба населенных пункта в тылу. Танки остановились. Десант спешился. Капитан Балаян выслал дозоры с задачей собрать на берегу лодки. Танкистам, возглавляемым лейтенантом А. И. Алексеевым, он приказал занять боевые позиции, замаскироваться и быть готовыми к ведению огня по правому берегу.

Тишина. Бойцы пили днепровскую воду, обнимали друг друга, стряхивали с одежды дорожную пыль. Измученные напряжением, не спавшие несколько ночей подряд, солдаты и офицеры, завернувшись в шинели, укладывались на песок и засыпали. Бодрствовали только капитан Г. Ш. Балаян и майор Д. Г. Чубарь, ожидая дозор. Он вернулся около часа ночи. От устья Трубежа до Вьюнище, что приросло к Козинцам на восточной его окраине, лодок не оказалось. Зато с воинами пришли два крестьянина С. Г. Дубняк и А. В. Крячек.

— Туточки под кущами мы два човна затопылы, от нимцив ховалы, — сказал Дубняк. — Малэньки воны, людыны по четыре чи пьять визмуть, не бильше. Та ще тэкуть окаянни, конопатиты треба...

Вместе с солдатами колхозники подняли затопленные лодки, кое-как заделали в них течи.

— Подъем! — скомандовал Балаян.

В каждую лодку сели по пять бойцов и гребец-хозяин. На одну поставили станковый пулемет, на другую — ручной пулемет и радиостанцию Р-13. Десант возглавил лейтенант А. И. Алексеев.

Оставшиеся на левом берегу бойцы заняли позиции в готовности поддержать огнем переправляющихся.

— Отчаливай! — скомандовал Балаян.

Дубняк и Крячек взмахнули веслами.

Через несколько минут лодки достигли песчаной отмели. Бойцы выскочили на берег, заняли оборону, пристально вглядываясь в темноту, прислушивались. Но ничего не было слышно.

Алексеев доложил Балаяну по рации: «На берегу тихо, противника не видно» и получил от него приказ: возвращать лодки, выслать разведку в село Зарубенцы.

Дубняк и Крячек поплыли обратно. Алексеев развернул бойцов в цепь и повел их в село.

Светало. В Зарубенцах проснулись жители. Встретилась женщина с пустыми ведрами и коромыслом.

— Скажите, немцы в селе есть? — спросил ее Алексеев, поздоровавшись.

— Батюшки! — вскрикнула селянка. — Да ведь вы, никак, наши! Роденькие! Нэмае нимцив, — перешла на украинский язык. — Вчера булы якись-то, сгонялы селян окопы копаты, да вечор уйшлы до Монастырька. Ой, стара, чого ж стою. Заходьте до хаты, ось вона...

— Спасибо, мамаша, некогда нам, — ответил лейтенант и приказал радисту передать Балаяну, что в Зарубенцах немцев нет. Капитан приказал занять оборону на высоте «Шпиль» и выслать разведку в Григоровку.

А на левом берегу у одного местного жителя нашлась еще одна припрятанная и довольно большая лодка. На нее Балаян погрузил шесть станковых пулеметов и двенадцать бойцов. Затем с помощью Дубняка был найден затопленный полупонтон. Он мог взять на себя двадцать человек с вооружением или 45-миллиметровую пушку вместе с расчетом.

...Тем временем я торопился в 71-ю механизированную бригаду. Увидев меня, подполковник Карась доложил:

— Товарищ генерал! Части бригады выполняют боевую задачу. Колонна остановилась, поскольку мост через Супой взорван и предмостное пространство густо заминировано.

— Где передовой отряд?

— В голове колонны. Там же и разведка, — предупредил подполковник следующий вопрос. — И саперная рота туда же направлена.

— Почему вы в передовой отряд направили мотострелковую роту, а не батальон?

— Машин нет, а на все танки только одна рота и уместилась.

— Можно было направить и три танковые роты, чтобы посадить батальон. Ведь форсировать реку первой будет пехота... Следуйте за мной в голову колонны!

Там уже нашли брод, организовали переправу.

Когда колонна переправилась, к моей машине подошел офицер оперативного отделения штаба, доложил:

— 69-я мехбригада, корпуса Зинькевича и Сулейкова вот здесь. — Он показал места на карте.

Я понял, что опасность контратаки 19-й немецкой танковой дивизии сегодня отпала.

— Штаб корпуса в хуторе Суховец, — сообщил оператор.

Я поехал в штаб. Южнее нас немецкие самолеты сбрасывали бомбы, похоже, на Яготин, туда, где должен находиться передовой отряд капитана Балаяна.

...В хуторе Суховец стояли штабные автомашины, броневички, радиостанции. Тщательно замаскированные, прижатые к строениям, они были почти незаметны.

В штабе находились П. В. Кульвинский, Г. В. Ушаков и начальник артиллерии корпуса полковник Федор Ильич Стояков. Мы поздоровались, и я попросил доложить обстановку.

— Получено боевое распоряжение штаба армии, — докладывал П. В. Кульвинский, — продолжить преследование противника и ночью, а завтра к исходу дня форсировать Днепр. Командующий фронтом генерал Ватутин приказал генералу Рыбалко выслать по одной танковой бригаде на Киев и Канев. Они попытаются захватить там мосты через Днепр. На Киев генерал Сулейков направляет 56-ю гвардейскую танковую бригаду, а на Канев генерал Зинькевич — 52-ю гвардейскую танковую бригаду. Корпусная разведка с правого маршрута донесла, что дорога через болото, что западнее Яготина, для машин непроходима.

— Готовьте распоряжение частям о ночных действиях и форсировании Днепра, — сказал я. — Подполковник Карась пусть свернет на Яготин за Сияниным, а дальше выходит на свой маршрут. И как можно скорее доставьте этот приказ. Не забудьте указать, чтобы при подходе к Днепру передовые отряды возглавили лично командиры бригад.

— Горючее на исходе. Автомашины стоят без бензина.

— А как с дизельным топливом?

— Хватает. Еще целая заправка есть.

— Машины с запасами придут не раньше завтрашнего дня. И то, думаю, к концу.

— Мне кажется, — сказал Г. В. Ушаков, — надо менее нужные машины оставить, а горючее перелить в те, без которых никак не обойтись.

Кульвинский запротестовал: нельзя, мол, брать бензин со штабных машин — без управления будем, потеряем его. Стояков тоже был против того, чтобы брали горючее у артиллерии. Вошедший позже подполковник М. Р. Конарев тоже возражал — без кухонь останемся, без прочих нужных вещей...

Наконец, выслушав всех, я принял решение: в штабах заправить рации, броневички и легковые машины. С остальных машин бензин слить. Танки и зенитная артиллерия прикроют мотопехоту при форсировании. Остальные пушки пока оставить. Бензин с машин артиллерии передать мотострелкам. На танки сажать по 15—17 человек.

Другого выхода не было. Ф. И. Стояков проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Эх, мать честная, дожили!..

Глубокой ночью от М. Д. Сиянина пришло донесение: «Яготин взят батальоном Балаяна. Накормлю людей, перелью горючее и выступаю». Утром от него пришло еще одно сообщение: «В 7 часов 30 минут батальон Балаяна полностью закончил переправу и расположился в Зарубенцах».

22 сентября я приехал к М. Д. Сиянину на переправу, а штаб корпуса направился в село Воскресенское (7—8 километров не доезжая Днепра).

Вниз по Днепру в четырех километрах от Зарубенцев раскинулось меж круч и оврагов село Григоровка. А напротив, на левом берегу, метрах в восьмистах от Днепра, — село Козинцы. Сейчас там были разведчики 71-й мехбригады. В 5.00 22 сентября часть их подошла к пристани Андруши. Воины нашли лодку, и четверо бойцов направились на правобережье к Монастырьку. Гитлеровцы обстреляли лодку, но все обошлось благополучно. Разведчики спустились вниз по реке до места переправы 69-й мехбригады как раз в тот момент, когда капитан Г. Ш. Балаян и его штаб погрузились в большую лодку и поплыли на правый берег, к Зарубенцам. Таким образом, к 7.30 22 сентября весь первый батальон 69-й механизированной бригады был в Зарубенцах и занял там оборону.

Разведка донесла, что в Григоровке находятся фашисты. Капитан Балаян направил разведчиков в Монастырек, Великий Букрин и на хутор Луковица.

В середине дня в районе переправы начала действовать вражеская авиация. Полковник М. Д. Сиянин приказал до

наступления темноты прекратить форсирование и замаскировать лодки, плоты и другие плавсредства.

Поступило сообщение, что к Зарубенцам движется немецкая колонна. Фашисты не подозревали, что на зарубенских кручах их ждут наши бойцы, и после того, как были встречены в упор пулеметным огнем, откатились.

Я поехал поторопить с переправой 71-ю мехбригаду.

Подполковник Карась находился в селе Карань, где располагался штаб мехбригады.

— Основные силы бригады, — доложил он, — сосредоточены в районе Андруши, Карань, Переяслав. На правом берегу Днепра, в Монастырьке, немцы занимают оборону.

— Вам известно, что в Зарубенцах батальон 69-й мехбригады?

— Знаю.

— А почему же не переправляетесь вы?

— Весь берег обшарили — ни одной лодки...

— У Сиянина их тоже не было. Вяжите плоты на Трубеже, спускайтесь вечером в устье, переправляйтесь на Зарубенцы. Будете затем наступать на Трактомиров и Великий Букрин.

У высоты «Шпиль» события развивались так.

В 12.00 немецкий самолет прошел вдоль правого берега, пилот, заметив нашу переправу, сбросил зажигательную бомбу. В Зарубенцах загорелся сарай. Черный дым столбом устремился в небо. По-видимому, это был сигнал для немцев. Вскоре прилетели 12 «юнкерсов», сбросили бомбы на войска у переправы.

Вернувшись из Григоровки, красноармеец С. В. Григорьев доложил командиру роты лейтенанту А. И. Алексееву, что в селе враг.

Через час была замечена приближающаяся колонна гитлеровцев. Впереди шла пехота, по четыре человека в ряд. Их было не менее ста. За ними — три танка и два бронетранспортера.

Лейтенант А. И. Алексеев связался с комбатом. Тот посоветовал подпустить гитлеровцев поближе, чтобы бить их наверняка. Когда колонна поравнялась с левым флангом обороны, Алексеев скомандовал:

— Огонь!

Ударили два пулемета и семь автоматов, полетели гранаты.

Фашисты были ошеломлены. Колонна рассыпалась. Танки остановились. Первое время гитлеровцы даже не стреляли. Но вот они пришли в себя. Танки открыли огонь и сразу же повредили станковый пулемет. Пулеметчик был ранен. Под прикрытием танков вражеская пехота пошла на штурм высоты.

Алексеев попросил помощи.

С левого берега по немецким танкам начали бить наши танки. Из Зарубенцев на гитлеровцев обрушились пулеметчики и бронебойщики.

Атака была отбита, но минут через двадцать она повторилась. Теперь «Шпиль» гитлеровцы атаковали по кручам со стороны Григоровки, укрываясь от огня из Зарубенцев. Им удалось вывести из строя второй пулемет. Четверо из команды лейтенанта Алексеева были ранены. Он вновь попросил помощи. По танкам и пехоте ударили с левого берега наши минометчики. Атака и на этот раз была отражена. К 16.00 гитлеровцы наконец отошли в овраг, что тянулся к хутору Луковица.

А в Григоровку был послан взвод автоматчиков под командованием младшего лейтенанта П. Ф. Попова. В хуторе Луковица воины встретились с группой партизан в 10 человек, которой командовал М. А. Спижевой. Договорились идти на Григоровку вместе. Пересекли лес, поле, овраги, появились на господствующей высоте, что на северо-западной окраине села. В село вошли с запада. На восточной окраине слышалась стрельба. Это, как потом выяснилось, отстреливались от наседающих немцев красноармейцы Дьяченко и Гончаренко, которые остались там как наблюдатели после ухода с донесением Григорьева. Позднее мы узнали, что Дьяченко был убит, а Гончаренко, тяжело раненного, подобрали местные жители. Он был отправлен в армейский госпиталь, где и умер, не приходя в сознание.

Попов и Спижевой сводным отрядом атаковали гитлеровцев с тыла. Те не ожидали такого оборота дела, побежали кто в направлении на Бучач, кто на Зарубенцы.

В этот момент с левого берега отчалили первые лодки с десантом во главе с командиром роты лейтенантом Синашкиным из 51-й гвардейской танковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса. Десант благополучно достиг правого берега, началась переправа и очистка Григоровки от противника. П. Ф. Попов и М. А. Спижевой, пленив одиннадцать фашистов, ночью вернулись в Зарубенцы.

После полудня меня вызвал к себе командующий армией.

Генерал П. С. Рыбалко сидел за столом перед развернутой картой.

Я доложил о прибытии. Павел Семенович поднялся, улыбаясь, пожал мне руку. Настроение у него было явно приподнятое.

— Знаю, что батальон Балаяна в Зарубенцах, — сказал генерал. — Молодцы! Отличившихся представьте к наградам. Балаяна — к званию Героя Советского Союза! А теперь к делу. Задача: к утру 23 сентября переправить мотопехоту 69-й и 71-й мехбригад. Завтра утром начать наступление. Направление — Дудари. К исходу дня овладеть рубежом,— командующий склонился над картой, — Великий Букрин, Малый Букрин, Колесище. В направлении на Григоровку наступать силою не менее батальона, там сегодня Зинькевич готовит форсирование. Нужно объединить плацдармы. За это отвечаете вы. Танки и автомашины рассредоточьте и замаскируйте. Артиллерию поставьте на огневые позиции. Желательно ближе к берегу. Вот, собственно, все. Желаю удачи!

— Так где же понтонная бригада, товарищ командующий? — спросил я.

— Задерживается, — нахмурился Рыбалко. — Ее немецкая авиация крепко бомбила...

Стало понятно, что переправляться придется на подручных средствах и не рассчитывать на чью-то помощь.

...Во второй половине дня 22 сентября немецкая авиация трижды бомбила наш и 6-й гвардейский танковый корпуса. В один из таких налетов погиб командир 6-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор М. И. Зинькевич.

После первого налета М. Д. Сиянин, как уже говорилось, прекратил переправу, приказал замаскировать лодки в кустарнике. Чтобы отвлечь внимание противника от места переправы, поставили дымовую завесу между Зарубенцами и Григоровкой, где никто не переправлялся.

Когда солнце пошло на закат, все на берегу пришло в движение. Вечером фашисты не бомбили. На лодках, плотах переправлялись бойцы, на полупонтоне устанавливали противотанковые пушки. Воины второго и третьего мотострелковых батальонов 69-й мехбригады, используя все подручные средства, переправлялись на правый берег, туда, где занял плацдарм батальон капитана Г. Ш. Балаяна. Приходилось бороться с течением, оно сносило плавсредства ниже Зарубенцев.

Стало совсем темно. Наша переправа продолжалась. Из района Григоровки слышалась стрельба.

Позвонил командующий: утром наступать силами мотопехоты 69-й мехбригады, задача прежняя...

— Заостряю ваше внимание на соединение с гарнизоном в Григоровке, — сказал он. — Цель — объединить плацдармы и расширить общий плацдарм.

Я приказал М. Д. Сиянину начать наступление для расширения плацдарма в 7.30.

В 71-й мехбригаде плотов было очень мало, переправу пришлось отложить на следующую ночь.

На берег Днепра пришли офицеры 161-й стрелковой дивизии генерал-майора П. В. Тертышного. Начали проводить рекогносцировку. Мы с М. Д. Сияниным поинтересовались, что они намерены делать.

— Форсировать Днепр, захватить Зарубенцы, — ответили они.

— Форсирование, — усмехнулся Сиянин, — это наступление с преодолением водной преграды, противоположный берег которой занят противником.

— Спасибо, знаем.

— Во всех других случаях, — не меняя выражения лица, продолжал Михаил Данилович, — это переправа. В Зарубенцах наш батальон.

Офицеры недоверчиво посмотрели на него.

— По нашим не ударьте, — уже серьезно проговорил Сиянин.

Из Григоровки вновь послышалась стрельба. Мы с Сияниным пошли на командный пункт в церковь села Ковинцы.

П. В. Кульвинский доложил, что к Трактомирову и Великому Букрину подходят немецкие войска. Три танка и уцелевшие гитлеровцы, которые атаковали высоту «Шпиль», находятся в овраге неподалеку от Луковицы. 70-я мехбригада выступила из Яготина и завтра будет здесь. Машины с грузами из тыла два часа назад прибыли в Прилуки, подполковник Конарев поехал встречать их.

Я приказал М. Д. Сиянину не мешкать с переправой и до прилета вражеских самолетов начинать наступление.

...Итак, первая полоса Восточного вала взята. Но главные трудности еще впереди, когда начнется расширение плацдарма. Возникла проблема — как тянуть пушки, переправленные на полупонтоне. Машин нет. Выручила солдатская смекалка — тащили их на волах за арбами, взятыми в селе Зарубенцы.

Воины 69-й механизированной бригады полковника М. Д. Сиянина оправдали наши надежды. Они первыми переправились через реку и заняли три села, имеющие важное значение для дальнейшего продвижения вперед. Многие бойцы и командиры соединения в этот период были награждены орденами и медалями. В частности, ордена Красного Знамени удостоились капитан П. Н. Николаев, гвардии старшие лейтенанты Н. А. Горликовский и В. М. Молодов, подполковники И. П. Коптев, А. А. Алексеев и Е. В. Старостин, старший лейтенант В. А. Суслин, красноармеец Н. П. Кузнецов, гвардии старший сержант Н. И. Афанасьев.

...Мы с М. Д. Сияниным находились на колокольне в Козинцах, когда появились вражеские самолеты. Еще не было и 7 часов. Бомбардировщики сбрасывали свой груз в районе Трактомирова, Зарубенцев, у переправы на левом берегу.

Зенитчики открыли огонь. Батарея лейтенанта А. С. Хохлова, несмотря на бомбежку, стойко защищала переправу.

В Зарубенцах начались пожары. Женщины и дети из села укрылись под кручами. Бойцы 161-й стрелковой дивизии, несмотря на огонь противника, продолжали переправляться на правый берег.

Один из самолетов, отделившись от группы, начал пикировать на нас. Видимо, летчик заметил блеск стекол наших биноклей. Бомбы рвались в церковном саду, осколки хлестали по стенам колокольни, кроша кирпичи и штукатурку. Но мы не пострадали. Израсходовав запас бомб, самолет ушел в сторону Белой Церкви.

Меня тревожила рота немцев с тремя танками, о которой докладывали накануне. Куда она девалась? Если гитлеровцы контратакуют внезапно наши позиции, могут натворить немало бед. Поделился этими мыслями с Сияниным.

— Балаян ведь вечером докладывал, — ответил комбриг, — что эта группа укрылась в оврагах у Луковицы, а ночью куда-то ушла.

— Но куда именно? У нас ведь нет ни одного танка...

— Зато есть противотанковые ружья, пушки...

— Прикажите дать залп по высоте севернее хутора Луковица. И наших подбодрим, и фашистов потревожим. Возможно, объявятся сами.

Артдивизион дал залп. Цепи батальонов поднялись во весь рост, за ними группами потянулись пулеметчики со своими «максимами», подразделения с противотанковыми

ружьями, минометчики. Из Зарубенцев на кручи шли пехотинцы 161-й стрелковой дивизии. Направление — Трактомиров.

— Самая пора и мне переправляться, — сказал полковник М. Д. Сиянин. — Разрешите, пока снова самолеты не налетели.

Телефонисты прокладывали кабель по дну реки. Ремонтники старшина С. Г. Захаров и сержант И. П. Кабаков приспосабливали мотор на трофейный полупонтон. Вал и винт они отковали в кузнице села Воскресенское.

Меня вызвал к телефону командующий.

— Начали наступление, — доложил я. — Сопротивление немцы пока оказывают слабое. Сиянин переправился на плацдарм.

— Какие силы направили на Григоровку?

— Первый мотострелковый батальон капитана Балаяна.

— Поторапливайте его. У Григоровки батальон автоматчиков из бригады полковника Новохатько несет большие потери. Нам нельзя лишаться этого плацдарма.

Дружно ударили воины батальона капитана Г. Ш. Балаяна по врагу. И хоть он оказывал яростное сопротивление, они сломили фашистов, заставили их отступить к деревне. Было уничтожено две грузовые машины, два батальонных миномета, два ручных пулемета, захвачено много винтовок, автоматов, патронов. Село, однако, все еще оставалось в руках врага.

М. Д. Сиянин доложил: «Овладел рощами восточнее Великого Букрина и южнее хутора Луковица. Отражаю контратаку 20 танков и батальона пехоты из Колесище».

Весь день с небольшими перерывами немецкая авиация бомбила наши войска.

Вечером от командира 69-й мехбригады пришло сообщение: «Вступил в Григоровку».

Как я узнал потом, события у Григоровки развивались так. Когда бригада Сиянина прошла рощи между Великим Букрином и хутором Луковица, противник подбросил пехоту с минометами. Укрываясь в оврагах, немцы оказывали упорное сопротивление. Сильный бой завязался за господствующую высоту с вышкой у самой Григоровки. На первый батальон враг обрушил шквал минометного огня. Налетели самолеты. Батальон залег. В этот момент артиллеристы с левого берега открыли огонь по высоте. После артналета капитан Г. Ш. Балаян поднялся и рванулся вперед, увлекая личным примером бойцов.

— За мной! За Родину!

Пробились в Григоровку. Но завершали освобождение от врага села воины первого батальона уже без своего славного командира: капитан Г. Ш. Балаян был сражен осколком разорвавшейся неподалеку авиабомбы. Командование батальоном взял на себя майор Д. Г. Чубарь.

Тело Г. Ш. Балаяна завернули в трофейный парашют с подбитого самолета и похоронили на днепровских кручах у Батуринской горы.

Чуть позже подошли бойцы старшего лейтенанта Н. И. Симоненко с противотанковыми пушками. Чубарь передал командование батальоном ему.

Гарегим Шегиевич Балаян... Еще в боях под Курском его рота проникла в тыл противника, ворвалась в село, уничтожила гарнизон — несколько сот немецких солдат и офицеров. Славно дрались балаяновцы и под Чижовкой, выдерживая ежедневно по семь-восемь атак противника. Командир батальона был душой солдат, общим любимцем.

В боях он не знал ни страха, ни устали. Солдаты берегли своего командира, требовательного, отважного, человека большой души. Для него, казалось, не существовало никаких преград. Бойцы часто повторяли его присказку: «Прошла сто километров пехота, а еще идти охота». Он всегда был в гуще людей, часто беседовал с ними по душам, иных подбадривал, иных журил. И вот его не стало. Тяжелая потеря...

Г. Ш. Балаян был награжден орденом Красного Знамени. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

...На батальон из Колесище двинулось 20 танков, за которыми шло не менее батальона пехоты.

Бронебойщики заняли позиции за оврагами. Артиллеристы выкатили орудия, подвезенные на волах, взятых в Зарубенцах, на прямую наводку. Минометчики открыли огонь по пехоте, а когда танки подошли метров на 100—200, артиллеристы и бронебойщики ударили по ним.

Два танка подбили бронебойщики отделения сержанта С. Г. Гольфера, комсомольца, награжденного орденом Красной Звезды, отважного и расторопного парня. Два танка остановил расчет старшего сержанта Н. И. Афанасьева, воевавшего еще под Сталинградом, на Калининском фронте и под Воронежем, тоже кавалера ордена Красной Звезды.

Смело и решительно действовали в бою воины минометного взвода лейтенанта Л. Е. Меньшикова, взвода лейтенанта Б. С. Сидоренко, бойцы отделения младшего сержанта А. Ф. Романенко.

Когда задымили четыре вражеских танка, бойцы открыли огонь по пехоте, и немцы начали отходить в Колесище. В Григоровке стойко держалась горстка гвардейцев. Они оборонялись на высотке за оврагом у западной окраины села, там, где дорога выходит из Григоровки на Колесище.

Бронебойщик красноармеец Иван Егоров сбил из противотанкового ружья самолет. Кроме того, как потом стало известно, по одному самолету из ручных пулеметов сбили лейтенант Владимир Белый и сержант Владимир Савин.

...Меня беспокоили запасы продовольствия и боеприпасов. Полупонтоны едва успевали подвозить все это на правый берег. Нужны были машины. По ночам с 23 сентября работал один паром, делая по 8—10 рейсов в сутки, а с 24 сентября — два. Но нам давали только четыре рейса. Я приказал переправить пять автомашин на плацдарм.

На берегу у переправы кипела работа, бойцы 71-й мехбригады и 161-й стрелковой дивизии готовились к преодолению водной преграды. Саперы, находясь почти по горло в воде, сооружали пристань для парома. Подошло подразделение понтонной бригады, в течение получаса собрали из понтонов один паром. На нем было решено переправить танк Т-34. Погрузили машину из 53-го танкового полка полковника Д. Г. Суховарова. Этому танку предстояло быть первым на правом берегу.

Неподалеку от Григоровки танк выгрузили, он благополучно выбрался на берег. Паром вернулся обратно.

Прибыл подполковник А. А. Бабанин, доложил, что его 70-я мехбригада расположилась в районе Козинцы, Вьюнище и севернее, в лесу.

— Завтра ваша очередь, — сказал ему. — Готовьтесь к переправе.

— Товарищ генерал! — позвал адъютант. — Прибыл командующий.

Я доложил генералу П. С. Рыбалко обстановку. Достав из планшетки карту и указывая на ней карандашом, Павел Семенович сказал:

— Ближайшая задача овладеть Малым Букрином и Колесищем, а к исходу дня — Дударями. Правее вас будет наступать 161-я стрелковая дивизия Тертышного из Тракторомирова в направлении Великий Букрин, Ходоров. Левее — 22-я гвардейская мотострелковая бригада, которая сегодня ночью сменит батальон автоматчиков в Григоровке. Ее направление — на Иваньков. Вы лично останетесь здесь, будете переправлять войска. На плацдарм направьте своего заместителя. Я вас очень прошу, Константин Алексеевич, не

мешкайте. Видно, скоро авиация появится, надо успеть и переправиться, и замаскироваться...

Как в воду глядел генерал Рыбалко. Едва мы успели переправить две автомашины, кухни, артиллерийский тягач с 76-миллиметровой пушкой и часть мотопехоты, замаскировать и укрыть технику и людей, прилетели фашистские стервятники. Но все обошлось благополучно.

Много подвигов было совершено воинами нашей 69-й бригады на правобережье Днепра в те дни. Немногое, конечно, сохранилось в моей памяти, но некоторые эпизоды не изгладились до сих пор.

...Командир отделения автоматчиков Александр Мясников. Приземистый, коренастый, словно отлитый из бронзы, он не страшился никаких опасностей. Но и не действовал опрометчиво, учитывал все плюсы и минусы положения, только тогда принимал единственно правильное решение. Человек трезвого ума, широкой инициативы, истинно русской сметки и находчивости, Мясников очень любил свой ППШ, заботился о нем, как о ребенке. Уже в первом бою на правом берегу он лично истребил тринадцать фашистов.

Автоматчики отделения Мясникова действовали решительно и отважно. Когда бой завязался на огородах и постепенно передвигался к центру села Григоровка, Мясников заметил, что гитлеровцы, выбегая из хат, скрываются за сараями. Он повел отделение в обход, оно ударило по фашистам с тыла и почти в упор уничтожило скопившихся за сараями вражеских солдат.

Изо дня в день росла слава отважного автоматчика. Но особенно он отличился в бою, продолжавшемся несколько часов. Враг оказывал упорное сопротивление, ибо понимал, что с потерей господствующей высоты он лишается выгодных позиций. Автоматчики дерзко вырвались вперед и нанесли противнику огромный урон в живой силе. Только один Мясников уничтожил семнадцать фашистов.

Александр Сергеевич Мясников был удостоен звания Героя Советского Союза.

...За лейтенантом Леонидом Иосифовичем Головлевым, командиром пулеметной роты, бойцы готовы были идти в огонь и в воду. И они шли... И сыграли одну из важнейших ролей в битве за Днепр. Их пулеметы действовали безотказно. Вошло в традицию, что подвиг героев характеризуется количеством уничтоженных врагов. У пулеметчиков Головлева он оценивался не только этим. Принять на себя

основной удар, поддержать, выручить в трудную минуту боевых друзей — вот что считали своей главной задачей лейтенант и его подчиненные.

В стрелковой роте, действующей на правом фланге, сложное, критическое положение. Рота залегла. Казалось, атака обречена. В этот момент ударили станковые пулеметы Головлева. Десятками валились немцы на песчаную землю, а разгоряченный лейтенант подбадривал бойцов:

— Так их!

И пулеметчики плотнее сжимали рукоятки своих «максимов», чувствовали, что командир рядом... Эта помощь оказалась своевременной, она решила исход боя. Но коммунист лейтенант Л. И. Головлев в ходе его был сражен пулей. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.

Навеки обессмертил свое имя отважный сын русского народа коммунист лейтенант А. И. Алексеев, Герой Советского Союза. О нем я уже рассказывал.

Навсегда остались в памяти танкистов лейтенант А. Д. Першин, направивший свою горящую машину на вражескую автоколонну с бензоцистернами и погибший смертью героя, Герой Советского Союза полковник Д. Г. Суховаров, который лично меткими выстрелами жег немецкие танки, командиры рот старшие лейтенанты А. М. Зварцев и Г. Я. Шевгеня, чьи экипажи уничтожили немало вражеской техники и живой силы, Герой Советского Союза младший сержант А. Ф. Романенко, забросавший гранатами немецкий дзот, ставший могилой для шестнадцати гитлеровцев.

Радиостанция старшего сержанта К. К. Финакова одной из первых оказалась на правом берегу. В первые дни боев проволочной связи с подразделениями и подразделений с НП и КП не было. Радистам приходилось держать многостороннюю связь, сутками не отходя от аппаратов.

Местность на правом берегу Днепра для радиосвязи была неблагоприятной, поскольку изрезана оврагами, а радиостанции, как правило, устанавливались в низинах. Слышимость снижалась, рации приходилось перемещать на возвышенные места, а это большой риск — работать вне укрытия.

Финаков со своей рацией обеспечивал связь подразделений с наблюдательным пунктом.

В боях за село Зарубенцы разведчики донесли, что противник сосредоточивается на противоположной стороне села, роет окопы, устанавливает огневые точки. Данные разведки были переданы вместе с приказом капитана Г. Ш. Ба-

ляна — не дать возможности врагу закрепиться за селом. Приказ, переданный Финаковым, был принят и выполнен. Подразделение выбило немцев с занимаемых ими рубежей.

Потом, находясь в первых рядах наступающих бойцов, К. К. Финаков заметил, что вдоль берега Днепра движется вражеская танковая колонна. Условными сигналами он передал данные о цели артиллеристам и бронебойщикам. Часть танков была подбита. Остальные повернули вспять.

Вместе с радистом рядовым Г. К. Куликовским Финаков поддерживал связь в боях за Великий Букрин, одновременно выполняя обязанности наблюдателя. Так, он заметил, где расположен вражеский шестиствольный миномет и сообщил об этом на НП командиру. Миномет был уничтожен. Куликовский обнаружил место, откуда бил пулемет. Эта огневая точка также была ликвидирована. Когда же в одном из боев на радистов Г. К. Куликовского и Ю. Ф. Волкова насели фашисты, связисты смело вступили с ними в перестрелку и уничтожили восемь гитлеровцев.

За мужество и отвагу Константину Кирилловичу Финакову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Немало было и других связистов, показавших чудеса храбрости, мужества, находчивости. Так, офицер связи Л. Д. Синько с группой бойцов проник в тыл противника, расстроил его связь и нарушил коммуникации. Связные рядовые А. Н. Николаев, И. О. Шкрет, Г. Г. Герасимов, Э. А. Михлин находились на броне танка, когда он наскочил на вражеский заслон. Силы были явно неравны, но танкисты и связисты держались целый час, пока к ним не подошло подкрепление.

О многих истинных героях я еще попытаюсь рассказать. А сейчас память возвращает меня на левый берег Днепра, к переправе.

Гитлеровцы усилили огонь по переправе. Била дальнобойная артиллерия. Несмотря на то что бригаде М. Д. Сиянина удалось продвинуться вперед, сопротивление противника не ослабевало, а, наоборот, ожесточалось.

Снаряды рвались в водах Днепра, на левом берегу... Все чаще и чаще налетали немецкие бомбардировщики, сбрасывали груз, уходили на запад, а им на смену шли новые. Появлялись и наши краснозвездные истребители, но немецких самолетов было куда больше.

Вечером подошло еще одно подразделение понтонеров, и второй паром повез на правый берег пехоту, артиллерию. Мы

едва успели отправить три танка, как пришло распоряжение командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина передать паромы командующему 40-й армией генерал-полковнику К. С. Москаленко.

Прибывшие на переправу генерал П. С. Рыбалко и командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал А. Д. Штевнев изменить положение не могли.

Мы втроем шли вдоль берега.

— Поеду в штаб фронта, — сказал Штевнев, — доложу командующему об обстановке у вас. Его, наверное, будет интересовать ваше мнение, Павел Семенович. Что скажете?

— Решение мое, Андрей Дмитриевич, вытекает из простого расчета. — Рыбалко остановился и принялся выводить палочкой на песке цифры. — Всего для армии нужно переправить 4000 автомашин. Грузим по две на паром. Он, стало быть, должен сделать 2000 рейсов. Да танков 600. Грузим по одному. Еще 600 рейсов. Всего получается 2600 рейсов. Я не считаю людей, кухни, пушки. Они входят в расчет с машинами. Если переправляться с темпом по 4 пароморейса в сутки, то потребуется 650 дней или около двух лет. Многовато... Нужно строить мосты. Лес рядом. Саперы имеются. Копры для забивки свай есть. Скобы можно ковать в местных кузницах. Считаем дальше. Чтобы построить два моста с темпом по 100 метров в ночь, думаю, сил хватит. Ширина реки 735 метров. На фарватере часть моста будет неплавным — из понтонов на паромах, которые к тому времени будут не нужны. Всего потребуется 5—6 ночей на оба моста. Если начнем строить в ночь на 26 сентября, то к 1 октября они будут готовы. Всего в армии 4600 машин. Пойдут они с дистанцией 25 метров. Если колонна будет двигаться по мосту со скоростью 5 километров в час с дистанцией между машинами 25 метров, то на переправу армии потребуется 23 часа, по двум мостам — 11 часов 30 минут. Практически мы переправимся за одну ночь. Мое решение: строить мосты!

— Так-то оно так, Павел Семенович, но ведь противник не будет ждать сложа руки, когда мы построим мосты, и за это время может подвести еще пять-шесть дивизий, ликвидировать плацдарм.

— Обязательно будет стремиться ликвидировать! Но мы тоже не будем сидеть сложа руки, Андрей Дмитриевич. Будем переправлять технику, людей. Бесспорно, до 1 октября противник может стать сильнее нас. Что же делать? Будем

обороняться. Другого выхода не вижу. Вы же сами говорите, что фронт не имеет больше переправочных средств.

— Значит, строить мосты?

— Да. Один на Зарубенцы, другой — на Григоровку. Этот вопрос мы еще обсудим с командующим 40-й армией генералом Москаленко. Почему бы, так сказать, не скооперироваться.

...Утром 25 сентября перешли в наступление 69-я мехбригада на Малый Букрин, а 71-я — на Колесище. В атаке приняли участие 4 танка, ведомые командиром роты старшим лейтенантом Г. Я. Шевгеней. За танками после короткого, но упорного боя пехота ворвалась в Малый Букрин. Гитлеровцы отошли, но вскоре их подошедшие из Дударей и Иваньково резервы остановили наше дальнейшее продвижение. Бригады перешли к обороне.

Меня командующий все еще держал на переправе.

Воздушные налеты немцев продолжались весь день. Появились и наши истребители. Завязывались воздушные бои. Плотность зенитного артогня в районе переправы возросла за счет средств подошедших соединений 40-й армии.

Из штаба корпуса передали, что получен важный боевой приказ.

— Фронт планирует, — докладывал П. В. Кульвинский, — наступательную операцию с плацдарма. 47-й стрелковый корпус 40-й армии будет продвигаться из района Трактомирова на Ромашки, Дудари, обходя Великий Букрин с запада. К исходу дня 26 сентября он должен овладеть Потанцами (10 километров южнее Дударей). Нашему корпусу приказано наступать с рубежа Малый Букрин, Колесище, обходя Иваньково с запада на Лазурцы, Трощин (15 километров южнее Малого Букрина). В район Лазурцы, Берестячи, Куриловка фронт выбрасывает воздушный десант. Наша задача — соединиться с ним. Из Григоровки на Иваньков будет наступать 22-я гвардейская мотострелковая бригада 6-го гвардейского танкового корпуса. Перед нами, на рубеже Дудари, Иваньково обороняются 10-я моторизованная и 19-я танковая дивизии врага.

«У нас фронт шесть километров, — размышлял я, — у 47-го корпуса — 2,5 километра. В операции он должен играть главную роль. В состав первого наступательного эшелона мы можем выделить два батальона 69-й и три 71-й бригад. Одним батальоном надо будет прикрыться со стороны Великого Букрина...»

После короткого совещания с Кульвинским, Антоновым и Ушаковым я объявил решение:

— Наступать будем пятью батальонами с четырьмя танками в первом эшелоне. За ночь переправим не менее батальона из 70-й мехбригады, два-три танка. Это наш резерв. Он расположится на рубеже между Великим Букрином и хутором Луковица.

...Идея строить мосты через Днепр понравилась командующему фронтом Н. Ф. Ватутину.

Саперы приступили к работе. Днем под ударами авиации работать было невозможно, а ночью беспокоила только артиллерия. Мосты росли с темпом 100 метров за ночь. Но переправлялись на правый берег пока еще на лодках и паромах. За ночь мы сумели переправить два батальона мотопехоты, штаб 70-й мехбригады, четыре автомашины, два танка, батарею артдивизиона 69-й мехбригады.

Рано утром 26 сентября, когда шла переправа войск, вновь ударила немецкая артиллерия. Не менее ста стволов. Били по Малому Букрину и Колесище. Прилетели две группы «юнкерсов» и в воду и на населенные пункты посыпались бомбы. Затем немцы пошли в атаку. Из Великого Букрина — пять танков и батальон пехоты, из Дударей на Малый Букрин — столько же, а из Иваньково на Колесище — одиннадцать танков и два батальона пехоты.

Утром 27 сентября разведка донесла, что противник сосредоточивает силы против нашей пехоты. Старший лейтенант Григорий Шевгеня внезапным танковым ударом расстроил планы гитлеровцев. Четыре танка двинулись в тыл немцев. Машины прошли скрыто и сосредоточились на рубеже атаки. По сигналу Г. Я. Шевгени танки на предельной скорости ворвались в расположение гитлеровцев. Танкисты поработали на славу: сожгли 2 бронемашины, раздавили 4 мотоцикла, расстреляли бронетранспортер-вездеход с боеприпасами, уничтожили около двух десятков фашистов. Выполнив задание, они вернулись без потерь.

Самоотверженно сражались воины 69-й и 71-й мехбригад. Взвод младшего лейтенанта И. С. Маркелова уничтожил танк и самоходную пушку. Рядовой А. Я. Яковлев забросал гранатами группу немцев, пытавшихся обойти наши окопы. Рядовой Н. А. Крылов только в одном бою уничтожил 16 гитлеровцев. Старший сержант Г. Н. Гулаков, красноармейцы В. Н. Блуватейн, И. М. Жлобинский, старший сержант П. И. Жуков и многие другие солдаты, сержанты и офицеры самоотверженно отстаивали завоеванный плацдарм.

Наступление немцев было остановлено на высотах в одном километре севернее Малого Букрина.

Фронт выбросил воздушный десант, но он соединился не с нами, а с партизанами и ушел в леса.

...Когда противник повторил атаку, батарея зенитных орудий лейтенанта А. С. Хохлова была скрытно выдвинута на огневую позицию, расположенную на подступах к реке. Все расчеты действовали спокойно и четко. Вот появились немецкие самолеты, и прозвучала команда «Огонь!».

Один за другим уходят снаряды в сторону целей. Фашистские стервятники пикируют на переправу. Бомбы рвутся буквально в нескольких десятках метров от зенитчиков, но все работают хладнокровно. Самолеты выходят из пике, и в брюхо одного из них вонзается снаряд расчета сержанта Сидорова. Второй подбитый «юнкерс» врезался в правый берег. Люди на батарее молодые, но закаленные, воспитанные партией и комсомолом.

Надо сказать, что коммунисты и комсомольцы всегда и везде подавали пример бесстрашия и отваги. Партийно-политическая работа, проведенная перед боем, нацеливала людей на выполнение боевой задачи, на полную победу над врагом. Каждый коммунист считал своим долгом показать личный пример в бою. Ведь от того как настроены солдаты, как они готовы к бою, знают ли свою боевую задачу и как подготовлены к ней, зависит успех.

Вот один эпизод. Для прикрытия отходящего подразделения были оставлены два расчета противотанковых орудий, с которыми добровольно остались коммунисты командиры взводов старшие лейтенанты А. Г. Гаврилов и Ю. И. Шепелев. Они понимали, что враг сомнет их, но не дрогнули, когда увидели, что против них идут семь танков и до батальона пехоты.

— Ни шагу назад! — поклялись бойцы и командиры.

Старший лейтенант А. Г. Гаврилов приказал сержанту Ф. Д. Скипидарову зайти фашистам во фланг с пулеметом. Неравный бой начался. Ни град рвущихся снарядов, ни свист пуль не сломили отважных воинов. Уже многие из бойцов были убиты и ранены, у орудий осталось по два-три человека, пал старший лейтенант Ю. И. Шепелев и ранен старший лейтенант А. Г. Гаврилов, когда внезапно с фланга ударил пулемет сержанта Ф. Д. Скипидарова. В этом бою погибли все коммунисты, но своей стойкостью, мужеством они задержали противника, нанеся ему существенный урон — было выведено из строя четыре танка и более сорока солдат и офицеров. Как говорится, песчинка остановила катящийся камень!

Заместитель командира этой батареи по политчасти

гвардии майор С. Т. Камнев и парторг гвардии старший лейтенант А. И. Лаптев вопросам воспитания воинов придавали большое значение. Лаптев рассказывал бойцам, особенно молодым, о боевых традициях гвардейцев, их героических делах, о людях, увенчавших славой знамена части. Не случайно, что накануне битвы за Днепр в этом подразделении было в один день подано 37 заявлений с просьбой о приеме в ряды ВКП(б). Замполит и парторг рассказывали подавшим заявления, как они должны вести себя в бою, и каждый из них шел в бой, точно зная свои задачи, готовый крепко бить фашистов, увлекать за собой товарищей.

Офицеры на совещании парторгов и комсоргов зачитали письма, полученные от девушек-активисток Московского общества Красного Креста — наших шефов. Письма были розданы и зачитаны в подразделениях. Бойцы писали коллективные ответы, в которых клялись с честью нести в бою гвардейское Знамя.

Я уже рассказывал о лейтенанте А. И. Алексееве. Перед боем он в своем заявлении в парторганизацию писал: «Прошу принять меня в партию Ленина — Сталина. С немецкими захватчиками буду драться, как подобает коммунисту». С такой же просьбой обратились в партийные организации подразделений сотни и сотни людей. Среди них молодые, но прекрасно показавшие себя в боях офицеры младший лейтенант И. Е. Ступка, лейтенант В. А. Есемчук и многие другие.

«За честь и счастье своей Родины готов отдать все свои силы и саму жизнь. Если смерть оборвет мою жизнь в бою, прошу считать меня коммунистом», — писал Иван Ступка.

Так от чистого сердца они клялись в верности Родине, партии, своему народу и побеждали. Кстати, Есемчук был тяжело ранен в бою, но задачу выполнил.

К вечеру 27 сентября погода стала меняться. Небо заволокли тяжелые тучи. Готовился к переправе минометный полк.

Немецкая дальнобойная артиллерия била по левому берегу. Снаряды рвались у переправы. Подъехал генерал П. С. Рыбалко.

— Как тут у вас? — спросил он.

— Остались лодки да плоты, паромы забрали. Разрешите мне быть на плацдарме.

— Хорошо. Будьте утром в хуторе Успенском, я туда позвоню.

Мы шли вдоль берега. Я рассказывал о делах в корпусе. Рыбалко внимательно слушал.

— По всей видимости, фашисты на днях нанесут решительный удар. Разведка доносит, что они подтягивают свежие силы к плацдарму. А у меня фронт обороны растянут. Великий Букрин должна взять 40-я армия, но... Сейчас он у меня на фланге, я вынужден отрывать силы для прикрытия. Потери чувствительны. Нельзя ли сократить полосу обороны корпуса за счет увеличения ее для 40-й армии?

— Этот вопрос я решить не могу, — сказал Рыбалко. — Разграничительные линии между армиями устанавливал штаб фронта. Но я доложу об этом генералу Ватутину. Как вы строите оборону?

— В первом эшелоне 69-я и 70-я мехбригады, во втором — 71-я. Она сейчас окапывается на рубеже роща северо-восточнее Великого Букрина, хутор Луковица.

Несколько снарядов разорвались недалеко от нас. Мы укрылись в низине между двумя небольшими песчаными холмиками. Генерал продолжал расспрашивать меня.

— Как танки используете?

— Танков на плацдарме пока мало — всего восемь. Сегодня еще переправим два-три, сосредоточим их в роще южнее хутора Луковица. Оттуда легче и быстрее их можно направить в случае надобности на Великий Букрин, Колесище и Григоровку.

— Добре. Окапывайтесь глубже. Кажется, кончился налет. — Павел Семенович поднялся, отряхнул с одежды песок, подал мне руку. — Ну, будь здоров, Константин Алексеевич. Я, пожалуй, на другой перевоз поеду.

— Куда? — не понял я.

— Да на переправу у Григоровки, — засмеялся он и зашагал к машине.

...На правый берег я переправился 28 сентября. Моросил дождь. У оврага, где располагался штаб, меня встретили П. С. Антонов и М. Д. Сиянин. У Антонова красные от бессонных ночей глаза, нижняя губа подрагивает. Видно, что держится из последних сил. Сиянин ранен в ногу, опирается на костыль. Они доложили обстановку, и я обоих отправил на левый берег в медсанбат.

В штабе находились П. В. Кульвинский, Г. В. Ушаков, Ф. И. Стояков и начальник штаба бронетанковых и механизированных войск РККА генерал-майор Михаил Петрович Салминов.

Поздоровавшись со всеми, я спросил:

— Что нового?

— Воздушная разведка фронта и пленные показывают, что в районе Ромашки, Дудари, Иваньково, Колесище и Малый Букрин большое скопление пехоты, танков и артиллерии противника. Видно, затевают фашисты что-то серьезное, — сказал полковник Кульвинский. — Судя по всему, главный удар они намечают в направлении Малый Букрин, Зарубенцы.

— Замысел ясен у них: рассечь плацдарм на две части, — дополнил генерал Салминов, — сорвать строительство мостов и, естественно, сбросить вас в Днепр.

— Ну, это еще бабка надвое сказала...

— Давайте, — снова заговорил Кульвинский, — посмотрим реально, что получается. Соотношение сил сейчас в пользу противника. На главном направлении он может поставить три-четыре дивизии, из них две — танковые. Пусть они, надо считать, неполнокровные, не по восемнадцать, а по десять тысяч человек. И то — тридцать — сорок тысяч набирается. Что у нас? Наши три бригады плюс 22-я гвардейская мотострелковая. Всего около девяти тысяч человек. Танков немцы имеют не менее двухсот, мы — одиннадцать. Артиллерии и минометов только штатных дивизий триста восемьдесят стволов да еще усиление — стволов сто, а то и двести. У нас на плацдарме только сто, точнее, сто два ствола, причем в основном минометные. Конечно, я не сомневаюсь в помощи соседей и армейской артиллерии, но будет ли эффект от этого? Ведь в нашей полосе их наблюдательных пунктов нет. Да и с боеприпасами у нас туговато.

— «Катюши» переправляют, — вставил я. — 40-я армия сосредоточивает силы...

— Извините, товарищ генерал, — прервал Кульвинский, — я продолжу. Немцы знают, вероятнее всего, что пока мостов нет, переправа идет медленно, стало быть, примерное представление о наших силах на плацдарме они имеют. Мне кажется, что они и не торопятся сбросить нас в воду потому, что уверены в своем успехе. Даже мосты перестали бомбить, мол, пусть строят, а переправляться-то некому будет, им достанутся. Мосты будут готовы либо 30 сентября, либо 1 октября. Стало быть, удар следует ожидать не позднее 29 сентября, потому что с готовностью мостов превосходство в силе немцы потеряют.

— Логично, — кивнул Салминов.

— Немецкая авиация, имею в виду летчиков, — продолжал начальник штаба, — не могла не видеть, что на левом берегу мы скапливаем войска. Все не скроешь... Отсюда

вывод: немцы должны наступать завтра. Если не начнут, значит, совсем не будут, в чем я, разумеется, сомневаюсь.

— Наши «катюши» сорвут их планы, — уверенно сказал Ф. И. Стояков. — Да и орудий у нас не так уж мало.

— Не будем гадать и спорить, — сказал я, — есть приказ, надо выполнять. Сегодня ночью минировать все межовражные пространства на глубину от переднего края обороны до позиций 70-й мехбригады. Противотанковые пушки и бронебойщиков разместить так, чтобы немецкие танки не прошли через эти минные поля, а в овраги они не полезут. Пехоте окопаться за оврагами. Личному составу разъяснить, что будет решительный бой, чтобы для них это не было неожиданностью. Но и на мажорный лад людей не настраивать: дескать, шапками закидаем... Всех офицеров штаба, политотдела, прокуратуры проинструктировать и направить в роты, на передний край, проверить оборону, исправить что можно.

Полковники ушли.

— Просил командующего сократить корпусу фронт, — пожаловался я Михаилу Петровичу, — но...

— Это же связано с перегруппировкой. А сейчас ее делать, сам понимаешь, нельзя. А вдруг ударят.

— Разрешите? — У входа в землянку стоял начальник оперативного отделения штаба корпуса подполковник Соммер.

— Пожалуйста. Что у вас?

— В стык между 69-й и 71-й бригадами пришел 1127-й стрелковый полк 337-й стрелковой дивизии. Командир полка подполковник Литвинов.

— Видишь, не забыл командующий твою просьбу! — перебил Соммера генерал.

— Где командир полка? Почему не представился, если он находится на нашей полосе обороны?

— Говорит, что он подчинен генералу Абрамову, а нас и слушать не хочет.

— Вот как! Хорошо, идите. Как тебе нравится такая подпорка? — спросил я Салминова.

— Надо доложить генералу Рыбалко.

Я позвонил командующему и попросил его подчинить мне 1127-й стрелковый полк.

— Хорошо, — ответил он. — Разберемся, подумаем.

Ночью ветер разогнал облака, небо стало звездным, под утро 29 сентября пал небольшой заморозок. Наскоро позавтракав, я направился на НП. Со мной пошли два офицера связи и офицер разведки. По дороге нас встретили

прокурор корпуса майор юстиции В. А. Грибов и следователь прокуратуры старший лейтенант юстиции В. М. Левин, попросили взять с собой.

Зарумянилась заря, было тихо, под ногами шуршала и даже похрустывала подмерзшая трава. Не слышно выстрелов, будто и войны нет. Поднялись на высотку, где находился наблюдательный пункт. Перед нами в утренней синеве — бесчисленные овраги, высотки, кустарники...

Не доходя окопа, где сидел телеграфист, мы, убаюканные тишиной, вздрогнули. Воздух раскололся. Огненные трассы реактивных снарядов устремились к Малому Букрину и Колесище. На левом берегу заухали пушки. Снаряды летели с визгом, воем, фырканьем...

Там, где предполагалось исходное положение противника для атаки, вздыбилась земля. Сплошная стена дыма заволокла полнеба.

Сплошной оглушающий рокот разрывов доносился со стороны немецких позиций.

Артналет продолжался 15 минут.

И снова тишина. Ни звука.

Тучи дыма понемногу рассеивались. Сквозь них пробились первые лучи солнца.

Артиллерийская подготовка, проведенная по указанию штаба фронта силами 40-й армии и 3-й гвардейской танковой армии, сделала свое дело. Я хотел поинтересоваться ее результатами, но в это время земля дрогнула, посыпалась из щелей земля в окопе. По нашему переднему краю ударила артиллерия противника. Снаряды летели через наши головы на батареи гвардейских минометов, но там уже никого не было. На стыке наших бригад и позиций 1127-го стрелкового полка был настоящий ад. Стонала земля, горизонт исчез в клубах дыма. Казалось, что никто и ничто там не уцелеет. Гитлеровцы усердно обрабатывали наши позиции минут сорок, затем перенесли огонь в глубину обороны по отдельным объектам.

Началась атака. Та, о которой мы говорили накануне.

Из 69-й бригады доложили, что со стороны Малого Букрина и Колесище движется не менее ста танков, за которыми идут плотные цепи пехоты. Из 71-й бригады сообщили, что из Иваньково между Колесище и Григоровкой движутся около 50 танков и более полка пехоты.

Я наблюдал за нашим передним краем в бинокль. Доносилась трескотня пулеметов, хлопки противотанковых ружей. Несколько немецких танков уже горели.

— Товарищ генерал! — услышал я чей-то громкий голос. — 1127-й стрелковый полк отходит!

— Остановить! — закричал я, не узнавая собственного голоса. — Стой!

Мы бросились навстречу отступавшим.

— Где командир? — спросил я капитана, который шел вместе с ними.

— Я командир первого батальона...

— Почему отходите?

— Мы выполняем приказ нашего командира дивизии генерала Абрамова.

— Я — командир девятого мехкорпуса. Подчиняю ваш полк себе. Где командир полка?

— Сейчас не знаю. Наверное, у Зарубенцев.

— Занимайте оборону вон на тех высотах. И ни шагу назад! Офицера связи вышлите на мой наблюдательный пункт, вон на той высотке. Выполняйте!

Сам я помчался к командиру бригады подполковнику А. А. Бабанину. У него была связь с остальными бригадами и штабом. Мой НП превратился в груду развалин, пока мы останавливали отходящих.

С НП подполковника Бабанина я видел, что на стыке 69-й и 71-й мехбригад, там, где должен был стоять стрелковый полк, немецкие танки, лавируя в межовражье, направляются к нам. Часть их пошла во фланг бригаде М. Д. Сиянина, в центре которой шел ожесточенный бой. Левее, у Григоровки, вздымались фонтаны взрывов — била немецкая артиллерия.

— Вызовите командира 69-й мехбригады!

— Командир не отвечает, у телефона начальник штаба, — доложил А. А. Бабанин. — Он говорит, что связи с наблюдательным пунктом командира нет. Бригада ведет бой с танками и пехотой противника. Третий батальон в трудном положении у юго-восточной окраины Великого Букрина. Командир батальона убит.

— Передайте ему, чтобы отвел батальон, — распорядился я. — Пусть выровняет фронт и остановит противника на рубеже северная окраина Великого Букрина, роща восточнее него. Они не должны допустить противника по дороге на Трактомиров. Все. Надо помочь 69-й мехбригаде. Будем контратаковать. Вызовите минометчиков...

— По сигналу — залп минометного полка — поднять ваш второй батальон и контратаковать противника в направлении от рощи у Великого Букрина на Григоровку, — поставил я задачу А. А. Бабанину. — Из леса южнее хуто-

ра Луковица контратаковать всеми одиннадцатью танками полковника Суховарова в направлении Малого Букрина. Контратаку поддерживают минометный полк корпуса, ваш артдивизион и минометный батальон. Начало через пятнадцать минут.

Артиллеристы и минометчики ударили по голове немецкого клина, второй батальон пошел в контратаку справа, роты старших лейтенантов Г. Я. Шевгени и А. М. Зварцева — слева. Фашисты остановились, завязался бой. Контратакующие надежно прикрывали 69-ю бригаду, она отходила на новый рубеж.

Я попросил вызвать Кульвинского. Тот доложил, что гитлеровцы с пятью танками атаковали рощу у Великого Букрина, понесли потери, отходят. Сейчас рощу заняла 69-я мехбригада.

Батальон из бригады Т. Г. Карася не удержал господствующую высоту у Григоровки, вынужден был отойти. Насмерть стояли танкисты подполковника Д. Г. Суховарова. Огнем с места они уничтожали танки и пехоту врага. Противник был остановлен, его пехота залегла. Автоматчики, сопровождавшие танки, заняли оборону.

Наступило краткое затишье.

— Вас вызывает командующий! — крикнул преувеличенно громко телефонист, видимо контуженный, подавая мне трубку.

— Как это вы ухитрились сдать господствующую высоту? — язвительно спросил П. С. Рыбалко. — Там сейчас немцы удобно устроились и неплохо корректируют огонь по переправе. Один снаряд попал в паром...

Я рассказал об отходе 1127-го стрелкового полка и о неудачных действиях 71-й бригады.

— Да, с командиров бригад надо строже взыскивать, — сказал Павел Семенович. — А может, кое-кого и заменить надо. Подумаем. А сейчас во что бы то ни стало удерживайте рубеж 70-й мехбригады. Подключу к вам армейскую артиллерию.

Минуты затишья кончились, ударила немецкая артиллерия, на этот раз по позициям именно 70-й мехбригады. Танки и пехота гитлеровцев подошли к оврагу, за которым был передний край этого соединения, а метрах в двухстах — его наблюдательный пункт. Пули взвизгивали, проносились над нашими головами, впивались в землю...

У рощи, правее нас, бронебойщики подбили два вражеских танка. Еще один подорвался на мине. Но вот двенадцать танков остановились на высотке за оврагом и начали

вести огонь с места. Немецкая пехота поползла к самому нашему переднему краю. Сосредоточенный огонь не давал гитлеровцам подняться, прижимал их к земле. Между двумя оврагами, подходившими к нашему рубежу, был минированный перешеек метров 15—20 шириной; бронебойщики и мотострелки надежно стояли на пути врага к Зарубенцам и Днепру. Тут он не мог пройти.

Доложили, что 1127-й стрелковый полк, укрепившись, теперь стойко отражает атаки противника. Но есть потери. Отовсюду просят прислать боеприпасы: у минометчиков осталось по три мины на ствол, у пулеметчиков — по 50—60 патронов...

— Передайте всем: патроны беречь. До наступления темноты пополнения боеприпасами не будет! — распорядился я.

Время словно остановилось.

Справа, слева — отовсюду гремит огневой бой. На позицию роты бронебойщиков старшего лейтенанта В. М. Молодова шло тридцать танков. Воины отделения сержанта П. С. Титаренко подбили 6 боевых машин. Несколько танков подорвали гранатами пехотинцы.

Рядовой В. Г. Каргаполов, оставшись одним из отделения в живых, продолжал отражать натиск врага. Когда подразделение начало отход, он взвалил на плечи раненого командира роты и вынес его с поля боя.

Отделение сержанта К. И. Богомолова и бронебойщик сержант С. Г. Гольфер занимали оборону на высоте у села Великий Букрин. На них шло шесть танков и батальон пехоты противника. Гольфер подбил два танка, автоматчики заставили залечь пехоту, но враг обнаружил позиции Богомолова и Гольфера и обрушил на них шквал минометного и артиллерийского огня, потом повторил атаку. У Гольфера кончились патроны к ПТР, он взял в руки автомат. И вторая атака гитлеровцев захлебнулась, но Гольфер был убит, а Богомолов тяжело ранен. В отделении осталось только четыре бойца, но они не отступили, не дали врагу возможности ударить в тыл 69-й бригаде. Высота осталась за нами. Кто были эти четверо, к сожалению, установить не удалось. Но они настоящие герои!

Лейтенант Н. Н. Сергеев из батальона 70-й мехбригады, контратаковавшего немцев, оказался вместе со своим взводом в окружении противника. Но он не растерялся, атаковал вражескую пехотную роту с тыла и нанес ей серьезные потери. Враг замешкался, на время прекратил атаковать, а Сергеев воспользовался его паникой, прорвался к своим и продолжал сражаться.

Парторг роты капитана П. Н. Николаева лейтенант Л. Т. Мартынов постоянно подбадривал бойцов, когда немцы пытались окружить их.

— Не нам, а немцам отступать! Будем их бить по-гвардейски!

И солдаты били! Мало того, в ходе боя 14 человек передали Мартынову свои заявления с просьбой о приеме их в партию.

Снайпер 71-й мехбригады А. В. Козлова сразила 11 немцев, вынесла с поля боя тяжело раненного командира роты. Минометчики, неразлучные друзья, командир — сержант С. С. Валенчук, наводчик сержант И. И. Вовк, заряжающий младший сержант И. И. Кривошеев, израсходовав все мины, взялись за автоматы. Иван Кривошеев заметил, что с высоты бьет крупнокалиберный пулемет, под прикрытием которого немцы подползли к оврагу. Он вступил в единоборство с пулеметчиком и уничтожил его. Фашисты поднялись в атаку. Иван в упор расстреливал их. По счастливой случайности ни одна пуля не задела смельчака, а он уложил около 10 гитлеровцев.

Экипажи танковых рот старших лейтенантов А. М. Зварцева, Г. Я. Шевгени и лейтенанта В. Д. Паширова два часа сдерживали натиск гитлеровцев и подбили 13 вражеских танков. Г. Я. Шевгеня в этом бою был ранен в глаз и эвакуирован в госпиталь.

Мужественно действовали в боевой обстановке верные друзья воинов — военные медики: врачи, фельдшеры и санитары. Старший сержант медицинской службы Ю. В. Шарипов, пренебрегая опасностью, спас жизнь многим солдатам и офицерам. Санитар рядовой Николай Гудзев делал все, чтобы облегчить страдания раненых: каждого накормит, напоит, уложит поудобнее. Самоотверженно выполняла свой долг старшина медицинской службы Е. П. Безруких. Она вынесла с поля боя несколько тяжело раненных воинов с их оружием. Шофер санитарной машины младший сержант И. И. Микертумов, несмотря на бомбежки и обстрелы, уверенно вел свою машину на передовую, забирал раненых, вывозил их в тыл. В том бою он эвакуировал более 40 воинов, выбывших из строя.

Чувство глубокой признательности испытывали бойцы к хирургам А. М. Воронину и Г. К. Бессонову. Неустанно трудились врачи К. А. Кононенко, К. С. Шабанова и многие другие.

...Солнце закатилось. Бой утихал. Все реже трещали ав-

томаты и пулеметы, артогонь почти совсем прекратился. Дымились, догорая, танки...

Вдруг за оврагом, где находились немцы, взвилась осветительная ракета. Следом за ней взлетели другие, по всему фронту — это означало конец вражеских атак.

— Все, — сказал я А. А. Бабанину, — наступление фашистов, кажется, окончено. Первый экзамен боем бригада выдержала. Передайте мою благодарность всему личному составу, накормите людей, подвезите боеприпасы, проверьте оборону, будьте бдительны. Все-таки не исключено, что гитлеровцы попытаются атаковать ночью; хотя они этого и не любят, но неудача может толкнуть их на всякую авантюру.

Я ушел на командный пункт, где меня ждал генерал М. П. Салминов. Он очень высоко оценил действия личного состава корпуса.

Утром 30 сентября полковник П. В. Кульвинский доложил, что за ночь были переправлены все танки полка Д. Г. Суховарова, строительство мостов на Днепре закончено.

Фашистское командование, видимо, поняло, что соотношение сил на плацдарме складывается не в его пользу, и само начало готовить оборону на двух полосах. Первая — у переднего края, вторая — в глубине, на рубеже Ходоров, Ромашки, Дудари, Иваньково, Бучач.

Я с адъютантом и офицерами связи направился на наблюдательные пункты бригад, чтобы проверить оборону, расположение подразделений, их обеспечение.

На переднем крае то там, то тут уже завязывались перестрелки. Изредка наши артиллеристы и минометчики обменивались с гитлеровцами короткими огневыми налетами. Вражеский танк из укрытия вел огонь по старой ветряной мельнице у хутора Луковица. Вероятно, гитлеровцы думали, что там наблюдательный пункт наших артиллеристов. От мельницы летели доски, щепки, но она не падала. Наших наблюдателей и корректировщиков на ней, конечно, не было.

Возвращаясь на свой КП, я должен был проходить мимо этой мельницы. Решил переждать в низинке, пока гитлеровцам не надоест тратить снаряды на нее. Достал письмо, присланное Федором Андреевичем Гавриленко.

«Дорогие товарищи! Сейчас я вместе с моими братьями иду громить проклятых немцев. В бою я не пожалею самой жизни, до последней капли крови буду бить фашистских зверей и хочу, чтобы все мои братья-бойцы так же их

уничтожали за все наши муки и за кровь наших родных детей.

Я получил письмо от командира одного партизанского отряда, где он описал все ужасы фашистского гнета, и я теперь готов руками рвать гитлеровцев на части.

Товарищи бойцы! В Ямпольском районе Сумской области гитлеровцы устроили лагерь для военнопленных. В течение трех месяцев они всех их заморили голодом и постреляли, а многих больных, но живых, закопали в землю. Когда поубивали всех пленных, они взялись за мирных людей. Они схватили около двух тысяч мужчин, женщин, детей и всех расстреляли... Еще много людей они загоняли в избы и сжигали.

Мне пишет командир партизанского отряда, что мою семью фашист тоже уничтожил, замучил мою жену и моих двух сыночков семи и пяти лет.

Вот какое горе принес мне завоеватель. Да разве только мне? Сколько наших людей замучил он! Сколько детей убил! Сколько добра народного сжег и взорвал!

Товарищи бойцы! Мы не будем сейчас оплакивать погибших родных. А будем бить на всю силу ненавистных гитлеровцев, чтобы кровь поганская рекой текла. Будем драться с преданностью своей Родине и отомстим фашистам за все. Уничтожим дикую орду и очистим нашу землю от нечисти фашистской».

Это письмо надо, конечно, опубликовать в газете, не изменяя стиля, поправив только грамматические ошибки. Оно подействует на людей лучше, как искренний человеческий документ...

Наконец фашисты оставили мельницу в покое.

Прибыв на командный пункт, я встретил двух полковников, присланных генералом П. С. Рыбалко в мое распоряжение.

Первым представился сухощавый, чуть выше среднего роста, с большими черными усами, открытыми, добрыми карими глазами Левон Хугясович Дарбинян. На голове — кубанка, на груди девять нашивок за ранения, на боку — маузер в деревянной кобуре. Он должен был заменить полковника М. Д. Сиянина, выбывшего по ранению. Второй — неторопливый в движениях, с каской поверх пилотки и изрядно поношенной плащ-накидкой на плечах — Владимир Васильевич Луппов. Он прибыл на место подполковника Т. Г. Карася, отозванного в отдел кадров армии.

После короткой беседы я ознакомил новых комбригов с обстановкой и боевым составом бригад, сказал, где искать их штабы, и офицеры ушли.

Фашистское командование не оставляло попыток во что бы то ни стало сбить наши части с занимаемых позиций и сбросить их в Днепр. Противник снова атаковал на участке Великий Букрин, Колесище, высота 209,7. Главный удар был нанесен на стыке 69-й и 71-й механизированных бригад. Ценой больших потерь врагу удалось продвинуться в центре плацдарма на участке 71-й мехбригады на два-три километра, но дальнейшее его наступление разбилось о стойкую оборону 70-й мехбригады.

Минометный расчет младшего сержанта Г. А. Лойко уничтожил фашистов, пытавшихся проникнуть на высоту 216,3. Бронебойщики старшего лейтенанта В. М. Молодова подбили три танка, наводчик 76-миллиметрового орудия Н. П. Кузнецов точными выстрелами поджег еще две машины. Кстати, несколько слов о Кузнецове. Когда он узнал, что его направляют в артиллерию, был огорчен, потому что мечтал об авиации, занимался в аэроклубе... Но потом любознательный, настойчивый и дисциплинированный по натуре Кузнецов настолько быстро и глубоко освоил орудие, что расчет его, возглавляемый старшим сержантом Н. И. Афанасьевым, вскоре прославился в бригаде меткостью огня.

Когда первыми переправлялись на плацдарм, пушку тащили по вязкому грунту на себе. Соленый пот застилал глаза, песок хрустел на зубах... Командир орудия старший сержант Н. И. Афанасьев и расчет погрузились на трофейный полупонтон, поплыли. Но вот и правый берег. Еще несколько минут — и пушка на суше, расчет потащил ее на огневую позицию.

Враг не заставил себя ждать. Появились их танки, пехота. Раздалась команда — и первый снаряд первой советской пушки на правом берегу Днепра разорвался чуть впереди танка. Быстро поправив прицел, Кузнецов вторым снарядом остановил боевую машину. Затем одна за другой были подавлены четыре огневые точки противника. Но ранило командира, вышли из строя все другие номера. Кузнецов остался один. А вражеские автоматчики наседали. Николай бил без промаха, сам подносил снаряды, сам заряжал орудие, хладнокровно наводил его и делал выстрел за выстрелом. Он выстоял и победил.

Родина высоко оценила подвиг Н. П. Кузнецова, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

Далеко от сибирской тайги, далеко от родины, в степях Украины нашел свою славу лейтенант Л. Е. Меньшиков. На фронт он прибыл в 1942 году, стал командиром взвода минометчиков, в одном из боев получил тяжелое ранение. Разрывная пуля серьезно повредила кисть руки. Врачи даже советовали ампутировать ее, но Леонид не согласился. Он рассказал хирургу, как просился на фронт, как в течение трех месяцев ходил ежедневно в военкомат, но ему отказывали из-за болезни. Но Меньшиков добился, что его призвали. И хирург не стал настаивать на ампутации, рану залечили...

В апреле 1943 года, выйдя из госпиталя, он еще раз прочитал справку, выданную ему: по состоянию здоровья Меньшиков направлялся для дальнейшей службы в тыл.

«Только на фронт!» — твердо решил Леонид. По дороге зашел в воинское учреждение, где отбирали офицерский состав для отправки в действующую армию, и сумел убедить строгих начальников направить и его. Так он оказался у нас.

Взвод минометчиков лейтенанта Л. Е. Меньшикова одним из первых переправился через Днепр и своим огнем уничтожил минометную 81-миллиметровую батарею противника вместе с прислугой.

Потом подразделение прикрывало переправу, обеспечивая возможность нашим войскам без потерь высаживаться на правом берегу Днепра. И сейчас минометчики вели бой с немцами. Скажу, забегая вперед, что Леониду Емельяновичу Меньшикову потом было присвоено звание Героя Советского Союза, и в последующих боях он с честью доказал, что достоин этого высокого звания.

Еще один славный минометчик — Герой Советского Союза рядовой Григорий Егорович Ячменев. Он дважды переправлялся через Днепр, был ранен осколком вражеской бомбы. Превозмогая боль, он все же довел свой плот до правого берега, отправился в село Зарубенцы, взял вола и телегу и доставил на огневые позиции боеприпасы и продовольствие. Ячменев при очередном подвозе мин был контужен, но и на этот раз не покинул передовой, остался в подразделении выполнять боевую задачу.

— Пока руки, ноги целы, — говорил он, — буду в строю.

Бывший уральский шахтер и в дальнейшем с честью выполнял свою тяжелую работу. Весть о присвоении ему высокого звания Героя минометчики восприняли с восторг-

гом — знали: пока жив Ячменев, боевые расчеты всегда будут обеспечены боеприпасами.

В батарее старшего лейтенанта В. Н. Анчишкина таких самоотверженных людей было немало. Один из них — старший сержант М. И. Михайлович. Его расчет прославился своим высоким воинским умением, боевым мастерством, дерзостью. Состав как на подбор — люди смелые, готовые на все ради победы. Наводчик сержант М. Т. Розенфельд, как только прозвучит команда, быстро устанавливает прицел. Заряжающий рядовой А. Б. Дуранов моментально опускает тяжелую мину в ствол миномета. В это время рядовые Г. Г. Газизов, И. Г. Сухомлин и А. Т. Сивков готовят к бою мины.

Расчету пришлось отбивать контратаку вражеской пехоты, поддерживаемую шестью танками. Требовались поистине героические усилия, чтобы выстоять против натиска фашистов. Минометчики метко клали мины по скоплениям пехоты, но надо было ее остановить, задержать боевые машины. Расчет Михайловича сделал несколько выстрелов по пехоте, открыли огонь петеэровцы. Танки остановились, а пехота залегла. Атака гитлеровцев захлебнулась.

До 29 сентября напряженные бои на плацдарме шли беспрерывно. Мы прилагали все усилия, чтобы сломить сопротивление противника, который нередко переходил в контратаки, но наши бойцы стойко их отбивали.

На букринском плацдарме войска 3-й гвардейской танковой армии совместно с соединениями 40-й и 27-й армий вели упорные бои по его расширению и к концу сентября вышли на рубеж Великий Букрин, Григоровка. Общая площадь плацдарма составила 80 квадратных километров.

В начале октября наш корпус сменили соединения 27-й армии и нас отвели на несколько километров в тыл. Необходимо было пополниться людьми, оружием, боеприпасами, дать бойцам возможность немного передохнуть. В это время мы вели активную партийно-политическую работу в подразделениях, ставили перед офицерами новые задачи, учили их боевому мастерству. С пополнением прибыло много новых, молодых, необстрелянных офицеров, и опыт бывалых, старших по званию и прошедших через многие бои людей им во многом мог пригодиться.

Полковник Г. В. Ушаков почти не уходил из подразделений. Занятия и партийно-политическая работа проводи-

лись согласно графику, разработанному штабом корпуса и политотделом. Мы устраивали собрания офицеров, на которых разбирали поступки и поведение командиров в боях, перед ними и после них. Немало поучительного вынесли молодые офицеры из этих конкретных, откровенных разговоров, бесед, лекций...

Мы обращали внимание на бдительность личного состава, поскольку было несколько случаев, когда гитлеровские бандиты засылали в наши прифронтовые тылы своих агентов.

Коротки дни отдыха... И снова на передовую.

Прорыв обороны врага в очередном наступлении возлагался на 40-ю и 27-ю армии. Нашей 3-й гвардейской танковой предстояло войти в прорыв, развивать успех в направлении Дудари, Смела и соединиться там в лесах с партизанами для последующего наступления в обход киевской группировки противника с юго-запада.

9-й мехкорпус вводился в полосе 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко на главном направлении. Мы должны были построить свои боевые порядки в два эшелона. В первом — 69-я мехбригада с 59-м гвардейским танковым полком, действующая в направлении роща западнее хутора Луковица, Малый Букрин, Дудари, и 71-я мехбригада с 47-м гвардейским танковым полком, нацеленная на рубеж роща южнее хутора Луковица, Колесище, западная окраина Иванькова. Во второй эшелон выделялась 70-я мехбригада, следовавшая за 69-й.

Пока мы готовились к наступлению, гитлеровцы усилили оборону. К 3 октября они сосредоточили против нас на участке 6 километров четыре пехотных, одну моторизованную и одну танковую дивизии. Затем к ним подошла еще одна танковая дивизия СС «Рейх».

...Комсомольцы отметили 25-летие ВЛКСМ новыми победами, примерами мужества и отваги. Они открыли боевой счет в честь юбилея еще до начала общего наступления в мелких стычках с противником. Например, комсомолец рядовой А. А. Климов показал себя бесстрашным разведчиком. За героизм, отвагу и ценные сведения, доставленные командованию, он был награжден орденом Красной Звезды. А член ВЛКСМ младший сержант В. А. Шитиков, оставшись один в поврежденном танке, отбил несколько атак гитлеровцев. Затем, когда фашисты поняли, что со стрелковым оружием боевую машину им не взять и бросились на другой участок, Шитиков пришел на помощь воинам-пехотинцам. Он принял на себя командование поредевшим взво-

дом, который отразил четыре атаки фашистов и устоял перед их натиском.

Комсомольцы 51-й гвардейской танковой бригады обратились ко всем комсомольцам армии с призывом громить врага так, как это делают члены ВЛКСМ Н. Е. Петухов, В. А. Сысолятин, В. Н. Иванов и И. Д. Семенов. Это обращение встретило горячий отклик в сердцах комсомольцев и всех молодых воинов. На многочисленных митингах, беседах, групповых читках обращения отличившиеся комсомольцы рассказывали о своих боевых делах и заверяли, что не пожалеют ни сил, ни самой жизни во имя освобождения родной Украины от фашистского рабства.

— Если в первом бою, — говорил сержант Иван Вовк, — мой расчет 82-миллиметрового миномета уничтожил крупнокалиберный пулемет противника, два его ручных пулемета, кочующий миномет и группу солдат и офицеров врага, то в предстоящем бою мы этот счет мести значительно увеличим.

— До сих пор я тоже всегда уверенно шел на выполнение любого боевого задания, — сказал разведчик рядовой И. С. Кухарский, — шесть раз ходил в разведку. Сейчас снова готовлюсь в тыл врага. Я обязательно должен захватить «языка». Это будет мой ответ на обращение комсомольцев, а также мой взнос в освобождение родного края. Ведь Украина — моя родина. Сейчас я нахожусь в сорока километрах от родного дома. Я даю твердое слово беспощадно уничтожать лютого врага и в борьбе за родной край не пожалею ни сил, ни самой жизни.

— Я сибиряк, — сказал автоматчик рядовой М. Д. Фарафонов, — и на Днепре впервые. Но он мне так же дорог, как и моя родная Обь.

— Фашисты хотели сбросить нас в Днепр, — заявил комсорг старшина А. А. Бабак, — но мы выстояли. Заверяю Родину, что 25-летие комсомола отмечу новыми боевыми успехами.

Тысячи воинов клялись бесстрашно биться с коварным и злобным врагом до полной победы.

Утро 12 октября.

После мощной артиллерийской подготовки войска 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко пошли в атаку. Немцы, парализованные огнем артиллерии, в первой полосе обороны сопротивление оказывали слабое.

Генерал П. С. Рыбалко вызвал меня к телефону.

— Начинай! — приказал он, а я тут же велел Кульвинскому дать войскам сигнал к наступлению и вместе с адъютантом и начальником радиостанции старшим лейтенантом О. А. Назаренко занял место в танке. Двинулись вслед за боевыми машинами 69-й мехбригады. За мной на автомашинах с радиостанциями шла оперативная группа штаба корпуса. В одной из них находился заместитель командующего армией генерал-лейтенант танковых войск Иван Прокофьевич Сухов.

Голова танковой колонны уперлась в минное поле. Здесь был единственный проход по межовражью шириной 10—12 метров. Саперы с миноискателями извлекали мины, делали новые проходы.

Группе саперов, в которую входил рядовой С. Д. Гуляев, было приказано проделать проход для танков в минном поле. Когда саперы начали свою опасную работу, внезапно по ним ударил пулемет. Воины прижались к земле. Гуляев был ранен в ногу, но, превозмогая боль, под липким слоем мокрой земли находил мины, привычными движениями вывинчивал взрыватели. Когда он обезвредил последнюю, двенадцатую мину, пулемет умолк — его накрыл огонь нашей артиллерии. Не меньше, чем С. Д. Гуляев, обезвредили мин рядовые М. О. Заксон и Ф. В. Лихтин.

Машины пошли вперед. Но вот одна подорвалась на мине, вторая... Я решил обогнать колонну, надо было принять какие-то меры. Водитель, видимо, слишком близко взял к краю оврага, грунт не выдержал тяжести танка, он соскользнул вниз и, сделав на крутом склоне полный оборот вокруг своей продольной оси, замер на дне оврага.

Хорошее начало, нечего сказать! Мы, правда, отделались только синяками. Но о том, чтобы вытащить танк с двадцатиметровой глубины, сейчас не могло быть и речи. Теперь его надо вести по дну оврага, обратно до самого Днепра.

Когда мы поднялись наверх, танки уже прошли минное поле, оставив две машины, развернулись в боевой порядок и атаковали Малый Букрин. Подошла машина с оперативной группой.

— Цел, командир? — спросил И. П. Сухов. — Значит, долго жить будешь. Садись, поедем на наблюдательный пункт.

Мой НП находился на высотке в километре от Малого Букрина. Отсюда хорошо было видно, как шел бой, как часть наших танков с мотопехотой поднимались по склонам и, пройдя Малый Букрин, устремились на Дударь.

В Колесище вела бой 71-я мехбригада.

Генерал Рыбалко приказал мне по радио:

— Предупредите войска, что из района Белой Церкви на Колесище идет большая группа самолетов противника.

Я сказал Назаренко, чтобы она срочно передала это сообщение Л. Х. Дарбиняну и В. В. Луппову, а сам посмотрел на небо.

На нас тремя волнами шли вражеские самолеты.

Все укрылись без команды в окопчике. Мы с генералом Суховым спрыгнули туда же.

Первая волна самолетов устремилась на Колесище и Малый Букрин. За ней — вторая. Зенитчики открыли огонь.. Третья волна самолетов сбросила бомбы буквально на наши головы. Земля содрогалась, окопы осыпались, грохот, вой, визг осколков, комья земли, пыль, гарь — все перемешалось...

В нашей группе пострадала только начальник радиостанции О. А. Назаренко: была ранена в ногу. Ее увезли в тыл.

Я стал продолжать наблюдение за боем. Гитлеровцы усилили натиск из Дударей, наши подразделения стали отходить. Этак мы можем потерять и Малый Букрин...

— Надо вводить в бой 70-ю мехбригаду, — сказал я Сухову.

— Правильно, а то там худо будет... — ответил генерал.

Танки 70-й мехбригады пошли вперед. Контратака была отбита, Малый Букрин остался за нами. Но продвижения вперед пока все-таки не было.

...В этот день многие воины увеличили свой боевой счет.

Минометный расчет сержанта Н. К. Воронина уничтожил три автомашины с пехотой. Бронебойщик рядовой Н. Разумный сбил из противотанкового ружья фашистский самолет. Танкисты полковника Д. Г. Суховарова подавили минометную батарею, подбили и сожгли семь танков «Т-IV». Один из них был на счету командира танка сержанта С. Г. Туловскова. Рядовой К. П. Никифоров убил восемь вражеских солдат и одного взял в плен. Минометчики рот старшего лейтенанта В. Н. Анчишкина и капитана В. И. Касьяна уничтожили несколько огневых точек.

Рота Героя Советского Союза лейтенанта А. И. Алексеева первой ворвалась в Дудари. Во время отражения контратаки гитлеровцев мужественный офицер погиб. Его и Героя Советского Союза младшего сержанта В. А. Левина похоронили на кручах у села Зарубенцы. Местные жители потом соорудили над могилой обелиск.

Наш корпус был сменен войсками 27-й армии и отведен в район севернее Григоровки, хутор Луковица, Зарубенцы.

Командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин принял решение 20 октября прорвать на участке Ходоров, Ромашки оборону противника силами 40-й армии. Войска 3-й гвардейской танковой армии должны были развить успех на Кагарлык, Белую Церковь. Для проведения этой операции Н. Ф. Ватутин прибыл на командный пункт 40-й армии. Там же был и я, ожидая получения задачи на начало ввода в прорыв корпуса.

Артиллерийская подготовка и удары нашей авиации по фашистской обороне были довольно внушительными, но прорвать ее войска 40-й армии не смогли. Ватутин дал мне команду о вводе в сражение корпуса. Нас поддерживали бомбардировщики. В предполагаемом участке прорыва противник открыл по самолетам зенитный огонь такой плотности, что, казалось, небо разрывается на части. Но бомбардировщики точно отбомбились по целям, и наши 47-й гвардейский танковый полк подполковника Г. А. Адильбекова и 69-я мехбригада полковника Л. Х. Дарбиняна подошли к наблюдательному пункту, где мы находились. Но тут командующий фронтом изменил решение и приказал мне остановить корпус, вернуть его в занимаемый ранее район. Как потом выяснилось, начатая операция была вообще отменена.

Бригаду я остановил довольно быстро, а 47-й гвардейский танковый полк уже устремился на врага, и его пришлось возвращать по радио. Командир полка подполковник Г. А. Адильбеков на своей машине был уже совсем близко к переднему краю противника, когда получил приказ вернуться на исходные позиции. Он вышел из танка, и в это время гитлеровцы ударили по достигнутому полком рубежу из минометов. Офицер был сражен осколком.

Мы потеряли славного командира, коммуниста, храбрейшего воина.

Сын казахского народа Галий Адильбекович Адильбеков был добровольцем Красной Армии, участником боев с басмачами в Каракумах, кавалером ордена Красного Знамени. Мы все искренне скорбили, потеряв такого замечательного боевого товарища. Командовать полком был назначен подполковник А. И. Лаптев.

...С наступлением темноты все наши войска на этом участке фронта отошли в свои районы.

Командующий фронтом и член Военного совета уехали с наблюдательного пункта К. С. Москаленко.

Генерал П. С. Рыбалко вызвал командиров корпусов на утро 24 октября в село Воскресенское, где находился его штаб.

К этому времени войска 38-й армии генерала Н. Е. Чибисова создали второй, довольно обширный плацдарм севернее Киева, в районе села Лютеж. (Кстати, к концу сентября на правом берегу в разных местах было создано 23 плацдарма.) Но на лютежском плацдарме было недостаточно сил, чтобы организовать наступление с решительной целью освобождения столицы Украины.

К командарму мы прибыли почти одновременно: командир 7-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор К. Ф. Сулейков, командир 6-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор А. П. Панфилов, командир 91-й отдельной танковой бригады полковник И. И. Якубовский и я.

Командующий, поздоровавшись с каждым из нас, спросил, все ли в порядке в соединениях, и, удовлетворенный нашими ответами, жестом предложил сесть к столу, на котором лежала карта. Развернув тетрадь с записками и заметками, он сказал:

— Я вызвал вас по случаю решения большой задачи, поставленной перед нашей армией. Мы должны перейти на лютежский плацдарм и принять участие в освобождении Киева. Сейчас для нас главное — сделать это так, чтобы противник ничего не заметил. О задаче в полном объеме должны знать только вы, ваши начальники штабов и заместители по политчасти. Отводить войска с букринского плацдарма на левый берег Днепра и совершать марш будем только по почам, при строжайшей светомаскировке. Перед началом марша разъясните всем, чтобы на местах дневок при разговорах с местными жителями никто не упоминал номера частей и не проговорился, откуда идем. На плацдарме оставьте макеты орудий и танков, а на местах штабов до утра 27 октября по одной радиостанции, которая должна передавать радиограммы, в соответствии с указаниями начальника связи армии. А теперь смотрите...

П. С. Рыбалко показал на карте районы сосредоточения на левом берегу Днепра. Для 9-го механизированного корпуса — лес между селами Цибли и Комаровка. Наш маршрут проходил через Козинцы, Андруши, Яшинки и далее вдоль берега Днепра через Дарницу, Бровары на Лютеж.

Мы нанесли все необходимое на свои карты. Вопросов не возникало. Задача была предельно ясна.

— Мы не добились успеха здесь потому, — добавил командарм, — что своевременно не учли характер местности. Ее сильно пересеченный рельеф, сами понимаете, затруднил наступательные действия всей группировки и нашей армии в особенности. Это заметила Ставка и потому решила перенести усилия по разгрому киевской группировки противника и овладению Киевом севернее, к Лютежу. И уже есть соответствующая директива.

С полученной задачей и указаниями генерала Рыбалко я познакомил полковников П. В. Кульвинского и Г. В. Ушакова. Мы составили план перегруппировки войск корпуса и мероприятий для обеспечения выполнения указаний командующего. Для постановки задачи на переправу через Днепр и сосредоточение на левом берегу было решено созвать совещание командиров бригад, отдельных частей, моих заместителей и начальников служб штаба корпуса.

Первыми пришли командир 69-й мехбригады полковник Л. Х. Дарбинян и полковник М. Д. Сиянин, прибывший из госпиталя и принявший 70-ю мехбригаду у заболевшего подполковника А. А. Бабанина. Чуть позже подошел и полковник В. В. Луппов, командир 71-й мехбригады. За ним остальные.

А в ночь на 26 октября мы уже переправили на левый берег Днепра всю мотопехоту и артиллерию. В следующую ночь — танки.

Я стоял недалеко от дороги, по которой шли танки с выключенными фарами. Саперы указывали маршрут светом карманных фонариков.

Прощай, Букрин!

НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

1 ноября корпус сосредоточился в лесах западнее Лютежа. Началась подготовка к наступлению. Операция вначале планировалась так. Войска 38-й армии (ею теперь командовал генерал-полковник К. С. Москаленко), усиленные 5-м гвардейским танковым корпусом, прорывают оборону противника, овладевают лесным массивом севернее дач у Пущи-Водицы. Затем вводится в прорыв 3-я гвардейская танковая армия и, обходя Киев с запада, развивает успех на Фастов. В первом эшелоне танковой армии действуют 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, а наш 9-й мехкорпус идет за ними во втором эшелоне.

Наступление началось после мощной артподготовки 3 ноября.

Но ни 3, ни 4 ноября прорвать оборону не удалось. Противник оказывал упорное сопротивление, повсюду устраивал на дорогах лесные завалы, минировал их и держал под огнем танков и пулеметов. 4 ноября погода ухудшилась, пошел дождь, продвигаться стало еще сложнее. Войска 38-й армии шли вперед очень медленно.

Но воины на митингах дали клятву, что к 7 ноября Киев будет освобожден.

Командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин вызвал к себе на командный пункт генерала П. С. Рыбалко и нас — командиров корпусов 3-й гвардейской танковой армии. Он был мрачен, сдержанно-спокоен, но, как всегда, учтив.

— Гитлеровцы упорно сопротивляются, — сказал Николай Федорович. — 38-я армия, взламывая глубоко эшелонированную оборону противника, продвигается медленно. Есть опасность, что фашисты могут снять несколько дивизий у букринского плацдарма и, подбросив их к Киеву, сорвать наше наступление. Нам нужно скорее нарастить усилия и завершить прорыв обороны. Для этого можно бы включить в сражение вашу армию, но леса скуют подвижность танков и мотопехоты. Хотелось бы ввести вас в про-

рыв после выхода из них, у Пущи-Водицы. Но для этого нужно усилить части 38-й армии, а у нас под рукой нет свободных сил. Поэтому я предлагаю укрепить ее одним из корпусов вашей армии, а когда прорыв будет завершен и в него войдут два других корпуса, изъять из подчинения 38-й армии ваш корпус и пустить его вторым эшелоном танковой армии. Хотелось бы знать ваше мнение по этому поводу.

Слово попросил генерал П. С. Рыбалко.

— Я думаю, — сказал он, — что такое предложение в данных условиях целесообразно. Мы можем усилить 38-ю армию 6-м гвардейским танковым корпусом, а затем сделать так, как вы сказали.

Павел Семенович посмотрел на генерала А. П. Панфилова.

— Не возражаю, — кивнул тот.

Итак, план действий нашего мехкорпуса менялся. Теперь мы должны наступать в первом эшелоне во взаимодействии с 23-м стрелковым корпусом генерал-майора Н. Е. Чувакова.

— Считаю вопрос решенным. — Ватутин, видя наше единодушие, кажется, даже повеселел. — Завтра с утра и начнем. Прошу вас действовать решительно. От этого во многом будет зависеть успех операции.

Он пожелал нам успеха, и мы разъехались по своим боевым местам.

Я созвал командиров бригад и отдельных частей корпуса, объявил решение командующего фронтом, поставил всем задачи.

— Людей не хватает в частях! Как быть с пополнением? — задал вопрос командир зенитного полка майор Забелин.

— Видимо, придется привлекать добровольцев, — сказал я. — Люди нам нужны, а ждать маршевые роты мы не можем.

— Правильно, — поддержал меня Г. В. Ушаков. — Мне кажется, желающих принять участие в освобождении Киева будет немало... Надо проверить их, словом, провести соответствующую работу.

— Значит, правильно я сделал, — сказал Забелин, — что принял одного добровольца. Правда, молодой очень, семнадцати нет.

— Кто такой? — спросил Ушаков.

— Сам он — киевлянин, но в Лютеже оказался, когда

немцы из Киева молодежь в Германию угоняли. Скрывался, словом. Малый, ничего, смекалистый...

— Начало есть, — заключил я. — Продолжайте работу в этом направлении.

Когда я со штабом, следуя за 69-й бригадой, вошел в Пущу-Водицу, генерал П. С. Рыбалко был уже там. Здесь же находились танки полковника И. И. Якубовского. Вражеская артиллерия обстреливала Пущу-Водицу. Один снаряд попал в сосну, она с треском рухнула, я едва успел увернуться из-под комля.

Генерал в распахнутой шинели сидел за столом у развернутой карты.

— Вашей 70-й мехбригаде — моему резерву, — сказал он, когда я доложил, что корпус вошел в прорыв, — я поставил задачу: захватить Святошино и перейти к обороне, не допустить отхода противника из Киева по Житомирскому шоссе, а также подхода резервов к городу с запада. Сиянин уже приступил к выполнению этой задачи. Ваша 71-я мехбригада наступает во взаимодействии с 6-м и 7-м гвардейскими танковыми корпусами, а вот 69-я — в отрыве. Важно, чтобы она, развивая наступление по восточному берегу реки Ирпень, перекрыла мосты и броды, не дав возможности противнику свободно подвести резервы к Киеву. Оставляйте в таких местах небольшие заслоны до подхода частей 23-го стрелкового корпуса, потом снимайте их. Вы сами где будете?

— Пойду со штабом за 69-й мехбригадой.

— Ну вот и хорошо.

...В первом эшелоне наступали 69-я и 71-я мехбригады, прославившиеся на букринском плацдарме мужеством и отвагой. Они быстро завершили прорыв неприятельской обороны, и вслед за ними устремилась 70-я мехбригада, развивая наступление. Она двигалась на Святошино, а 71-я — на Жуляны. Воины бригады М. Д. Сиянина, разгромив небольшие группы противника в населенном пункте Берковец и на станции Беличи, ворвались в Святошино и отрезали врагу отход по шоссе Киев — Житомир. Гитлеровцы атаковали бригаду, пытаясь вырваться из Киева, но все их атаки она отражала стойко. 71-я бригада В. В. Луппова вела бой за Жуляны и готовилась атаковать Хотив, чтобы перерезать врагу дорогу на Васильков, по которой он отходил из Киева.

Здесь снова отличился лейтенант Лаврентий Андреевич Чванов, начинавший войну рядовым красноармейцем. Пять раз он был ранен, но продолжал истреблять гитлеровцев.

С двумя десятками бойцов Чванов внезапно напал на вражеский обоз, захватил в плен 40 фашистов и 19 подвод с грузом. Потом ночью, возглавляя группу разведчиков, разместившихся на броне танка, лейтенант Чванов подошел к железнодорожной станции. В темноте у пакгаузов офицер увидел движущиеся фигуры гитлеровцев. Они что-то носили, суетились. Тут же длинной вереницей вытянулся обоз. Чванов принял дерзкое решение. С горсткой бойцов он напал на немцев. Те, ошеломленные, разбежались, бросив 98 подвод, 8 автомашин, много боеприпасов и продовольствия. А здесь, на правом берегу Днепра, случилось так, что Чванов один на один столкнулся в лесу с танком. Осторожно подкравшись к нему, он огнем из автомата уничтожил экипаж, который, не видя опасности, выбрался на свежий воздух, и завладел танком. За совершенные подвиги Л. А. Чванову было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Под вечер генерал Рыбалко бросил 91-ю отдельную бригаду полковника И. И. Якубовского на Фастов. На предельной скорости танки мчались к крупному узлу железных дорог и важному опорному пункту обороны противника.

А бригада М. Д. Сиянина, заняв круговую оборону у моста через речку Нивка, отрезала противнику отход на Житомир. Пример отваги, находчивости и бесстрашия показал, руководя действиями своей роты, капитан А. О. Мирзоян и, отбивая атаку противника, погиб смертью храбрых.

На батарею младшего лейтенанта А. А. Чуховского ринулась группа танков. Четкая и слаженная работа расчетов, меткость огня, мужество и бесстрашие обеспечили артиллеристам успех. Было сожжено 2 «тигра» и 5 средних танков. Особенно успешно действовали старший сержант Залеткин, сержанты Яковлев, Гурин, Басов, красноармейцы Иванов, Белов, Гриднев, Ашухамедов. Лейтенант Курбатов в упор расстрелял «пантеру». Экипаж САУ старшего лейтенанта Степанова в составе наводчика сержанта Лапшина, механика-водителя старшего сержанта Буланова, заряжающего рядового Черевского уничтожил три танка.

После этого боя с 16-ю немецкими танками экипажу Степанова предстояло выполнить не менее трудную задачу — пройти по тылам противника и доставить в штаб данные о его силах.

Степанову, сражавшемуся за Одессу, Севастополь, Ленинград, в подобной обстановке действовать еще не приходилось. Но он понимал, что здесь нужны мастерство, смелость, дерзость...

Первые километры прошли спокойно, и вдруг на одном из поворотов Степанов заметил следы гусениц. Ясно, что здесь совсем недавно прошли танки.

Сержант Лапшин прошел вперед, но быстро вернулся и доложил, что неподалеку, перед лощиной, на возвышенности в лесу стоит в засаде немецкий танк.

— Вперед! — приказал старший лейтенант механику-водителю.

Вот танк уже хорошо виден. Степанов подал команду Лапшину. Меткий выстрел — и вражеская машина задымила. Самоходчики на предельной скорости рванулись вперед по своему маршруту. Но неожиданно на их пути вправо от дороги выросли силуэты еще трех танков.

— Скорости не сбавлять! — приказал офицер.

На полном ходу САУ проскочила между танками. Фашисты открыли огонь, но наша машина круто свернула влево и скрылась в лощине.

— Командир! — крикнул водитель. — Впереди еще два танка.

— Вижу! — ответил тот. — Не сворачивать! Огонь!

Снаряды, метко пущенные наводчиком Лапшиным, впились в броню немецкого танка, и тот замер. Экипаж второй машины, не приняв боя, уклонился влево, к лесу.

...Ночью 69-я бригада полковника Л. Х. Дарбиняна вместе с 53-м танковым полком полковника Д. Г. Суховарова наступала на Белгородку. Танки с зажженными фарами и воющими сиренами шли в атаку, ведя огонь из пушек и пулеметов. За ними двигались цепи мотопехотинцев.

Дорогу им преградили вкопанные в землю немецкие самоходные орудия. Вперед вырвался экипаж старшего лейтенанта А. М. Зварцева. Несколько выстрелов — и самоходки были подавлены.

Ночная атака со световыми и шумовыми эффектами оказала на врага сильное психологическое воздействие.

...Из Белгородки позвонил Дарбинян:

— Товарищ генерал, куда девать пленных?

— Направляйте под конвоем в Святошино, — ответил я. — Каким частям принадлежат пленные?

— 215-й штурмовой саперный батальон, вчера прибывший из Германии.

— Молодцы! Преследуйте противника на Плесецкое. Я со штабом и танками Лаптева иду за вами.

Кульвинский сообщил:

— В 24.00 Луппов овладел Хотивом.

— Передайте, чтобы шел на Плесецкое. Мы идем за Дарбиняном.

...Советское информбюро в оперативной сводке за 5 ноября сообщало, что в районе Киева наши войска, преодолев сопротивление и контратаки противника, продолжали вести упорные бои по расширению плацдарма на правом берегу Днепра. В ходе боев наши войска продвинулись вперед и овладели сильно укрепленными опорными пунктами противника Литвиновка, Тарасовщина, Гавриловка, Воронковка, Раковка, Синяк, Мостище, Берковец, Беличи, Святошино, Приорка и перерезали шоссе Киев — Житомир.

В этих боях отличились воины 71-й механизированной бригады.

Командир роты минометного батальона коммунист старший лейтенант И. И. Филиппов, находясь в боевых порядках мотопехоты, корректировал огонь. Противник тоже стал бить из минометов. Командир мотострелковой роты был ранен в момент, когда его подчиненные должны были подняться в атаку. Промедление здесь было чревато большими неприятностями. Филиппов понял это и поднял мотострелков, возглавил атаку. Бойцы под командованием старшего лейтенанта ворвались на опорный пункт гитлеровцев на станции Жуляны, уничтожили более двадцати вражеских солдат и офицеров, взяли в плен 16 человек.

На следующем рубеже враг встретил наступающих сильным огнем. Они залегли. Иван Иванович выдвинулся перед боевым порядком, занял наблюдательный пункт в бывшем немецком окопе. Минометчики удачно скорректированными ударами уничтожили несколько огневых точек противника.

Гитлеровцы заметили смельчака и решили захватить его в плен. Около взвода немцев устремилось к Филиппову. Когда до них осталось не более ста метров, он взялся за автомат. Но вот кончились патроны. Тогда отважный офицер вызвал огонь на себя и залег в укрытии. Шквал мин обрушился на район, где был окоп Филиппова. Его засыпало землей. Но не поздоровилось и фашистам. Вокруг окопа лежали десятки вражеских трупов. Наконец огонь прекратился. И. И. Филиппов выбрался из укрытия и вновь повел подразделения в атаку.

За день обе роты под командованием И. И. Филиппова уничтожили до 300 гитлеровцев, подбили 4 противотанковых орудия, 8 пулеметов и 15 автомашин.

Командиру взвода артдивизиона бригады младшему лейтенанту И. П. Горелову с двумя пушками, которыми командовали сержанты А. Р. Обуховский и В. П. Мочалов, было

приказано занять позиции у дороги, ведущей из Жулян на Киев, и не допустить подхода противника из Киева к Жулянам.

Позиция была выбрана так, что фашисты могли увидеть орудия Горелова только метров с четырехсот. Дальше дорога на Киев скрывалась за бугром. Объехать его было нельзя из-за канав и рытвин.

Как только батарейцы заняли позиции, из-за бугра на дороге показалась колонна немецких машин. Огонь орудия открыли метров с трехсот. Головные машины запылали, но к ним подходили новые. Орудия грохотали, на дороге паника, фашисты разбегались по сторонам. Некоторые грузовики свернули на бездорожье, но забуксовали. Снаряды гореловских пушек ложились точно. В небо летели щепки, колеса, клубами поднимался черный дым.

Гитлеровцы тоже открыли огонь, а через некоторое время попытались выкатить на бугор пушку. Горелов заметил ее, и первый же наш снаряд разметал расчет, перевернул орудие.

Но вот на два орудия Горелова двинулись три танка, за которыми шла рота пехоты. Танки были расстреляны в упор, а пехота откатилась.

К вечеру к артиллеристам пришла помощь—части 167-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Мельникова. Они и довершили начатое взводом дело. Артиллеристам дали тягачи, они прицепили к ним пушки и направились в Жуляны, где бригада готовилась атаковать Хотив.

Танкисты коммуниста старшего лейтенанта И. М. Матвейцева первыми ворвались в Жуляны, завязали бой. Немцы бросили в контратаку 10 танков. Два из них подбил экипаж командира, шесть — остальные экипажи. Две уцелевшие вражеские машины на большой скорости устремились к Хотиву. Иван Михайлович начал их преследовать вдоль улицы. Вдруг механик-водитель комсомолец старший сержант Н. Г. Князькин увидел, как гитлеровцы выкатывают из-за угла противотанковую пушку. Он круто развернул танк — и вражеское орудие, не успев сделать ни единого выстрела, превратилось в груду металлолома. Расчет был уничтожен огнем из пулемета.

Танк пошел дальше, врезался в обоз из 30 повозок с грузом. Лошади, обезумев, понесли. Боевая машина вышла за околицу села и там попала под огонь немецкой батареи, которая располагалась неподалеку. Маневрируя, старший сержант Князькин направил танк к батарее. Вот уже она рядом, огонь пулемета и танковой пушки точен. Фашисты

бегут, падают убитыми и ранеными, вот под гусеницами скрежещет металл. Раздавлена одна, другая пушка — и вдруг мощный удар. Перебита гусеница. Но танк живет, экипаж ведет огонь. Матвейцев вызвал к себе остальные танки роты.

Старший сержант Н. Г. Князькин решил сделать вылазку, узнать, насколько серьезно повреждение, открыл люк и, сраженный осколком, повис на броне.

Подходили танки и мотопехота. Вскоре Жуляны были в наших руках.

Командир танкового взвода комсомолец лейтенант В. Д. Паширов при атаке на Хотив обошел этот оборонительный узел с фланга и ударил по гитлеровцам с тыла. За короткое время взвод Валентина Дмитриевича огнем и гусеницами уничтожил 10 огневых точек, 50 подвод и 10 грузовиков с поклажей. Две машины из взвода Паширова были подбиты, но продолжали с места вести огонь из пушек и пулеметов. Подвижным был только танк командира. На него двинулись два немецких танка. Лейтенант приказал остановиться. Т-34 замер. Тщательно прицелившись, командир взвода поджег один танк, а следующими выстрелами вывел из строя и второй. Но в его машину попал вражеский снаряд, а сам Валентин Дмитриевич был смертельно ранен. Экипаж еще долго отбивался огнем с места. Его дерзкие действия позволили остальным силам бригады без потерь ворваться в Хотив.

Отличились и разведчики. Много находчивости и смекалки проявил старшина Г. А. Севрюгин. С группой воинов он уничтожил охрану возле радиостанции и штабной автомашины, забрал важные документы, а машины взорвал гранатами. Григорий Александрович много раз бывал в горячих переплетах, но никогда не терял присутствия духа, всегда доставлял ценные сведения о противнике.

Таких примеров можно привести очень много.

Я хочу еще сказать о другом. Красная Армия нанесла гитлеровским войскам в течение летней кампании 1943 года не один могучий и сокрушительный удар. Каждый советский боец был занят одной мыслью, одним стремлением — приложить все свои усилия для полного разгрома гитлеровской армии, для скорейшего освобождения советской земли от врага, для ускорения нашей победы над ним. Свой скромный вклад в освобождение Киева внесли танкисты, артиллеристы, мотопехотинцы, бронебойщики, минометчики нашего 9-го механизированного корпуса.

...По радио передали приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении почетного наименования Киевских соединениям и частям, принимавшим участие в освобождении столицы Украины. 9-й механизированный корпус получил наименование «Киевский».

Родина высоко оценила подвиги рядовых, сержантов и офицеров при освобождении Киева. Звания Героя Советского Союза были удостоены И. И. Филиппов, И. М. Матвейцев, В. Д. Паширов, И. П. Горелов, Н. Г. Князькин, А. Р. Обуховский. Многие бойцы и командиры награждены.

Штаб корпуса проходил через Белгородку. Повсюду — разбитые пушки, автомашины, танки, трупы немецких солдат. Встречалась и наша техника. Я спросил у своего заместителя по техчасти инженер-полковника Александра Ивановича Бабанова:

— Много ли подбито наших танков?

— У Дарбиняна восемь машин, но почти все можно отремонтировать. Как в других бригадах, пока не знаю.

— Сколько сможете отремонтировать сегодня?

— Штук пять, не больше. Надо заменять моторы, а их нет. Собираем из чего можно.

— Танки в строю нужны позарез. С ремонтом не затягивайте, сразу же направляйте их в Плесецкое.

В Плесецком собрались все бригады корпуса, туда же прибыл и генерал П. С. Рыбалко. Я пришел к нему, когда он брился.

— А, Малыгин, — увидев меня, весело сказал он. — Как дела?

— Корпус выполнил поставленную задачу.

— А знаете, что Якубовский ночевал в Фастове? — И, обращаясь к парикмахеру, сказал: — Одеколончиком, пожалуйста, не забудь.

Парикмахер снял полотенце, висевшее у Рыбалко на шее, взял флакон. Комната наполнилась ароматом цветов.

— Вот какое дело, Константин Алексеевич,—сказал командующий, — нужно спешить в Фастов. Якубовский там один, а гитлеровцы готовятся вернуть этот железнодорожный узел, подтягивают свежие силы из района Букрина. Танков у вас много?

— Мой резерв — 47-й гвардейский танковый полк. Это семнадцать танков Т-34. В остальных полках по восемь — десять, преимущественно легких. В самоходно-артиллерийских полках восемь САУ-85 и двенадцать САУ-76.

— Высылайте сейчас же свой резерв в Фастов, — распорядился Рыбалко. — Следом ведите остальные части. В Фастове одной бригадой смените Якубовского, а остальными силами идите на Попельню. Ее надо взять 7 ноября. Если мало горючего, дозаправитесь в Фастове трофейным. Кого думаете оставить для обороны города?

— Сиянина.

— Добро. Помню его по Букрину и Святошино. Действуйте!

Штаб корпуса прибыл в Фастов ночью. Я распорядился, чтобы машины были дозаправлены, а М. Д. Сиянин приступил к смене бригады И. И. Якубовского. В. В. Луппов с приданным танковым полком выступил через Войницу на Попельню, Л. Х. Дарбинян — через Трилесы на Кожанку.

Мне доложили, что у склада трофейного горючего стоят часовые и без разрешения полковника Якубовского никому не дают заправляться. Хозяйская хватка командира 91-й отдельной танковой бригады мне понравилась, и, чтобы быстрее решить вопрос с бензином, я пошел к Ивану Игнатьевичу.

В танкистском шлеме, в синем комбинезоне Якубовский с кем-то круто говорил по телефону. В комнате вдоль стен стояли ящики, на них — котелки, автоматы, одежда. На столе — светильник из снарядной гильзы. Он чадил и отбрасывал неровные угловатые тени.

Мы поздоровались, поздравили друг друга с победой и праздником Октября.

— Как насчет трофейного горючего? — перешел я к делу. — Мне генерал Рыбалко приказал сменить вашу бригаду, дозаправиться у вас. Но часовые...

— Часовых я поставил, — ответил Иван Игнатьевич, — чтобы не разбазаривали горючее. Знаете, сколько охотников! И откуда только берутся? И всем срочно! А вам много?

— Тонн десять — пятнадцать.

— Да там столько и нет! Тонн пять, пожалуй, дам.

— Пишите записку. Потребуется больше, надеюсь, договоримся.

И. И. Якубовский записку написал.

Думается, уместно сказать, что 91-я отдельная танковая бригада полковника И. И. Якубовского (впоследствии Маршала Советского Союза) первой с боями ворвалась в город Фастов, за что она удостоена почетного наименования «Фастовская». Десять ее питомцев, в том числе и сам Иван Игнатьевич, стали Героями Советского Союза.

Поручив П. В. Кульвинскому проверить организацию обороны Фастова бригадой полковника М. Д. Сиянина и 59-м гвардейским танковым полком, я выехал к развилке дорог, где строились колонны. Нам надо было проскочить в тыл противника, чтобы утром поставить его перед фактом занятия Попельни и Кожанки. Было два часа ночи.

Полковник В. В. Луппов еле держался на ногах от усталости. Солдаты и офицеры, измотанные боями, маршем, двумя бессонными ночами, буквально спали на ходу. Колонна вышла из Фастова. С передовым отрядом уехал полковник Л. Х. Дарбинян. Приближался рассвет. Я стоял у обочины дороги, смотрел, как движется колонна, и подумал, что хоть и вид у нас не парадный, хоть и валятся люди от усталости, а на сердце все же радостно — это не сорок первый год и мы идем не на восток, а на запад.

Нелегко далась нам эта победа.

В грандиозной по размаху битве за Днепр, за Восточный вал, за Киев во всю силу проявился высокий моральный дух советских воинов, их неиссякаемый наступательный порыв, ненависть к врагу. Люди забывали и усталость от напряженных боев, и тяжесть длительных переходов, чтобы продолжать громить врага на Правобережной Украине, гнать его дальше на запад.

Мы прошли через всю Левобережную Украину, видели зверства гитлеровских захватчиков, их последствия. Разрушенные и сожженные города и села, измученные, скорбные лица стариков, женщин, детей... Не было слышно красивых украинских песен. Составы за составами уходили в Германию. Мы читали письма, присланные из Неметчины — это стон, крик души измученных людей.

Вот что рассказывал комиссар партизанского отряда Николай Наумович Панасик:

— Меня вызвал к себе немец — шеф боровского лесозавода, где я работал грузчиком, и с иезуитской любезностью предложил установить у него на квартире радиоприемник... «Вы, я слышал, хороший радист, — сказал он. — Ведь при большевиках вы были радистом?» «Да, я по специальности радиотехник». — «Вот и прекрасно! Установите радиоприемник, получите хорошую плату».

В то время, когда я устанавливал приемник, в комнату вошел гестаповец, и я понял, что попал в западню.

Меня увезли в Киев. После непродолжительной, но весьма унизительной так называемой судебной процедуры я очутился в Сырецких концлагерях.

Трудно описать, что представляет из себя это ужасное

место, где ежедневно умирали от голода и пыток сотни людей.

Тех, кто попал в Сырецкие лагеря, заранее считали мертвецами. Убежать оттуда было практически невозможно.

Однажды большую группу заключенных, в том числе и меня, заковали в кандалы и отправили в закрытых автомашинах в неизвестном направлении. Ночью нас привезли в огромный барак, окруженный в четыре ряда колючей проволокой. На вышках — пулеметы.

После проверки нас погнали, как было сказано, на какие-то специальные работы. Киевляне, бывшие среди нас, узнали место, куда мы прибыли, — Бабий Яр — могила более ста тысяч жителей Киева, расстрелянных гитлеровцами в дни их хозяйничанья в городе.

Нам было приказано снять тонкий слой земли, прикрывавший трупы. Удушающий запах вызывал рвоту и головокружение. Гестаповцы стояли поодаль, курили и пили коньяк.

Мы крюками вытаскивали трупы и укладывали их на площадку, устланную дровами, облитыми нефтью. Когда эта гора тел и дров достигла высоты двухэтажного дома, ее подожгли.

Мы все понимали, что, как только закончим работу, нас ждет то же — расстрел и костер. И мы задумали побег. Ночью, напав на охрану, группа узников вырвалась на волю. Стрельба, прожекторы, крики, погоня — все осталось в памяти как кошмар. Уцелело человек шесть или семь, не больше.

Я никогда не забуду этого! Фашистам не уйти от справедливого возмездия!

...Я стоял на обочине дороги и смотрел, как движется колонна. Не парадная, не праздничная, но грозная, боевая, сокрушающая...

Кожанка — село с одной улицей, растянувшееся на несколько километров. Ко мне подошел невысокого роста мужчина с бородкой.

— С праздником, товарищ генерал! Наконец-то дождались вас! Здравствуйте! Я — командир партизанского отряда Шамиль Мугаков.

Мы обменялись рукопожатием.

О нем я был наслышан. За голову Шамиля, сына Советской Осетии, боровшегося с фашистами на Украине, фашисты назначили большую сумму. Немцы и их приспешники

очень боялись партизан. Полицаи и старосты днем зверствовали, выслеживали, предавали патриотов, а на ночь прятались, уходили из своих домов.

Поговорив с отважным партизаном, я спросил:

— У вас много людей?

— Здесь человек сто.

— Тогда вот вам задача. — Шамиль при этих словах подтянулся, его черные глаза смотрели на меня с напряженным вниманием. — Займите оборону в Трилесах, организуйте наблюдение. Доносить обо всем каждые два часа мне в дом лесника.

— Знаю. Будет исполнено!

Я осмотрелся. На западной окраине села какой-то заводик, обнесенный высокой кирпичной стеной. Дорога на Попельню проходила через его территорию. С запада и юга заводик огибает ручей, на севере — роща.

Разведка донесла, что по западному берегу ручья окапывается немецкая пехота, а в роще стоит «тигр».

Я приказал Дарбиняну занять оборону, покуда подойдут главные силы. Против «тигра» командир бригады поставил Т-70 с 45-миллиметровой пушкой, хотя и понимал, что, если вражеский танк выйдет из рощи, Т-70 для него не будет помехой.

Свой командный пункт полковник Л. Х. Дарбинян развернул у стены завода. По радио я связался с П. В. Кульвинским и спросил, где остальные силы 69-й бригады. Начальник штаба доложил, что два ее батальона окружили колонну гитлеровцев — полк 25-й мотодивизии. Противник сопротивляется. Батальоны ведут бой западнее села Трилесы. Сиянин успешно отражает атаки подразделений 7-й танковой, 88-й пехотной и 213-й охранной немецких дивизий, рвущихся на Фастов.

— Еду в штаб корпуса, — сказал я Дарбиняну. — Установите взаимодействие с Лупповым. Главное внимание — на юг. В Трилесах только группа партизан, а до них ваш фланг открыт.

В пути около Трилес мы услышали пушечную и пулеметную стрельбу. Остановил машину, вышел. Наблюдаю. Бой идет в направлении на Волицу. Ни одной машины из колонны главных сил, которую обогнал утром, здесь нет. Значит, мы отрезаны от штаба. Главные силы 69-й мехбригады ведут бой, но, где их расположение и где противник, установить трудно. Вернулся снова в Кожанку. Наступила ночь.

— Охранение на ночь организовали? — спросил Дарбиняна.

— Все в порядке. Полевые караулы выставлены, а направление с тыла охраняет легкий танк.

Засыпая, я слышал лязг гусениц под окнами и подумал, что подошли танки полковника Д. Г. Суховарова. И вдруг— стрельба!

— Немцы в деревне, товарищ генерал! — крикнул, вбежав в комнату, адъютант.

Я быстро оделся, схватив маузер, выскочил из хаты. За стеной завода что-то горело. Пламя ярко освещало территорию. Дарбинян стоял на кирпичной стене и подавал какие-то команды офицерам, стоявшим тут же. Трещали пулеметы, ахали противотанковые ружья. Я с помощью адъютанта тоже взобрался на стену. Вскоре стрельба прекратилась.

— Что случилось? — спрашиваю Дарбиняна.

Выяснилось, что 12 вражеских бронетранспортеров с пехотой вечером вырвались из окружения. Под покровом темноты они построились в колонну и по следам наших машин пошли через Кожанку на Попельню. Часовой, стоявший у танка, принял эту колонну с зажженными фарами за подходящие машины бригады и не стал будить экипаж. Когда головной бронетранспортер был совсем рядом, один немецкий солдат, увидев часового, спросил его о чем-то по-немецки, видимо о дороге на Попельню.

Часовой понял свой промах, хотел дать очередь из автомата, чтобы поднять тревогу, но от волнения не перевел предохранитель. Жмет на спусковой крючок, а автомат не стреляет. Тогда он бросился за танк, догадался, в чем дело, и дал очередь. Она-то и стала причиной тревоги.

В это же время наш шофер на автоцистерне, заправившись горючим на заводе и отъехав метров двадцать от склада, увидел, что идет колонна с включенными фарами. Свет ослепил его, он остановился и, подумав, что это идут наши машины на заправку, нарушая светомаскировку, высунулся из кабины и начал кричать, чтобы потушили фары. Пулеметчик первого немецкого бронетранспортера, услышав русскую речь, дал по цистерне очередь из крупнокалиберного пулемета. Цистерна вспыхнула, шофер упал в канаву.

Обороняющиеся за стеной поняли, что с тыла идут гитлеровцы, и открыли по ним огонь. Три бронетранспортера, проскочив ворота заводика, ушли к своим, а четвертый был подбит в воротах и загородил путь остальным. Вражеская пехота повыскакивала из транспортеров и, бросив их, разбежалась.

Утром полковник В. В. Луппов донес, что овладел Попельней и перешел к обороне. Трофеи: 30 тракторов, 8 автомашин, склады с горючим, боеприпасами и продовольствием.

Город Фастов обороняли 70-я мехбригада с 59-м гвардейским танковым полком нашего корпуса, взятые в резерв командующего армией, 91-я отдельная танковая бригада полковника И. И. Якубовского, 53-я гвардейская танковая бригада 6-го гвардейского танкового корпуса и 50-й армейский мотоциклетный полк. Обороной руководил генерал П. С. Рыбалко.

Бои носили ожесточенный характер. Противник превосходил нас в силах в три-четыре раза. Только благодаря мужеству и отваге бойцов и командиров Фастов был удержан.

При этом особенно стойко сражались бойцы батареи 57-миллиметровых противотанковых пушек лейтенанта И. С. Пухова, которая занимала огневые позиции на юго-западной окраине города.

Из района букринского плацдарма немцы подводили 7-ю танковую, 88-ю пехотную и 213-ю охранную дивизии. К нашей обороне 8 ноября подошли разведывательные подразделения противника, а 9 ноября — и его передовые части. Они пытались с ходу овладеть Фастовом.

На батарейцев шло 7 танков. Первыми же выстрелами два из них были подбиты. Остальные отошли. К вечеру подтянулись главные силы врага и утром 10 ноября после 15-минутного огневого налета артиллерии и удара авиации по обороне и станции Фастов двинулись в атаку.

Теперь на батарею лейтенанта Пухова шло уже около 20 танков, за которыми укрывались цепи пехоты. Бой был горячим. Артиллеристы подожгли 8 и подбили 2 фашистских танка. Но и среди них были потери. Был убит наводчик Александр Махмудов. Вместо него к панораме встал командир орудия сержант В. И. Киреев. Но и он вскоре был ранен, однако не покинул поле боя, продолжал отражать натиск врага.

Во второй половине дня гитлеровцы начали новую атаку. Обессиленного комсомольца Киреева у прицела заменил командир взвода лейтенант А. Д. Мальков.

Немецкий снаряд разорвался возле орудия сержанта Н. Н. Шерстова. Выбыли из строя три бойца, в том числе и наводчик. Шерстов встал на его место, а командир батареи лейтенант И. С. Пухов — на место замкового. В этой схватке они подбили еще 8 немецких танков, из них два «тигра» и одну «пантеру».

Воины 47-го гвардейского танкового полка подполковника А. И. Лаптева вели бой с батальоном немецкой пехоты, который поддерживали пять «тигров», несколько штурмовых орудий «фердинанд» и 75-миллиметровые пушки.

Первой приняла на себя удар группа воинов во главе с гвардии лейтенантом П. С. Корчагиным — парторгом роты, уничтожившая дозор немецкой пехоты в составе около 40 человек.

Гвардии сержант П. А. Пайдюк увидел, что один «тигр» застрял и к нему направляется «фердинанд», чтобы взять на буксир. С гранатами и пистолетом Пайдюк пополз к вражеской машине. Экипаж выбрался из нее. Гвардеец открыл огонь, захватил «тигр» и стал корректировать огонь наших танков. В результате были уничтожены и «фердинанд», и, кроме того, шесть транспортеров, два орудия и четырнадцать автомашин.

Орудийный расчет бывшего шахтера старшего сержанта И. А. Семирникова всегда славился своим мужеством, точностью ведения огня. И на этот раз артиллеристы показали себя отлично. На их орудие двигалось пять танков. Сержант понимал, что от сноровки товарищей по оружию, от их умелых действий зависит жизнь всего расчета. В эту исключительно ответственную минуту люди были предельно собранны.

— Ребята! — крикнул Семирников. — Не ударим лицом в грязь!

Наводчик сержант М. Г. Крюков тщательно устанавливал прицел, рядовой Т. К. Кориев бережно подносил снаряды.

— Огонь!

Вражеские танки тоже били по орудию И. А. Семирникова. Зажав в руке панораму, словно не желая с ней расставаться, поник сраженный Крюков, упал на землю Кориев.

Танки подошли метров на 200. Вот уже совсем рядом — каких-то метров пятьдесят — сорок. Семирников сам наводит орудие. Выстрел! Один танк остановлен, но выбыл из строя рядовой Киломбетов. Еще выстрел! Оставшиеся танки совсем близко! Один из них круто свернул влево, заходя батарейцам с фланга. В его борт врезался снаряд. Еще одна машина шла прямо на орудие. Но не дрогнули советские воины. Когда танк приблизился к орудию метров на десять, последний раз щелкнул замок и прогремел выстрел. Подмяв орудие, танк сделал еще несколько рывков и остановился.

Бледный и окровавленный Семирников, единственный

оставшийся в живых из расчета, выбрался из-под обломков орудия.

...В это время с запада к Попельне подошла танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», имеющая около 300 танков.

Утром 11 ноября гитлеровцы атаковали Попельню с запада и Кожанку с юга. Завязались горячие бои. Враг превосходил нас в силах на том участке в пять — шесть раз. П. С. Рыбалко приказал нам отойти к Фастову и занять оборону на рубеже лес восточнее Волицы, Бертники, Червона, Фастов. Отход бригады Л. Х. Дарбиняна прикрывал 1923-й полк 85-миллиметровых самоходных орудий в составе 7 установок. Самоходчики подбили из засад более десяти вражеских танков, потеряв три установки. В боях погиб командир этого полка, мой сослуживец по 28-й танковой бригаде капитан Виктор Андреевич Аникеев.

В ночь на 14 ноября мы сдали боевые участки подошедшему 50-му стрелковому корпусу, а 18 ноября заняли оборону: 70-я мехбригада — в городе Брусилов, 69-я — в Хомутце, 47-й гвардейский танковый полк — в Вильшке, 71-я мехбригада была во втором эшелоне на рубеже Дубровка, Ястребня, Ястребенка. Штаб корпуса разместился в селе Марьяновка. Правее нас оборонялся 6-й, левее — 7-й гвардейские танковые корпуса.

К правому соседу я направил своего нового заместителя, еще в гражданскую войну бывшего комбригом, полковника Павла Николаевича Александрова, а сам поехал к генералу Кириллу Филипповичу Сулейкову в село Юровку. Нужно было договориться с ним о взаимодействии на случай атаки гитлеровцев.

Сулейкова я нашел в небольшом, тепло натопленном домике. Обычно подвижный и жизнерадостный, Кирилл Филиппович был теперь мрачен. Увидев меня, он попытался улыбнуться, но это у него не получилось, на лице появилась лишь горькая гримаса.

— Здравствуй, соседушка! — хотел я ободрить генерала. — Ходят слухи, что ты немцев прогнал и находишься где-то под Берлином!

— А я — в Юровке, — не принял шутки Сулейков. — И дела мои дрянь! Фашисты собирают крупную группировку южнее Брусилова, со дня на день ждем их наступления, а в бригадах по пять — семь танков. Фронт обороны около двадцати километров... В полосе корпуса занимает оборону 71-я стрелковая дивизия. Но она мне не подчинена. Начнется бой — путаницы не оберешься... Настроение препаршивое.

— У меня положение не лучше. В полосе моего корпуса заняли оборону части 241-й и 68-й стрелковых дивизий. «Прелесть» такого наслоения я испытал еще на букринском плацдарме. Давай-ка лучше обсудим, как нам легче решить задачу в тех условиях, в которых находимся. Перед Юровкой у тебя 55-я гвардейская танковая бригада. А в Вильшке, на стыке наших корпусов, ты будешь иметь что-нибудь?

— Нет. Не могу дать ни одного человека.

— Ясно. У меня там 47-й гвардейский танковый полк — одиннадцать машин. Мало, конечно...

— Да уж...

— Если немцы двинут, скажем, сотню танков, а местность для их применения здесь удобная, то, чего доброго, могут оказаться на шоссе Киев — Житомир, выйдут в тыл двух корпусов армии и... Может, наскребешь что-нибудь? — повторил я просьбу.

— Знаю, что Вильшка в моей полосе, но, поверь, нету ничего. Фашисты могут ударить через Юровку на Бышев. Что я им противопоставлю, кроме 55-й? А у нее всего десять танков!

— Ты прав. Этот вариант тоже возможен. Давай договоримся так: если немцы ударят на Вильшку и Ястребенку, ты поможешь мне артогнем и контратакой; если пойдут на Юровку и Бышев — я помогу из Ястребенки тем же.

Так и договорились. Сулейков пригласил к столу. Мы напились крепкого душистого чая. Когда прощались, генерал был уже не так мрачен.

В боях под Фастовом гитлеровцы потеряли не менее 150 танков, около 2500 солдат и офицеров, оставили важнейший железнодорожный узел и приступили к перегруппировке своих сил.

Советское правительство высоко оценило героизм воинов корпуса, и в особенности артиллеристов батареи И. С. Пухова. Лейтенантам Ивану Сергеевичу Пухову и Алексею Дмитриевичу Малькову, сержантам Виктору Ивановичу Кирееву и Николаю Николаевичу Шерстову было присвоено звание Героя Советского Союза. Остальные батарейцы были награждены орденами и медалями.

...Советское информбюро 23 ноября сообщало, что в районах Черняков и Брусилов наши войска отбивали атаки крупных сил пехоты и танков противника и нанесли ему большие потери в живой силе и технике и что под давлени-

ем противника наши войска оставили несколько населенных пунктов.

Вот как это было.

Утром 23 ноября после получасового огневого удара по нашей обороне фашисты атаковали силами 7-й танковой и 20-й моторизованной дивизий с запада, из района Кочерово, нас и наших правых соседей — 147-ю и 211-ю стрелковые дивизии, оборонявшиеся северо-западнее Брусилова на рубеже Осовцы, Озеряны.

Под натиском превосходящих сил противника стрелковые соединения отходили на восток. Создавалась угроза с тыла для 70-й мехбригады полковника М. Д. Сиянина, оборонявшей Брусилов фронтом на юг.

Силы 19-й и 25-й танковых дивизий врага атаковали с юга, на Хомутец, 69-ю мехбригаду полковника Л. Х. Дарбиняна, а 20 «тигров» и батальон пехоты — 47-й гвардейский танковый полк подполковника А. И. Лаптева — на Вильшку.

Бои начались жесточайшие.

Немцы не считались с потерями. Командир взвода младший лейтенант В. А. Миронов подбил два «фердинанда» и захватил исправный «тигр». Развернув башню немецкого танка, он открыл огонь по противнику. Орудийный расчет сержанта И. И. Иванова подбил восемь танков. Командиры самоходных орудий сержанты Е. В. Ковшов, В. В. Чистяков, С. У. Минаев уничтожили четыре самоходки противника, сожгли три танка. Высокое воинское умение проявил гвардии старший сержант Николай Нестеров. Его взвод вывел из строя несколько немецких танков и более роты пехоты. Нестеров лично уничтожил четыре боевые машины противника. Николаю Нестерову была вручена Почетная грамота ЦК ВЛКСМ.

Два орудия батареи лейтенанта И. Т. Цикарева были выведены из строя прямым попаданием. Третий расчет — сержант Ф. Г. Созонтов, младший сержант А. Т. Бобрышев, рядовые И. Г. Фомин и С. С. Кобляков — дрался до последней возможности. Вражеская пехота обошла его справа и стала из пулеметов обстреливать четверку смельчаков.

— Бей фашистов! — бросил клич Созонтов.

Вражеские пулеметчики были уничтожены. Два танка врага вспыхнули от огня артиллерии, а сами они держались, пока не получили приказ отходить.

Взвод артиллеристов лейтенанта С. И. Дворина тоже встал на пути вражеских танков. В короткой, но жаркой схватке враг потерял 5 боевых машин. В подразделении

осталось только четыре человека, но гитлеровцы были остановлены батарейцами на несколько часов.

У бронебойщика комсомольца сержанта Н. Н. Госбенко осталось только три патрона после отражения вражеской атаки. Уже был получен приказ отходить, когда он увидел три средних немецких танка, вынырнувших из-за укрытия. Сержант принял бой и тремя выстрелами из противотанкового ружья остановил боевые машины врага.

Танкисты полковника Д. Г. Суховарова заняли круговую оборону. Гитлеровцы все ближе и ближе подходили к ним. Нашей пехоты поблизости не оказалось. Пока танкисты вели огонь из пулеметов по наседавшим гитлеровцам, начальник штаба полка майор А. Г. Степихов собрал саперов, поваров, штабных работников и бросился с ними на выручку танкистов. С криком «Ура!» они контратаковали противника. Шофер рядовой Ф. Я. Сарапкин в упор застрелил трех и взял в плен двух вражеских солдат. Старшина З. Ф. Фесенко уничтожил трех фашистов. Старший сержант И. Т. Зуратяк и майор А. Г. Степихов взяли пять пленных... На поле боя немцы оставили 70 трупов, 15 гитлеровцев были взяты в плен.

Однако враг не оставил своих намерений и решил все-таки расправиться с настойчивыми танкистами. На них с правого фланга двинулись более пятидесяти солдат и офицеров. Подпустив их метров на 150, экипажи открыли огонь. Немцы побежали, но путь им перерезал плотным огнем взвод саперов лейтенанта В. А. Кочнева. Оставшиеся в живых гитлеровцы, среди которых было два офицера, сдались в плен.

Бригада полковника Л. Х. Дарбиняна отражала атаку танков и пехоты. Позже он рассказывал:

— Танки появились неожиданно, пытаясь нанести удар по нашему флангу. Их было около сорока, среди них много «тигров». Они быстро двигались по шоссе. Следом шли до семидесяти бронетранспортеров. Было около четырнадцати часов, когда наши артиллеристы открыли по фашистам сильный огонь. После первых же выстрелов запылали головные машины, и начатая врагом атака захлебнулась. Однако часть танков, обойдя наш фланг, неожиданно появилась на улице деревни. Мы встретили их огнем. За углом домика искусно замаскировался и выжидал удобного для стрельбы момента бронебойщик рядовой Казбенко. Как только первая машина подошла совсем близко, он ударил по ней. Танк, охваченный пламенем, свернул в сторону. Экипажи других танков предпочли отойти. А тем временем

танкисты и артиллеристы расправлялись с «тиграми». Один подбил старший сержант Кузнецов, два других были на счету артиллеристов старшего лейтенанта Рожнова. Словом, гитлеровцы потеряли 19 танков, 20 бронетранспортеров и до батальона пехоты...

Храбро сражались, имея всего 11 танков, воины танкового полка подполковника А. И. Лаптева. Экипажи, занимавшие позиции у домов на южной окраине деревни, подбили 5 танков, но немецкие солдаты приблизились к ним по овражкам и начали метать противотанковые гранаты.

Полк вынужден был начать отход через большое поле на Ястребню. Вражеская артиллерия сосредоточила огонь по Ястребенке. Там стойко оборонялся один батальон 71-й мехбригады. Но вражеская пехота все же смогла овладеть деревней, хотя и не продвинулась дальше ни на шаг.

Я дал указание полковнику М. Д. Сиянину выставить боевые заслоны по восточному берегу реки Здвиж в Брусилове и северо-восточнее, до Лазоревки, а полковнику Л. Х. Дарбиняну — во что бы то ни стало удерживать Дубровку.

Доложив по телефону обстановку генералу П. С. Рыбалко, я попросил у него разрешения отвести корпус на восток от Брусилова. Командарм, ни в чем меня не упрекая, сказал коротко, чеканя каждую фразу:

— Отведите корпус на рубеж Старицкая, Бандуровка, Ястребня. Вам поможет Панфилов контратакой в районе Костовцы.

— Вас понял.

По радио тут же были переданы распоряжения: Сиянину — отходить на Дубровку, Старицкую и занять рубеж обороны Старицкая, Бандуровка; Луппову — обороняться на рубеже Бандуровка, Ястребня.

Больше всего я беспокоился за бригаду полковника Л. Х. Дарбиняна, прикрывавшую отход. Вся надежда была на находчивость, боевой опыт командира бригады, его славных воинов. Чтобы узнать, как идут дела в этом соединении, мы послали в район Дубровки самолет У-2. Собственно, этим занимался начальник штаба полковник П. В. Кульвинский. Я же повел разведывательный батальон, два танка, пять бронеавтомобилей и около 50 автоматчиков на рубеж, который должны занять и оборонять отходящие бригады.

Поставив задачу командиру батальона занять оборону и держаться до подхода бригад, я направился на наблюдательный пункт.

Когда бригада М. Д. Сиянина прошла через Дубровку,

немцы атаковали подразделения Л. Х. Дарбиняна. Из Ястребенки шли 10 танков и пехота, из Лазоревки — 12 танков и батальон пехоты. Начался бой.

Наши 7 танков контратаковали противника, наступавшего со стороны Лазоревки. Танкисты старшего лейтенанта И. Н. Карасева подбили три вражеские машины, потеряв две свои, но фашистов остановили.

Атаку другой группы, 10 танков, встретили артиллеристы и бронебойщики. С исключительным мастерством дрались артиллеристы капитана Якутина. Командиры орудий Мироненко, Короленко и Аветисян преградили путь танкам. Но под шквальным огнем врага стали отходить мотопехотинцы. Дарбинян решил остановить их и поступил почти так же, как сделал это я в начале войны, — сел на пенек и стал спокойно переобуваться. Я тогда, в сорок первом, правда, начал закуривать. Выдержка командира бригады подействовала на воинов. Они залегли, быстро закрепились и остановили гитлеровцев.

Л. Х. Дарбинян с остатками бригады (еще до боя в ней было менее тысячи человек из 3500 по штату и 7 танков из положенных 38) направился в Старицкую. Сейчас у него было около 500 мотострелков и ни одного танка. Подбитый немцами У-2 буксировала автомашина, пилот был ранен.

Никогда я не видел Дарбиняна таким удрученным. Шикарные усы его обвисли, весь он как-то сгорбился, глаза тусклые, лицо подергивается, губы дрожат.

Солдаты тоже выглядели не лучше — молчаливые, изнуренные, в мокрых, грязных шинелях.

— Вот и все, — глухо сказал Дарбинян, — нет бригады.

— Я не узнаю тебя, Левон, — как можно мягче сказал я. — Что значит, нет бригады? Ты этого не говорил, я — не слышал. Она есть, пока есть Знамя, пока есть в строю хоть один человек!.. Тебе ли, прошедшему многие версты войны, бывавшему и не в таких переплетах, комбриг, говорить об этом! Веди свою 69-ю в Марьяновку, во второй эшелон корпуса.

Дарбинян вяло щелкнул каблуками грязных сапог. Глаза его немного потеплели.

— Есть, выполнять задачу! — кинул руку к головному убору.

— Вот теперь узнаю Левона Дарбиняна!

Какими бы тяжелыми ни были бои, партийно-политическая работа среди личного состава корпуса не прекращалась

ни на минуту. Словом и делом политработники, коммунисты, комсомольские активисты звали бойцов вперед, на врага.

Члены партии были истинной опорой командиров, подлинными вожаками воинов. За период боев партийная организация значительно выросла в своем составе. В ряды ВКП(б) пришли лучшие, отличившиеся в боях люди.

В подразделении, которым командовал капитан Якутин, например, образцы мужества и отваги в боях показывали коммунисты Тузиков, Хорошунов, Майкин, Масляков, Мироненко, Прохоров, Гавриленко, Флейшман, Радионов. Многие воины были удостоены высоких государственных наград.

Доблесть и геройство проявили минометчики взвода лейтенанта П. В. Фролова. В один из перерывов между боями были вручены партийные билеты капитану В. И. Касьяну и младшему лейтенанту М. М. Зайнулину. Их приняли в ряды партии за преданность Родине, умелое руководство боевыми действиями. Будучи в разведке, Зайнулин точно выявил огневые средства и живую силу противника, а Касьян, руководя батареей, сумел отрезать вражескую пехоту от танков и уничтожить ее.

Получая партийные документы, оба офицера заверили, что и впредь будут беспощадно уничтожать гитлеровцев, с честью оправдают высокое звание коммуниста.

Другие бойцы и командиры, вступившие в члены и кандидаты ВКП(б), также имели отличные боевые характеристики. Младший лейтенант Савицкий проявил себя как отважный разведчик. Старшина Куприянов пользовался высоким авторитетом среди воинов. Умелым и отважным командиром проявил себя лейтенант Шлионский. В одном из последних боев взвод, которым он командовал, уничтожил до роты вражеской пехоты, разбил пушку и отбил контратаку противника. Таким же мастером точного огня показал себя и рядовой Шишов. Получая партийный билет, он сказал:

— Буду еще лучше овладевать своим оружием, изучать его и другим показывать, как действовать в бою, чтобы уничтожить как можно больше фашистов.

На батарею, где парторгом был Василий Коренков, шли немецкие танки. Еще перед боем он собрал коммунистов и напомнил им слова Верховного Главнокомандующего о том, что теперь враг с особым остервенением будет драться за каждый клочок захваченной им территории, ибо каждый шаг нашей армии вперед приближает час расплаты с фашистами за их злодеяния.

— Значит, — говорил Коренков, — необходимы новые усилия, новые подвиги, чтобы не дать врагу осуществить коварные замыслы. Будем же достойны богатырей днепровских битв, обрушим всю мощь своего огня на головы убийц. Пусть они захлебнутся в собственной крови.

В расчетах коммунисты довели поставленную задачу — стоять насмерть — до каждого бойца.

С неподдельным интересом, стараясь вникнуть в каждую мысль, запомнить все, что было сказано в приказе Верховного Главнокомандующего № 309 от 7 ноября 1943 года, тянулись люди к агитаторам, пропагандистам, политработникам. Они понимали и принимали каждое слово приказа как веление партии.

— Мы готовы на все, — говорил рядовой Зезюлин. — На все трудности и лишения, лишь бы ускорить разгром врага.

— Наша задача, — говорил красноармеец Гущин, — ответить на призыв Главнокомандующего новыми славными боевыми делами.

Командир взвода лейтенант Н. Т. Оксюта в своем заявлении с просьбой о приеме в партию писал: «Свою очередную, седьмую, атаку хочу ознаменовать вступлением кандидатом в члены партии. Если погибну, прошу считать меня коммунистом».

И люди на деле доказывали, что слов на ветер не бросают.

Когда нашему пехотному подразделению преградили путь немецкие автоматчики, на помощь пришли артиллеристы лейтенанта Николая Оксюты. Быстро оценив обстановку, офицер вывел орудия на открытую местность и прямой наводкой стал бить по высоте, где засели автоматчики противника.

Гитлеровцы не выдержали огня батарейцев и побежали. Наши пехотинцы бросились вперед.

— Вперед! — скомандовал Оксюта, и расчеты самоходных орудий рванулись преследовать противника.

Враг решил восстановить прежнее положение и навстречу атакующим бросил несколько своих самоходных орудий, в том числе четыре «фердинанда».

Приказав механикам-водителям остановиться, лейтенант выскочил из машины для корректировки огня.

Противник показался справа. С двух выстрелов наши артиллеристы подбили одну самоходку, с третьего — другую. Их удар был настолько неожиданным для фашистов, что уцелевшие орудия противника, не приняв боя, скрылись.

Люди рвались в бой. Гнать врага с советской земли, не давать ему передышки — вот лейтмотив каждого собрания, митинга перед предстоящим боем. Воины знали, что предстоят жестокие схватки с коварным и злобным противником, что впереди большие, суровые испытания, и не было той силы, которая могла бы заглушить в людях неугасимое чувство ненависти к врагу, осквернившему нашу землю.

В те дни на мое имя пришло письмо: «Дорогие наши товарищи! Колхозники, интеллигенция и учащиеся Иваницкого района Черниговской области поручили передать вам сердечный привет и пожелание успехов в боевых делах. Два месяца как мы снова живем свободной, радостной жизнью. Мы с ужасом вспоминаем кошмары фашистской неволи. Никогда не забудутся муки и пытки, которым подвергали наших людей фашистские звери.

Дорогие воины! Ваши успехи радуют нас, и мы с еще большей энергией отстраиваем свою жизнь... Трудящиеся района передают вам свои скромные подарки и желают скорейшей победы над заклятым врагом».

В ходе боевых действий под Житомиром, Фастовом и Брусиловом вражеские войска были настолько измотаны и обескровлены, что не могли больше наступать. Они перешли к обороне. Оборонялись и мы, готовясь к новому большому наступлению.

В 9-й мехкорпус поступило пополнение, нам дали танки и самоходные артиллерийские установки. Корпусные ремонтники ввели в строй более 30 танков и САУ, опираясь на помощь рабочих киевского завода «Ленинская кузница». К 20 декабря в соединении было более ста танков и самоходных артиллерийских установок, а личного состава — почти по штату.

В ночь на 1 декабря наши оборонявшиеся бригады были сменены войсками 38-й армии, а на следующую ночь корпус сосредоточился севернее Киевско-Житомирского шоссе в районе Раевка, Комаровка, Спорное. Именно там и была развернута в частях и подразделениях боевая учеба и партийно-политическая работа, мобилизовавшая личный состав на подвиги за полное освобождение Украины от захватчиков.

Вечером 21 декабря я вернулся с наблюдательного пункта. Он только что подвергся обстрелу шестиствольного миномета. Погода была ненастная, и сквозь завывание ветра то и дело раздавалось противное скрежетание, словно пила

наскочила на гвоздь. Это бил шестиствольный. Потом одновременный взрыв шести мин прижимал всех, кто был на НП, к стене окопа. Короткое затишье — и снова скрежет пилы, взрывы, вой ветра... Было хорошо видно, как воины 22-го стрелкового корпуса, недавно подошедшего, окапывались, готовя исходное положение для атаки. Нас же миномет вынудил сменить наблюдательный пункт.

В землянке у деревни Спорное было жарко. Печь, сделанная из железной бочки, раскалилась. За столом, на котором лежала топографическая карта, освещенная коптилкой из 45-миллиметровой гильзы, сидели мои заместители, командиры бригад и полков корпусного подчинения.

Я поздоровался и попросил П. В. Кульвинского доложить обстановку.

— От Радомышля на юго-восток по опушке леса и далее на село Раковичи проходит передний край обороны немецкой танковой дивизии СС «Райх». — Начальник штаба указал расположение врага остро отточенным карандашом. — Далее на юго-восток, включая село Ставищи, обороняется 8-я танковая дивизия. Ее полковые резервы в Забелочье и Кочерово, а дивизионные — в Коростышеве. Стык обороны немецких дивизий между Раковичи и Ставищи...

Эти данные мы узнали от «языка», которого доставили разведчики младшего лейтенанта Кочергина. Они бесшумно добрались до поселка, где располагались гитлеровцы. Крайнюю хату охранял часовой, который, увидев разведчиков, сразу же бросил карабин и поднял руки вверх. Но разведчики этим не удовлетворились, младший сержант Батурин перерезал телефонные провода. Когда к месту повреждения пришли связисты, они были разоружены и взяты в плен. Гитлеровцы указали расположение своих частей, но мы решили проверить их показания и направили для уточнения данных одного из лучших наших разведчиков Героя Советского Союза гвардии старшего сержанта Дмитрия Николаевича Смирнова.

До войны Смирнов был слесарем на одном из уральских заводов. Очень сильный физически, крепко скроенный, он был призван в армию в конце 1941 года и попал в десантники. Не раз ему довелось прыгать с парашютом в тылу врага, где и увидел воочию новые немецкие порядки, страдания мирных советских людей.

— Если раньше я представлял войну, — рассказывал он, — не такой уж суровой и жестокой, то после всего того, что довелось повидать, я возненавидел фашистов. А когда в одном из боев меня ранило и в десантники я уже не

попал, то злость на фашистов возросла во сто крат. Я попросился в разведку.

Так Дмитрий Николаевич стал разведчиком. Да еще каким! Он за короткое время сумел доставить добрый десяток «языков» и уничтожил более двадцати фашистов. Если предстояла какая-либо трудная операция, поручали ее всегда Смирнову, зная, что он не подведет, скорее умрет, но задание выполнит.

Вот и на этот раз Смирнов добросовестно сделал свое дело. Он подтвердил показания «языков» и узнал, что гитлеровцы собираются торжественно встретить рождественские праздники и уже готовятся к этому событию.

Ну что ж, наше дело позаботиться, чтобы и «оркестр» для фашистов был подготовлен, и новогодние «свечи» как следует горели...

У нас было немало отличных разведчиков: старшие сержанты А. В. Мурыгин, И. П. Поцелуев, П. А. Мушкарев, С. В. Филиппов, Д. Н. Смирнов, ставший Героем Советского Союза А. Ш. Шакиров, старшина М. Г. Шевцов и многие другие.

О старшине М. Г. Шевцове товарищи говорили: «Михаил у нас — отчаянный!», «Везет же человеку!».

Но дело было не в везении, а в умении.

Перед нами стояла задача — перерезать важнейшую железнодорожную магистраль, пролегавшую в нескольких километрах от переднего края противника. По ней гитлеровцы подвозили резервы, боеприпасы, а главное, по ней курсировал бронепоезд и каждую ночь обстреливал наши позиции. Железная дорога усиленно охранялась.

Мы решили подорвать железнодорожное полотно таким образом, чтобы бронепоезду не было пути ни назад, ни вперед. Выполнение этого задания было доверено старшине М. Г. Шевцову и шести саперам.

Под покровом ночи маленький отряд шел балками, скользкими косогорами, топкими болотами и к утру достиг цели. Дозор, расположившийся в будке путевого обходчика, не заметил группу М. Г. Шевцова, и взрывчатка была заложена рядовыми И. Т. Гутковским и Т. Р. Шадриным.

Мощный взрыв разорвал предрассветную тишину. Бронепоезд оказался отрезанным с двух сторон и был отличной мишенью для наших артиллеристов.

Кульвинский между тем докладывал:

— 22-й и 101-й стрелковые корпуса должны прорывать оборону противника на участке от опушки леса до Ставище включительно. 3-я гвардейская танковая армия вводится в

прорыв и развивает наступление в юго-западном направлении, обходя лесной массив между Кочерово и Коростышевом с юга. 9-й мехкорпус вводится в прорыв на участке от леса, включительно Раковичи. Направление — Раковичи, Брусилов, затем поворот на запад, на Щеглиевку, Туровец, Высокую Печь, обходя Житомир с юга. Левее пойдет 6-й гвардейский танковый корпус. Готовность — к утру 24 декабря.

— Жаль, что не 25 декабря, — усмехнулся Г. В. Ушаков. — Немцы после рождественских праздников с похмелья были бы.

— А по-моему, — в тон ему сказал полковник В. В. Луппов, — в самый аккурат. Они все приготовят, за столы усядутся, а тут мы и начнем...

Мы тогда еще посмеялись, не зная, что слова Луппова окажутся пророческими.

Едва забрезжил рассвет 22 декабря, а мы с командирами бригад и танковых полков, пройдя по предстоящему маршруту 69-й мехбригады, уже прибыли на передний край, в расположение 129-й гвардейской стрелковой дивизии.

Из Раковичей то и дело били пулеметы. Посвистывали пули. Подмораживало. Светало. Уже вырисовывались отдельные дома, деревья.

Мы смотрели из траншеи в бинокли на передний край.

— Ваша бригада, — говорил я Л. Х. Дарбиняну, — вместе с 59-м гвардейским танковым полком полковника Мельникова и с полком САУ-76 пойдет правее села Раковичи. Видите отдельные хаты?

— Вижу.

— Это Забелочье. Если там противник окажет сильное сопротивление, в бой не ввязывайтесь. Прикройтесь одним батальоном и обходите село слева, идите на Кочерово и далее на Вильню.

— Задача понятна.

— Вы, Владимир Васильевич, — сказал я Луппову, — поведете бригаду с 47-м гвардейским танковым полком через Раковичи. Если там еще окажется противник, идите в обход справа или слева и быстрее выходите к шоссе на Червоный Шлях, а дальше на Брусилов.

— Ясно.

— 71-я полковника Сиянина пойдет за бригадой Дарбиняна во втором эшелоне корпуса в готовности развить успех бригад первого эшелона.

В это время Л. Х. Дарбинян выбрался из траншеи и стал расхаживать по брустверу, заложив руки за спину.

— Вам что, жить надоело?! — крикнул я. — Сейчас же вниз! Перед кем бравируете? Это — мальчишество!

— Да ведь не каждая пуля в лоб, товарищ генерал! — оправдывался комбриг, прыгнув в траншею.

— Ты не прав, Левон, — укорил его и М. Д. Сиянин.

— Виноват! — склонил голову Дарбинян.

Уточнив маршруты, мы вернулись.

Я обратил внимание командиров на то, чтобы в условиях зимнего времени личный состав особенно тщательно следил за состоянием танков и САУ.

Зима требует особого ухода за боевыми машинами. Бывалые воины делились опытом с молодыми танкистами, рассказывали им, как надо ухаживать за техникой зимой, как готовить смазку, как следить за системой охлаждения, за аккумуляторами, как экономить горючее. Было приятно узнать, что многие экипажи, в особенности механики-водители, исключительно внимательно следят за своими боевыми машинами. Так, рядовые Вохляков, Морозов, Пряхин, Шкалов сумели сэкономить сотни литров топлива, своевременно подготовили материальную часть к зиме, грамотно эксплуатировали машины.

...В 8 часов утра 24 декабря я был на наблюдательном пункте артиллерийского корпуса прорыва. Метрах в двадцати от моего укрытия был НП генерала П. С. Рыбалко.

В 8.15 началась артподготовка. По силе и эффективности она напоминала артподготовку 12 октября на букринском плацдарме.

В 9.00 артиллеристы перенесли огонь в глубину немецкой обороны, а танки и пехота 22-го стрелкового корпуса пошли в атаку. Гитлеровцы, парализованные огнем нашей артиллерии, оказывали слабое сопротивление. До нас с их стороны лишь изредка доносились отдельные короткие пулеметные очереди и пушечные выстрелы.

— Вас генерал Рыбалко, — доложил адъютант.

Я направился к командующему.

— Давайте сигнал на выступление бригад. Пока они идут от Раевки до Раковичей, оборона будет прорвана, — сказал Павел Семенович.

— Есть, давать сигнал! — козырнул я и побежал к радиостанции.

Вскоре прошли передовые отряды: 71-й мехбригады — 59-й гвардейский танковый полк полковника П. А. Мельникова с десантом автоматчиков и саперов; 76-й мехбригады — 47-й гвардейский танковый полк подполковника

А. И. Лантева с таким же усилением. За ними двинулись и главные силы бригад.

Я с группой офицеров штаба выехал на новый наблюдательный пункт восточнее Забелочье. Чтобы не подорваться на минах, мы ехали по следам танковых гусениц, миновали наш бывший передний край, потом немецкий. Повсюду валялись трупы фашистских солдат и офицеров, стояли изуродованные пушки, тягачи, автомашины.

В Забелочье шел бой.

Танкисты Л. Х. Дарбиняна встретили неожиданное сопротивление. Немцы оставили в засаде около дороги «пантеру». Уничтожить ее было приказано взводу самоходных орудий гвардии лейтенанта Б. В. Бортницкого. Первый же снаряд попал в кормовую часть «пантеры», второй завершил дело — по броне вражеской машины побежали языки пламени. Такой же заслон встретил на своем пути и старший лейтенант С. Г. Кульчицкий. Совершив обходной маневр, танкисты успешно уничтожили препятствие, подготовленное врагом.

Слева, в Шуровском лесу, слышалась стрельба. Это гвардейцы В. В. Луппова выбивали оттуда фашистов. Там экипаж старшего лейтенанта А. Н. Сильченко в составе коммунистов сержанта И. Л. Лукьянова, сержантов И. С. Одисеева и Т. В. Поляченко, как стало потом известно, уничтожил три вражеских орудия вместе с прислугой.

Механик-водитель СУ-76 младший сержант А. Ф. Сидоренко уничтожил 18 солдат, две огневые точки, огнем рассеял до взвода противника, захватил зенитную пушку врага, вел из нее меткий огонь. А. Ф. Сидоренко был удостоен звания Героя Советского Союза.

Л. Х. Дарбинян доложил, что его бригада уже в Забелочье и идет на Кочерово, а В. В. Луппов сообщил, что очистил от гитлеровцев Шуровский лес, захватил три танка и продолжает выполнять задачу.

Передовые отряды пересекли Житомирское шоссе, громя по пути обозы немцев, захватывая пленных, трофеи, и к вечеру вышли на рубеж Вильня, Приворотье.

Туда же подошли и танкисты 6-го гвардейского танкового корпуса.

Брусилов был взят войсками 38-й армии.

Наступление на нашем участке фронта развивалось успешно. Преодолевая сопротивление противника, нанося ему большой урон в живой силе и технике, мы упорно продвигались вперед.

Словом, рождественские праздники фашистам были испорчены основательно.

Некий обер-лейтенант германской армии, документы, фотографии и переписку которого мы получили, собирался провести этот день не менее торжественно, чем в минувшем году. Тогда, правда, он был во фронтовом тылу, и обстановка ему позволяла встретить рождество с шиком, комфортом. Об этом свидетельствовали фотоснимки.

На одном из них изображен праздничный стол с небольшой украшенной елкой. За столом — пьяно и самодовольно улыбающиеся гитлеровские офицеры. В центре — сам обер-лейтенант. На другом снимке — фашистские солдаты. У каждого в руках — гусь, добытый в украинских селах к празднику.

По неотправленному фрау письму можно было судить, что герр обер-лейтенант и на этот раз хотел полакомиться жареным гусем. Она заблаговременно поздравила своего горячо любимого супруга с наступающим днем рождества христова, у христиан — праздника добра, человеколюбия и кротости. К письму она пришила шелковую голубую ленту и цветы незабудки. Все это было очень мило и даже трогательно. Но фрау не забыла напомнить о том, чтобы ее благоверный христианин прислал с Украины, «далекой и варварской страны», как можно больше хороших и оригинальных подарков: туфель, платьев, дамских костюмов, нижнего белья, чулок, мехов и «прочих золотых безделиц».

Все было и на этот раз торжественно и мило, уютно и весело. До той поры, пока... командир роты 58-го танкового полка 69-й мехбригады капитан П. И. Савинов не пристроился со своим танком к хвосту немецкой автоколонны, отходящей из Забелочье на Кочерово, и вместе с ней не вошел в село. Свернув в первый переулок, танк подошел к дому так близко, что дулом пушки уперся в окно. В горнице стояла украшенная елка, стол с винами и яствами. Уразумев, что произошло, обер-лейтенант и его компания так перетрусили, что выскочили на улицу кто в чем, без оружия и бросились к лесу.

Механик-водитель дал задний ход, освободил пушку, а наводчик развернул башню и начал крушить фашистов и их автомашины. Обер-лейтенант бесславно закончил свою разбойничью жизнь.

Среди гитлеровцев возникла паника. К тому же подошли наши танки и мотопехота. Фашисты, не способные противостоять неожиданному удару, спешно побежали к лесу, где, опомнившись, заняли оборону.

Мы направили в лес разведчиков под началом старшего сержанта Казанина. Надо было установить, каковы силы противника. Еще днем они сумели пробраться в расположение врага, выявили их силы и огневые средства, а на обратном пути уничтожили бронетранспортер и мотоциклиста, захватили автомашину и благополучно вернулись, доставив ценные сведения.

В то время когда шел бой в Кочерово, из села Червоный Шлях на большой скорости вдоль шоссе во фланг и тыл 69-й мехбригады приближались 12 немецких танков.

На их пути оказалась отставшая по техническим причинам (оказывается, не все отлично подготовились к зимним условиям) одна боевая машина 59-го гвардейского танкового полка. К ней подошел танк командира 69-й бригады полковника Л. Х. Дарбиняна.

Устранять неисправность не было времени — два наших танка вступили в бой с двенадцатью вражескими. Я думаю, что это был самый короткий танковый бой. Всего два выстрела сделали наши воины, и два танка гитлеровцев сразу же задымили. Остальные, круто повернув на юг, удалились.

Неисправность в машине наконец устранили, и танки скоро догнали свои подразделения.

В 18.00 передовые отряды механизированных бригад были на рубеже Вильня, Приворотье, главные силы 69-й бригады в Кочерово, а 71-й — в селе Червоный Шлях.

Я доложил генералу П. С. Рыбалко обстановку, в которой находился корпус, и получил приказ всеми силами наступать на Коростышев, имея осью продвижения шоссе. Признаться, именно от этой оси я и хотел уклониться. От Кочерово до Коростышева тянется лесной массив на 20 километров. Он прилегает к южному берегу реки Тетерев, текущей севернее и параллельно шоссе. А оно проходит почти по центру массива. Город Коростышев — на западном берегу Тетерева при пересечении его шоссе. Значит, нужно было вести затяжные лесные бои и форсировать реку. Все это лишало нас возможности использовать подвижность корпуса. Такая задача, на мой взгляд, была бы легче для 22-го стрелкового корпуса, а нам проще было бы обойти лес с юга и нацелиться на Высокую Печь, как это было предусмотрено первоначальным планом, но... приказ есть приказ.

Корпус повернул фронт на 90 градусов и перестроил боевые порядки. 69-я бригада Л. Х. Дарбиняна наступала вдоль шоссе, 70-я, ведомая полковником М. Д. Сияниным, завязала бои южнее, на лесных дорогах, а 71-я полковника В. В. Луппова шла теперь во втором эшелоне.

П. С. Рыбалко поставил 9-му механизированному корпусу задачу наступать в направлении Коростышева, овладеть рубежом Городецкая, Мокровщина, форсировать реку Тетерев в районе Коростышева, занять район Бельковцы, Студеница и не допустить отхода малинско-радомышльской группировки врага в юго-западном направлении.

Противник оказал ожесточенное сопротивление. Несмотря на это, корпус, имея в первом эшелоне 69-ю и 70-ю, а во втором — 71-ю механизированные бригады, в трудных условиях лесисто-болотистой местности нанес значительный урон арьергардам врага и продвинулся на глубину 8—10 километров, овладел рубежом восточные окраины Городецкой, Мокровщина. 26 декабря мы встретили сильное сопротивление противника, но, совершив обходной маневр, прорвались в расположение врага и нанесли по нему удар с тыла. Корпус овладел Городецкой полностью.

Ночью я поехал в Кочерово, где расположился штаб корпуса.

Бригада Сиянина, как выяснилось, отбила контратаку 16 немецких танков. Мужественно, отважно сражались воины 59-го гвардейского танкового полка полковника П. А. Мельникова. Но, несмотря на это, продвигались вперед медленно. Бригада Л. Х. Дарбиняна тоже не отличалась высокими темпами наступления, хотя урон врагу нанесла немалый.

Из штаба армии требовали донесений каждые два часа и каждый раз давали нам «накачку», когда продвижение вперед было слабое.

Участились переговоры такого рода:

— Вы наступаете или обороняетесь?

— Наступаем.

— Какое же это наступление, если стоите на месте?!

Гитлеровцы держали шоссе и лесные дороги небольшими засадами танков с пехотой. Приходилось их обходить и атаковать с флангов и тыла. Только тогда гитлеровцы отходили, но через километр-другой наши передовые подразделения вновь натыкались на минированные участки, лесные завалы и засады. И все начиналось сначала.

Дни казались неимоверно длинными. А за день мы продвигались вперед всего на 4—5 километров и, когда подошли к речке Дубровке, пересекающей шоссе и впадающей в Тетерев, наткнулись уже на довольно устойчивую прочную вражескую оборону.

Правофланговый батальон 69-й мехбригады Л. Х. Дарбиняна смог с ходу прорвать ее, но передовое подразделение

контратаковали из села Городецкое 23 вражеских танка и батальон пехоты. Наш батальон вынужден был отойти на восточный берег Дубровки.

Саперы начали строить мост через эту небольшую реку. Противник не бомбил его, видимо решив воспользоваться им. И в самом деле, когда мост был построен, показалась вражеская пехота, поддерживаемая танками.

Тогда саперы роты капитана И. С. Сырова старший лейтенант А. Т. Тармаев, старшина И. И. Подзоров, младший сержант И. И. Агашин и рядовой С. Д. Бабанин под огнем противника заминировали только что построенный мост и ждали команды, чтобы взорвать его. Когда на мосту появилась пехота противника, раздался мощный взрыв. Через несколько часов, отбив противника, саперы вновь стали возводить ими же разрушенный мост. Стоя по пояс в холодной воде, они заколачивали сваи. Намокшая одежда сковывала движения, но работа спорилась. Их действия прикрывала горстка бойцов под командой младшего сержанта И. И. Агашина. Через десять часов по новому мосту пошли наши танки, пехота и артиллерия.

Передовой отряд 69-й мехбригады оторвался от главных сил и оказался в Войташевке, южнее 70-й мехбригады. Он захватил плацдарм на Дубровке и начал продвигаться в направлении Городецкого с юга, впереди фронта обеих бригад. Но лесные бои сковали и его успешные действия.

За два дня боев наш корпус нанес врагу немалый урон в живой силе и технике: было подбито и сожжено 38 танков, 7 самоходных пушек, 16 бронетранспортеров, 15 тягачей, 32 орудия, 129 автомашин, уничтожено 1250 солдат и офицеров. Мы захватили исправными 29 орудий (из них 6 зенитных), 6 шестиствольных минометов, 152 автомашины, 100 повозок с грузами, 2 склада, 3 мотоцикла, 1 радиостанцию. Были взяты в плен 161 солдат и офицер[1].

Особенно отличился командир отделения разведки 71-й мехбригады сержант Базар Ринчино, в прошлом учитель из села Цагак-Ола, Магадуйского района, Читинской области. Он один проник в тыл отходивших из Брусилова к лесу на Коростышев гитлеровцев, взял в плен 20 человек во главе с офицером и доставил их в штаб бригады. Как это ему удалось сделать, осталось загадкой, потому что через день Базар Ринчино погиб. Это был не первый его подвиг. Ранее вместе с рядовым Федоровым Ринчино уничтожил из засады не менее пятнадцати гитлеровцев, пытавшихся

[1] ЦАМО, ф. 616, оп. 204516, д. 2, л. 53.

обойти наши подразделения с фланга. За эти и другие боевые заслуги полковник В. В. Луппов представил Базара Ринчино к званию Героя Советского Союза посмертно. Оно было ему присвоено.

Благодарные жители села Цагак-Ола, бывшие воспитанники Ринчино, в честь героя-земляка воздвигли в парке недалеко от школы, в которой он преподавал, памятник. У его подножия всегда живые цветы.

Новый день не принес облегчения ни нам, ни врагу. Передовой отряд 69-го мехкорпуса, разделавшись с засадами и завалами, подошел к шоссе и оказался у гитлеровцев в тылу. Избегая окружения, они поспешно оставили Городецкое, другие участки обороны и метнулись к шоссе. Но там образовалась такая пробка, такое скопище вражеской техники, что упустить случай как следует все это поколотить было бы грешно.

Это хорошо понял командир танкового взвода 53-го танкового полка 69-й мехбригады лейтенант П. Ф. Першин. Наступая с мотопехотой вдоль шоссе, он лесом обошел засаду противника и, увидев скопление вражеской техники, решил его атаковать. Не замеченные гитлеровцами, танки Першина вышли внезапно на шоссе из лесу и сразу же открыли огонь. Запылали вражеские автомашины, бронетранспортеры, танки...

Т-34 П. Ф. Першина выбрался на шоссе и начал таранить немецкую технику, давя ее и сбрасывая под откос. Но вот по тридцатьчетверке ударил «тигр» и подбил ее. Танк остановился. Из леса выбежали прятавшиеся гитлеровцы, намереваясь взять экипаж в плен. Но вдруг полумертвый танк ожил, мотор его мощно взревел, и объятая пламенем машина ринулась в самую гущу колонны, врезалась в бензоцистерны. Раздался сильный взрыв.

Л. Х. Дарбинян прислал мне записку: «Вышлите фотокорреспондента, пусть снимет, сколько мы тут набили». Это было его последнее донесение и последняя просьба. Через час он был в десятый раз ранен осколком мины и эвакуирован в армейский госпиталь. Бригаду принял его заместитель подполковник Андрей Алексеевич Алексеев, храбрый, волевой офицер, замечательный человек.

Гитлеровцы отходили, нет, пожалуй, бежали на Коростышев, прикрываясь, как и прежде, засадами.

...Меня очень встревожило донесение полковника М. Д. Сиянина о том, что погиб командир 229-го танкового

полка бригады майор Михаил Васильевич Попов. Я ценил этого смелого, деятельного офицера, коммуниста. Выходит, что за каких-то два часа корпус потерял двух прекрасных командиров.

«Если дело пойдет так и дальше, — подумал я, — то к концу дня мы останемся без командиров этого звена вообще. Небось лезут на рожон...»

Я поехал к М. Д. Сиянину. Лесная дорога петляла, а вдоль нее — сгоревшие и изуродованные немецкие танки, автомашины, пушки, трупы солдат и офицеров.

Михаила Даниловича я нашел у минного поля противника. Саперы извлекали мины, складывали их у дороги.

— Ну и накрутили вы тут немцам хвоста, — похвалил я комбрига, но тут же заметил: — А людей-то все-таки надо беречь. Как погиб Попов?

Оказалось, только потому, что носил на голове не шлем, не пилотку, а кубанку с зеленым верхом.

Когда танки подошли к этому минному полю и остановились, саперы принялись расчищать путь. Гитлеровцы открыли по ним огонь из бронетранспортера, находившегося в засаде. М. В. Попов несколькими выстрелами искромсал бронетранспортер и, успокоенный, выбрался из танка. Командиру полка хотелось выяснить обстановку, но автоматчики, которые были рядом с бронетранспортером, увидев кубанку, решили, видимо, и, к сожалению, безошибочно, что он старший офицер, и стали охотиться за ним. Как только Попов вышел из-за танка, автоматная очередь сразила его.

— Виной всему, стало быть, кубанка и неоправданный риск?

— Выходит, так! — горестно кивнул Сиянин.

Я вспомнил, как красовался Дарбинян на бруствере под пулями. Он уже в госпитале. А теперь эта гибель...

— Командир должен рисковать, — сказал я, — в случае крайней необходимости. А ее у Попова не было. Прошу обратить самое строгое внимание на соблюдение установленной формы одежды. Не танкисты, а кавалеристы какие-то, партизаны.

— Знать бы... — робко оправдывался М. Д. Сиянин, — давно сжег бы ее, эту кубанку.

В штаб я поехал, когда впереди в лесу начался бой.

Это танк лейтенанта В. С. Копытина натолкнулся на сильную немецкую засаду. Самоходные орудия открыли огонь по боевой машине офицера. Как потом рассказали, и сам Копытин, и весь экипаж остались живыми просто чудом.

Но никаких чудес, конечно, не было. Было искуснейшее, классное мастерство механика-водителя сержанта М. Е. Есмуханова. Как он сумел уклоняться от попаданий снарядов, это действительно загадка, но танк был неуязвим, и Есмуханов, заметив замаскированные в лесу бронетранспортеры и автомобили, повел машину на них, видимо намереваясь таранить гитлеровскую технику. Пулеметчик сержант Г. А. Зацепин понял замысел механика-водителя и меткой очередью на ходу поджег грузовик, а командир башни сержант Е. П. Прокофьев несколькими выстрелами поджег самоходное орудие.

...В штабе мне сказали, что у Л. Х. Дарбиняна гангрена. Нужно ампутировать ногу, но он не соглашается. Я написал ему записку, в которой не советовал рисковать жизнью, согласиться на операцию. Было ясно, что, если все пройдет благополучно, Дарбинян выживет, но останется инвалидом и бригадой командовать уже не сможет. Случилось худшее, но об этом потом...

В полдень 27 декабря 69-я и 70-я мехбригады подошли к Коростышеву. Мост через реку Тетерев немцы взорвали, а на западном ее берегу организовали довольно прочную оборону. Разведка донесла, что пехота окопалась, а танки надежно укрыты и часть их закопана в землю. Река Тетерев не замерзла, бродов не нашли. Переправочных средств в корпусе практически не было.

Штаб корпуса разместился в избушке лесника, недалеко от Козиевки. Я постоянно находился на наблюдательном пункте и вместе со своими помощниками тщательно искал решение для успеха боя за Коростышев.

П. В. Кульвинскому скоро стало известно, что генерал П. С. Рыбалко приказал ночью построить мост через Тетерев в районе Козиевки. По нему должна пройти 91-я отдельная танковая бригада И. И. Якубовского. Мы срочно направили туда свой саперный батальон, чтобы ускорить строительство и к утру переправить наши 69-ю и 71-ю механизированные бригады. Они должны были утром 28 декабря обойти Коростышев с севера, тем самым помочь 70-й мехбригаде форсировать реку и одновременно атаковать Коростышев.

Ночью потянул холодный северный ветер, начало подмораживать. Очень надеялись на мороз посильнее, чтобы мотопехота могла на отдельных участках перейти реку по тонкому льду.

В 3 часа 28 декабря бригады В. В. Луппова и А. А. Алексеева переправились по мосту, а мотопехота М. Д. Сиянина — по льду и вброд южнее Коростышева.

На рассвете наша артиллерия сделала 15-минутный огневой налет по немецкой обороне, и после этого все три бригады пошли в атаку.

В 8.30 соединения корпуса вышли на рубеж Бильковцы, Студеница, Стрижовка, это в 5—8 километрах западнее Коростышева, но дальше продвинуться им не удалось: гитлеровцы оказали здесь упорное сопротивление. Как потом выяснилось, из Житомира к ним подошло подкрепление.

В полдень мне сообщили о смерти Л. Х. Дарбиняна. Ногу ему ампутировали, но было уже поздно. Похоронили славного комбрига в Коростышеве, на городском кладбище, где сейчас аллея Героев, павших за освобождение города.

Президиум Верховного Совета СССР присвоил Левону Хигясовичу Дарбиняну посмертно звание Героя Советского Союза.

Левон Дарбинян... Многое уже рассказано о богатырях земли советской — Героях Советского Союза. Хочу и я сказать свое слово о Левоне Хигясовиче, славном сыне армянского народа. Это был боевой, смелый офицер, душа воинов. Его любили за храбрость, дерзость, не знавшую границ, сердечность, простоту и даже за строгость, доброе, отзывчивое сердце, за умение шутить, заразительно смеяться...

Он прибыл к нам, когда мы вели бои на букринском плацдарме. Был Дарбинян смел до безумия, показал себя тонким тактиком, грамотнейшим офицером. Его практически нельзя было застать врасплох, заставить смутиться по тому или иному поводу. Казалось, не было вопроса, на который он не мог бы дать с ходу исчерпывающий ответ.

Незабываемы бои под Великим и Малым Букрином. Здесь, на небольшом клочке земли, с трех сторон стиснутом могучим Днепром, сошлись в сентябре — октябре 1943 года две огромные силы. Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало удержать правобережье Днепра в своих руках, сбросить наши подразделения в реку. Несмотря на непрерывные атаки противника, мы пробивались вперед, прочнее укреплялись на захваченном плацдарме. Шли жестокие бои за Великий и Малый Букрин. Подразделения, которыми руководил Л. Х. Дарбинян, под мощным огнем противника продвигались вперед, и люди чувствовали его волю, четко выполняли все команды.

Памятна высота 214,9, на которой закрепились фашисты. Все подступы к ней простреливались, дороги находились под обстрелом артиллерии, а овраги и небольшие перелески буквально забрасывались минами. Но полковник Л. Х. Дарбинян нашел «ключик» к этой высоте, и солдаты, веря своему командиру, пошли в бой за нее. И такой мощный узел обороны, напичканный людьми и техникой, был разбит в считанные часы, высота была взята, фашисты гибли, бежали, сдавались в плен...

...Однажды 69-я мехбригада Л. Х. Дарбиняна выступила на марш и... пропала. Связь с ней была потеряна. Я решил посмотреть порядок в остальных колоннах корпуса, проверить их маскировку с воздуха и разузнать, что случилось с нашей лучшей бригадой.

Мы летели на У-2 на высоте около ста метров. Я внимательно следил за колонной, помечал в блокноте недостатки.

— Где находимся? — спросил я у пилота.

— Слева Днепр.

— Вижу, а какая деревня под нами?

— А вы не следили по карте? — спросил пилот.

— Сначала следил, а затем увлекся — перестал.

— И я тоже.

— Хорошенькое дело! Что ж нам, возвращаться?

— Давайте сядем на поле, вот там, видите, молотилка, кажется, работает. Спросим у людей, что за деревня, и все будет в порядке...

— Садись, — буркнул я.

Самолет, сделав круг над молотилкой, пошел на посадку. Приземлились на скошенном поле. Люди, бросив работу, устремились к нам.

Они с готовностью назвали свою деревню, а кто-то попутно заметил, что какие-то советские войска утром уже проходили через нее, а после на Днепре, мол, долго стреляли.

Я понял, что это была бригада Дарбиняна. Но почему она уклонилась от намеченного маршрута и почему командир не шлет никаких донесений?

Комбрига я нашел в небольшом домике с зеленой крышей. Он завтракал.

— Почему не сообщаете ничего в штаб? — набросился я на него. — От вас с четырех утра нет никаких сведений. Радиостанция не отвечает. От маршрута уклонились. В чем дело, полковник?

Дарбинян вытянулся, на лице удивление:

— Виноват, но час назад я подписал донесения. Возможно, произошла задержка... Но нам тут, знаете, бой пришлось вести.

— Какой еще бой?

— На рассвете подошли к этой деревне, а разведчики уже огонь ведут. Оказывается, рота немцев ночью переправилась сюда на лодках и захватила деревню. А в ней всего-то был взвод пехотинцев из 40-й армии. Я не мог допустить такого... Разведчикам в помощь бросил один батальон и роту танков!

— Потери?

— Нет потерь, товарищ командир!

— Раненые?

— И раненых тоже нет!

— Так ли? Что-то мудришь, Левон. — Раздражение у меня уже прошло. — А гитлеровцы где?

— Рыбу в Днепре кормят. Почти никто не ушел.

— Но ведь они могли догадаться, что мы идем с Букрина.

— Вряд ли, — покачал головой Дарбинян. — Скорее всего, они подумали, что это резервы, вызванные пехотинцами, оборонявшими деревню. Марша они видеть не могли — ночью и утром стоял туман.

Да, ночью был туман. Когда я летел, вроде прояснилось, но сейчас, во время нашего разговора, пошел дождь. Вражеские самолеты в этом районе не появлялись.

— И все-таки доносить обо всем нужно, как вы думаете?

— После боя и донес, — улыбнулся Л. Х. Дарбинян. — Когда бой начинается, о донесении и мысль в голову не приходит! Садитесь, пожалуйста, завтракать!

На том у меня с Левоном конфликт и кончился.

А вообще-то о нем можно было бы рассказывать да рассказывать...

...И вот нет нашего любимца, весельчака, балагура... Нет умного, толкового командира... Но осталась о нем добрая, светлая память. И позже, когда, передав командование корпусом генералу И. П. Сухову, я уезжал в Москву, все-таки завернул в Коростышев, побывал на могиле Левона Дарбиняна.

Сняв шапку, долго стоял я у небольшого бугорка земли, с деревянной пирамидой, увенчанной пятиконечной звездой, вырезанной из гильзы снаряда заботливыми руками ремонтников. Стоял и думал: «Немало мы хлебнули с тобой, Левон, лиха... Вместе начали наступление, а вот радости

победы разделить не доведется... Правда, по разным причинам, но до Берлина мы, Левон, с тобой не дойдем...

Сколько их, солдатских могил, со звездами, пирамидами, разбросано по свету?! Те, кто дойдет до Берлина, кто останется жив, кто знал тебя, Левон, навечно сохранят в своем сердце добрую о тебе память. Святую память...»

Утром 30 декабря наступление возобновилось. Наш корпус шел на Туровец, Лещин, и на другой день, неожиданно для немцев, мы пересекли железную дорогу из Житомира на Бердичев, а передовые части оседлали шоссе у Гуйвы и вышли к южной окраине Житомира.

...1 января 1944 года мы слушали приказ Верховного Главнокомандующего, в котором, в частности, говорилось:

«Войска 1-го Украинского фронта вчера, 31 декабря, в результате стремительной атаки пехоты и умелого обходного маневра танковых соединений овладели областным центром Украины городом и железнодорожным узлом Житомир.

В боях за освобождение города Житомир отличились войска генерал-полковника Гречко, генерал-полковника Леселидзе, генерал-лейтенанта Черняховского и танкисты генерал-полковника Рыбалко.

Особенно отличились:

...7 гвардейский танковый Киевский корпус генерал-майора танковых войск Иванова, 9 механизированный корпус генерал-майора танковых войск Малыгина... 51 гвардейская танковая Фастовская бригада подполковника Новохатько... 91 отдельная танковая Фастовская бригада полковника Якубовского... 47 отдельный гвардейский танковый полк полковника Мельникова...

В ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение города Житомир, присвоить наименование Житомирских.

Впредь эти соединения и части именовать:

...47-й отдельный гвардейский танковый Житомирский полк,

...9-й механизированный Житомирский корпус.

...Сегодня, 1 января, в двадцать один час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим город Житомир, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий...»

Радостная весть о присвоении корпусу наименования Житомирского омрачилась гибелью подполковника А. А. Баба-

пина, который наехал на немецкую мину. Он должен был принять у А. А. Алексеева 69-ю мехбригаду, но не доехал...

В районе Бердичев, Казатин, Хмельник гитлеровцы имели более шести дивизий, в том числе 14-ю танковую.

Командующий фронтом приказал генералу П. С. Рыбалко повернуть 3-ю гвардейскую танковую армию на юг с целью разгрома бердичевской группировки противника.

Наш 9-й механизированный Киевско-Житомирский корпус получил задачу обойти Бердичев с запада и содействовать общевойсковым соединениям в овладении городом. Правее планировалось наступление 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов.

В ходе нашего наступления противник оказывал упорное сопротивление, то и дело контратакуя группами по десять — двадцать танков с пехотой. Каждый населенный пункт приходилось брать с боем.

Бесстрашие, мужество и отвагу проявляли тогда многие бойцы и командиры. Например, пулеметчик рядовой И. И. Бабушкин метким огнем уничтожил несколько десятков фашистов и грузовую автомашину. Братья рядовые Петр и Иван Петрик из взвода автоматчиков гвардии лейтенанта Д. И. Васильчикова уничтожили в одном бою 16 гитлеровцев, не раз ходили в тыл противника и приносили важные сведения.

Не зная страха, сражался личный состав батареи старшего лейтенанта В. В. Тарасова. Особенно отличился расчет старшины В. В. Зайцева. Вот только один из эпизодов боя его артиллеристов с танками. На опушке леса накапливались вражеские машины. Вот одна за другой, развивая скорость, помчались они на наши позиции.

— Орудие к бою! — скомандовал старшина.

Бойцы работали сноровисто, слаженно, четко. Наводчик комсомолец Здвижков, замковый кандидат в члены партии Дианов, заряжающий комсомолец Тудаков, комсомольцы Тепляков и Уваров спокойно и мужественно встретили атаку.

Раздался первый выстрел — недолет. Наводчик торопливо дал поправку, проворные руки заряжающего подали снаряд.

— Огонь! — командует Зайцев.

Черное облако окутало ближний вражеский танк. Несколько последовавших выстрелов остановили еще две боевые машины.

Механик-водитель гвардии старшина И. Л. Пирогов, бывший тракторист из Сумской области, вместе со стрелком-радистом рядовым Феоктистовым вызвался разведать одну из окраин населенного пункта. Осматривая дом за домом, танкисты неожиданно столкнулись с бронетранспортером и группой немцев. Возник короткий бой. Несколько гитлеровцев были уничтожены, но и Феоктистова сразила вражеская пуля. Пирогов остался один. Фашисты решили взять старшину в плен.

— Рус, сдавайся! — кричали они.

— Коммунисты в плен не сдаются! — крикнул Пирогов и в несколько прыжков оказался у глубокой канавы.

Огонь его автомата заставил гитлеровцев укрыться за бронетранспортером. Видимо, поняв, что живым им Пирогова не взять, они прекратили огонь, забрались, чтобы не терять людей, в бронетранспортер и хотели убраться подобру-поздорову. Но старшина не дал им уйти безнаказанно. Он метнул вслед бронетранспортеру гранату и услышал истошные вопли: видимо, несколько фрицев получили ранения. Когда машина ушла, Пирогов, взвалив на плечи погибшего друга, направился к своей тридцатьчетверке.

...На нашем пути стояло большое село Пылыпы. Гитлеровцы долго и упорно там оборонялись, но, не выдержав натиска танков и мотопехоты, все-таки оставили село. В этом бою прекрасно действовали танкисты 59-го танкового полка 71-й мехбригады. Они подбили шесть танков противника. Гвардии сержант П. Ф. Бабков с группой воинов первым ворвался в населенный пункт и огнем из автомата лично уничтожил более десятка немцев. Уже в самих Пылыпах гвардеец заметил четырех немцев, которые, укрываясь за заборами и хатами, пытались скрыться. Всех четверых гвардии сержант Бабков и его товарищи взяли в плен.

Два минометных расчета под командованием сержанта Георгия Марченко на легком танке вырвались вперед, стремительно ворвались в село и, как говорится, оказались нос к носу с гитлеровцами. Г. А. Марченко не растерялся, приказал сержанту С. М. Киеку и рядовым В. А. Голубеву и А. М. Бучинову устанавливать миномет, а сам вместе с остальными девятью бойцами вступил в бой.

Дружным ружейно-автоматным огнем минометчики вызвали панику среди вражеских солдат и офицеров, а в это время «подал голос» миномет сержанта Киека. Гитлеровцы побежали. Сержант Марченко установил второй миномет, и мины обрушились на убегающих фашистов.

Таких случаев было так много, что обо всех не расскажешь, все просто не упомнишь. Это была повседневная солдатская работа, смертельно опасная, необыкновенно трудная, но необходимая для победы. И солдаты проявляли во имя этого чудеса храбрости и героизма.

Здесь мне особенно хочется сказать доброе слово о наших славных младших командирах, ближайших и неразлучных друзьях, первых начальниках воина — сержантах. Они делили с рядовыми бойцами все тяготы войны, горечи неудач и радости побед. Они первые, кто знал все думы и нужды солдат, они первые, к кому те обращались со всем волнующим, наболевшим, личным.

Младший командир — это, на мой взгляд, прежде всего лучший, образцовый солдат в своем подразделении. Сержанты первыми поднимались в атаку, показывали пример храбрости и отваги.

Вот один из них, сержант Андрей Михайлович Андрианов.

В боях за Днепр, за днепровские переправы, когда, казалось, не было ни метра площади, не обстреливаемой врагом, Андрей своей боевой удалью и отвагой вдохновлял бойцов — товарищей по оружию на боевые подвиги. И те бесстрашно шли за своим командиром на любые испытания, не жалея ни крови, ни самой жизни. А. М. Андрианову было присвоено звание Героя Советского Союза.

С непередаваемой горечью все в корпусе узнали, что в боях за Житомир сержант А. М. Андрианов был смертельно ранен... Прощальным салютом герою была артиллерийская канонада нашей армии, гнавшей врага все дальше на запад. Прощальными словами над гробом сержанта была клятва его боевых друзей, которые, бросив в свежую могилу горсть родной земли, спешили в бой, неся в своем сердце чувство священной ненависти к врагу.

...Житомир подвергся бомбежке в первый день войны. Это родной город другого отважного сержанта, командира орудия Апатолия Обуховского. Когда немцы подступали к городу, Анатолий вместе с семьей покинул родные места. В сердце юноши уже тогда загорелась жгучая ненависть к гитлеровцам, напавшим на нашу Родину. И когда пришло время призыва в ряды Красной Армии, Анатолий Обуховский с гордостью и радостью взял в руки оружие, чтобы бить врага.

В одном из боев на Днепре расчет А. Р. Обуховского (наводчик сержант Н. Е. Чунтонов), рискуя жизнью, выкатил орудие на открытую позицию и прямой наводкой под-

бил пять вражеских тягачей с пушками, уничтожил несколько повозок с грузами. Немцы отошли, оставив на поле боя только убитыми более 15 солдат и офицеров.

В боях на подходе к Коростышеву, когда группа фашистов дрогнула и стала откатываться, сержант Обуховский решил ее преследовать. Параллельной дорогой батарейцы вышли в тыл гитлеровцам. Вот показалась колонна машин. Обуховский приказал открыть огонь. Первым же выстрелом была подбита головная автомашина. На дороге образовалась пробка. Немцы, ошеломленные неожиданным появлением в их тылу советских артиллеристов, бросились в паническое бегство. Воспользовавшись суматохой, расчет сержанта А. Р. Обуховского уничтожил десятки гитлеровцев; 8 автомашин с боеприпасами и другими грузами те бросили на месте.

Во всех боях Обуховский проявлял сметку, инициативу, находчивость.

— Скоро к моему родному Житомиру придем, — говорил он бойцам. — Вот тогда фрицам особого жару подсыплем.

Однажды гитлеровцам ценой больших усилий удалось вклиниться в нашу оборону. При поддержке артиллерии они наседали на боевые порядки мотопехоты.

Обуховский, выследив вражеские огневые точки, перенес огонь на них.

Контратака врага была сорвана. Понеся большие потери, он вынужден был отойти на прежние рубежи.

В боях под Житомиром немцы несколько раз контратаковали наши подразделения. Но орудийный расчет, ободренный горячим словом и личным примером сержанта, ни разу не дрогнул. Наводчик сержант Н. Е. Чунтонов, ставший Героем Советского Союза, не имел ни одного промаха. Снаряды ложились точно в цель, и гитлеровцы вынуждены были отказаться от своей затеи.

За отвагу, мужество и героизм, проявленные в боях за Правобережную Украину, смелому артиллеристу командиру орудия сержанту А. Р. Обуховскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Гитлеровцы обороняли рубеж Пятки, Слободище, прикрывая шоссе и железную дорогу Бердичев — Шепетовка.

Было решено утром 5 января атаковать противника и пересечь эти коммуникации. Сил в корпусе оставалось мало, и бригады были построены в один эшелон. На правом фланге наступали 71-я мехбригада полковника В. В. Луп-

нова, в центре — 69-я подполковника А. А. Алексеева, на левом фланге — 70-я полковника М. Д. Сиянина. Правее нас действовал 6-й гвардейский танковый корпус.

Начался бой. Фашисты не выдержали удара, начали отходить, бригады стали их преследовать. 71-я мехбригада прошла Пятки, устремилась на Рачки, к железной дороге. Вот уже передовые подразделения вошли в Рачки, но были встречены там шквальным пушечным и пулеметным огнем. Пять наших легких танков и мотопехота сперва остановились, а потом начали отходить. Полковник В. В. Луппов сел в свой газик и решил лично поднять боевой дух воинов.

Противник к тому времени успел развернуть противотанковую артиллерию, наши пехотинцы залегли, стали окапываться.

Луппов выскочил из машины, но не успел подать никакой команды — вражеский снаряд разнес газик в щепки, а Владимир Васильевич получил ранение. Ординарец подхватил его, потащил в сторону, но тут рядом с ним разорвался еще один снаряд...

Погиб еще один из опытнейших и храбрейших командиров бригад... Он прошел тяжелый и тернистый путь. Слава к нему пришла не сразу, как, скажем, к А. Р. Обуховскому. Она рождалась в страдные военные дни, когда шли тяжелейшие бои за Днепр, Киев, Житомир...

Всюду, где бы ни приходилось действовать 71-й мехбригаде, которой командовал В. В. Луппов, воины чувствовали железную выдержку своего командира, его стойкость, мужество, отвагу. Владимир Васильевич целиком и полностью отдавался своему делу, трезво оценивал обстановку, всегда принимал единственно правильное решение.

Не было в боевой практике Владимира Васильевича случая, чтобы он показал свою растерянность перед трудностями, перед опасностью.

Он сумел воспитать достойную плеяду молодых офицеров, опытных и умелых сержантов, отважных и находчивых рядовых бойцов. Десять человек из них стали Героями Советского Союза. В их числе командир взвода старший лейтенант И. М. Матвейцев, командир танка лейтенант В. Д. Паширов, механик-водитель старший сержант Н. Г. Князькин, командир роты старший лейтенант И. И. Филиппов, командир орудия сержант А. Р. Обуховский, наводчик рядовой Н. Е. Чунтонов и другие.

Президиум Верховного Совета СССР присвоил посмертно полковнику В. В. Луппову звание Героя Советского Союза.

Позже, летом 1944 года, когда 71-й мехбригадой коман-

довал подполковник А. Д. Кочетов, личный состав собрал на постройку танка в память Героя Советского Союза В. В. Луппова триста семь тысяч восемьсот рублей. Танк, построенный на эти средства, был передан боевому соратнику бывшего комбрига Герою Советского Союза старшему сержанту Илье Ананьевичу Каверину.

На имя А. Д. Кочетова пришла телеграмма следующего содержания:

«Передайте красноармейцам, сержантам и офицерам воинской части, собравшим триста семь тысяч восемьсот рублей на строительство танка, мой боевой привет и благодарность Красной Армии. Желание личного состава части будет исполнено.

И. Сталин».

Танк с надписью «Владимир Луппов» прошел славный боевой путь. За рычагами грозной машины сидел И. А. Каверин.

Давно отгремели бои на Днепре. Позади остался славный боевой путь на Правобережье. Много сотен километров отмерил солдат от Славутича — реки нашей славы, колыбели победы.

Я хочу привести здесь выдержки из красноармейской газеты «Вперед на запад», которые лаконично рассказывают о боевых действиях батареи минометчиков 71-й механизированной бригады. Этой батареей командовал старший лейтенант В. Н. Анчишкин, ныне член Союза писателей СССР.

«24 декабря. Утром началась артиллерийская подготовка. Били орудия всех калибров. Дрожала, стонала земля от разрывов. Наши прорвали немецкую оборону. Пехота пошла вперед. Сопровождаем ее своим огнем.

25 декабря. Немцы зацепились в селе... На подступах к нему завязался жестокий бой. Ведем интенсивный обстрел огневых позиций гитлеровцев. Истребили до 50 гитлеровцев. День не прошел даром!..

26 декабря. Наступление продолжается. Занимаем все новые и новые населенные пункты. Немцы с боями отходят...

27 декабря. Начались бои за город Коростышев. Расчеты выдвинулись на восточную окраину и открыли сильный огонь. Своим огнем мы подавили несколько огневых точек противника и истребили немало гитлеровцев.

28 декабря. Город наш! Разбитый, разрушенный, но снова наш, советский. Придет время — зарубцуются, зарастут раны. Но не будет пощады и прощения гитлеровцам... Продвинулись вперед на 6 километров. Оборудовали огневые позиции, ведем огонь на уничтожение живой силы противника. Немцы снова недосчитываются 20 своих солдат, одного шестиствольного миномета... Он взлетел на воздух с прислугой.

29 декабря. Сменили огневые позиции. Идем с разведчиками к немцам в тыл. Обнаруживаем важные цели. Ведем интенсивный огонь по огневым позициям противника. Вдребезги разбиваем артиллерийскую противотанковую батарею немцев, минометную батарею, три пулемета. Целая рота гитлеровцев распрощалась с белым светом. На славу поработали минометчики. В этот раз особенно отличились расчеты старшины Рюмина и старшего сержанта Михайловича.

30 декабря. Марш...

31 декабря. Знаменательный день. Верховный Главнокомандующий за отличные боевые действия объявил нам благодарность... Рассказываю бойцам о приказе И. В. Сталина... Это воодушевляет людей. И они рвутся в бой».

Кстати, несколько слов об этом интересном человеке — Владлене Николаевиче Анчишкине. В детстве он увлекался литературой, писал стихи, мечтал посвятить свою жизнь писательскому труду.

Началась война, и Анчишкин со школьной скамьи добровольно ушел в Красную Армию. После шестимесячной учебы в минометном училище он попал на фронт, испытал горечь временных неудач и познал радость побед. Два ордена Красной Звезды — лучшее свидетельство его боевой зрелости и храбрости.

Только за один месяц батарея В. Н. Анчишкина истребила 400 немецких солдат и офицеров, уничтожила 7 бронетранспортеров, сожгла и захватила 31 автомашину и одну самоходную пушку противника.

Мы выбили немцев из Буряков и Райгородка утром 9 января. Не прошло и часа, как налетели около 70 фашистских самолетов и обрушили бомбовый удар в основном на 69-ю мехбригаду. Во время налета погиб командир бригады подполковник А. А. Алексеев, прекрасный человек, соратник и ученик покойного Л. Х. Дарбиняна.

Я приказал временно принять командование соединением начальнику оперативного отдела штаба корпуса подполковнику Науму Ефимовичу Кошеватскому.

11 января части корпуса пересекли шоссейную дорогу Казатин — Любар, выбили фашистов из Крапивца и Петриковиц, но дальше продвинуться не смогли. Здесь гитлеровцы перешли к обороне на подготовленном рубеже, прикрывая участок железной дороги Корсунь-Шевченковский—Староконстантинов.

Мы подтягивали тылы, растянувшиеся на грязных и разбитых дорогах. 71-ю мехбригаду принял боевой, закаленный офицер-сибиряк, кавалер ордена Красного Знамени полковник А. Д. Кочетов. 69-й мехбригадой временно командовал заместитель командира 70-й бригады майор В. А. Сливченко.

Я простудился, поднялась температура. Генерал П. С. Рыбалко приказал мне «отлеживаться». Пока «отлеживался», узнал, что в штабе армии кто-то горько пошутил, что, мол, Малыгину командиров бригад не напасешься, поскольку он их не жалеет, а бросает в самое пекло.

Шутка, если это вообще шутка, была довольно неумной, но я и сам понимал, что этот вопрос все-таки надо как следует обдумать. Я тоже не сторонился боевых порядков, ни будучи командиром корпуса, ни когда был командиром бригады или начальником штаба дивизии... Генерал П. С. Рыбалко на букринском плацдарме весь день провел на моем наблюдательном пункте, а за большим оврагом были немцы. На переднем крае часто бывали Д. Д. Лелюшенко, К. К. Рокоссовский, когда мы воевали на полях Подмосковья... И никто не считал, что мы были в «пекле». Надо было, вот и находились там, где требовала обстановка.

ИДЕМ К ГРАНИЦЕ

Командующий фронтом поставил перед генералом П. С. Рыбалко задачу выйти к реке Южный Буг, лишить врага возможности использовать участок железной дороги Корсунь-Шевченковский — Староконстантинов, оказав этим помощь войскам левого крыла 1-го и 2-го Украинских фронтов при разгроме корсунь-шевченковской группировки противника.

Сил в 3-й гвардейской танковой армии было маловато, и генерал Рыбалко начал буквально по крохам собирать для выполнения полученного приказа ударные группы.

В группу прорыва вражеской обороны вошла 71-я мехбригада, усиленная оставшимися танками из бригады полковника И. И. Якубовского. Поддерживала эту группу армейская артиллерия и минометный полк 9-го механизированного корпуса.

В группу развития успеха собрали из всех полков корпуса десять танков Т-34 и пять СУ-85 и передали их в 53-й танковый полк полковника Д. Г. Суховарова.

Хотелось бы попутно сказать еще несколько добрых слов о Дмитрии Гавриловиче Суховарове — человеке исключительного мужества и отваги, храбром и талантливом командире.

Полковник Суховаров, что называется, основательно изучил повадки гитлеровцев, их коварные методы ведения боев, научился бить противника в самые уязвимые места и тогда, когда враг меньше всего ожидает удара. Его танкисты были первыми на правом берегу Днепра. В боях за расширение плацдарма они проявили и смелость, и мастерство, и отвагу. Смекалка, напористость, храбрость — все чудесные качества советского солдата были присущи людям, которыми командовал Дмитрий Гаврилович. И сам он в боях всегда проявлял подлинное мужество, командирское мастерство, собранность и выдержку.

Дмитрию Гавриловичу Суховарову было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Подошедшие общевойсковые соединения сменили наши бригады. Корпус был отведен к Райгородку, где мы стали

заниматься боевой подготовкой и пополняться личным составом и техникой.

Люди отдохнули, помылись в бане, выглядели бодро, подтянуто, аккуратно, чисто. Мы провели строевой смотр.

На следующий день началась боевая учеба.

Ремонтники занялись пополнением танкового парка за счет восстановления подбитых боевых машин. Опора ремонта по-прежнему оставалась на киевском заводе «Ленинская кузница».

Мы, ветераны корпуса, бесконечно благодарны рабочим, служащим, техникам и инженерам завода, которые самоотверженно помогали нам в те тяжелые боевые дни.

В это время значительно росли партийные и комсомольские организации, они стали в своей деятельности мощней, активней и целеустремленней. Это и понятно: ведь мы вели в большинстве своем наступательные бои. А это обстоятельство накладывало определенный отпечаток на все массово-политические мероприятия, проводимые партийными и комсомольскими организациями. Политотдел подготовил и организовал проведение лекций, докладов, бесед на злободневные темы, такие, например, как «Прочность советского тыла непоколебима», «Год коренного перелома в ходе войны», «Красная Армия — армия освободителей» и другие.

Велика была роль агитаторов, партгрупоргов, комсоргов. Так, комсорг сержант Александр Шанин постоянно находился среди бойцов. Он был для них очень авторитетным, уважаемым человеком, верным другом и добрым советчиком. Александр всегда давал ответы на любые вопросы людей, показывал личный пример в бою. Однажды он захватил штабную автомашину фашистов с документами немецкого офицера.

Комсорг собирал письма, приходившие из тыла, и доводил их содержание до бойцов. А это оказывало на них большое вдохновляющее влияние. Вот одно из таких писем:

«Здравствуйте, уважаемые командиры и бойцы. Дорогой командир! Выношу Вам великую благодарность за Ваше внимание ко мне. Если бы Вы знали, как я была рада, когда получила известие, что мой сын в борьбе с немецкими захватчиками проявил мужество и отвагу, за что он награжден медалью «За боевые заслуги».

От всего материнского сердца желаю ему и всем вам еще лучше выполнять свой долг перед Родиной, желаю быстрее очистить нашу советскую землю от фашистской нечисти.

С приветом мать бойца Петренко».

Рядовой П. Петренко отличился в бою под Коростышевом, когда забросал гранатами дзот противника и тем обеспечил успешное продвижение всего взвода вперед. Кроме того, он уничтожил несколько гитлеровцев и одного взял в плен.

...Агитационно-пропагандистской работе мы отводили важное место. Проводили семинары агитаторов, редакторов боевых листков, другие мероприятия. Работники политотдела всегда были в частях и подразделениях, вскрывали недостатки в политико-воспитательной работе, помогали устранять их, объективно оценивали положение в ротах и батальонах. Их живое общение с воинами, беспокойство за порученное дело, энтузиазм во многом помогали нам. Большую роль играла наша боевая ежедневная красноармейская газета «Вперед на запад» (редактор капитан В. Е. Прожогин), которая всегда давала конкретные ответы на вопросы, интересующие воинов. И в окопах, и на отдыхе бойцы интересовались последними известиями, публикуемыми в газете, читали сводки Совинформбюро, очерки, корреспонденции, статьи, заметки о лучших людях, сообщения о событиях не только на нашем, но и на других участках фронта, о политических новостях в нашей стране и за рубежом. Солдаты всегда были в курсе дел на фронтах, в тылу, и этим они были обязаны прежде всего нашим политработникам, журналистам, писателям, военкорам, которые постоянно бывали в подразделениях, на передовых позициях и рассказывали читателям газеты о только что прошедших событиях, как говорится, по горячим следам.

Мы внимательно следили не только за тем, как передается боевой опыт молодым бойцам, но и постоянно учили командиров управлять людьми, разбирали различные ситуации прошедших боев, отмечали недостатки, чтобы в дальнейшем их не повторять.

Взять хотя бы такой случай. Начальник снабжения горючим и смазочными материалами старший лейтенант И. С. Шевцов потребовал, чтобы командир автотранспортного батальона капитан А. В. Ильин быстрее выделил в его распоряжение автомашины.

— Вот, — сказал он, — заявка. Прошу вас, товарищ капитан, сделать так, чтобы машины ушли сегодня же.

— Будет сделано, — ответил Ильин.

Через час 12 автомашин отправились на станцию за горючим. Но вернулись они... через пять суток, хотя до места назначения ехать было недолго. В оба конца — не более 130 километров.

Где же находились автомашины столько времени? Оказывается, Шевцов. не имея на руках наряда на горючее, постарался занарядить машины заранее, в результате чего они бесцельно простояли на станции четверо суток.

Конечно, мы не могли пройти мимо таких фактов, и, как показали дальнейшие дела, их стало гораздо меньше. Строго взыскивали и с нерадивых бойцов и командиров, которые к своим обязанностям, к технике относились спустя рукава. И наоборот, всячески поощряли тех, кто проявлял инициативу, смекалку, бережно относился к технике, экономил горючее. Например, водители рядовые Бычков, Артеменко и Косенко только за десять дней сэкономили по 220 литров бензина, а рядовой Юрченко за четыре месяца работы во фронтовых условиях наездил около 15 тысяч километров без единой поломки и вынужденной остановки. И таких людей конечно же было очень и очень много. Добросовестных, заботливых, понимающих всю ответственность за возложенные на них фронтовые обязанности. Забота о правильной и экономичной эксплуатации автопарка стала делом чести каждого водителя, каждого офицера.

С 8 февраля началась перегруппировка сил фронта. 8-я гвардейская танковая армия переходила в район Белогорья (юго-западнее Шепетовки). Намечалась новая операция, получившая впоследствии название Проскуровской.

Нам был определен маршрут: Бердичев, Шепетовка, Славута, Острог, Белогорье. Общая протяженность его составляла 230 километров и почти везде по шоссе.

Корпусу ставилась задача проходить по 40—50 километров в сутки. Это могло измотать силы мотопехоты, а на совершение двух челночных рейсов грузовиками не было горючего. Чтобы сохранить силы людей, мы пошли на такую меру: в районе ночевки перед выступлением все пешие бойцы выстраивались вдоль шоссе. Я становился на ссредину дороги и жестом задерживал каждую автомашину. Водители, видя, что «голосует» генерал, обязательно останавливались. Если выяснялось, что машины следуют по нужному нам маршруту, мы загружали или догружали их бойцами. Проходили час-полтора, и вся наша пехота уезжала на попутках. Но чем ближе к Острогу, тем меньше было попутных машин, а от Острога пришлось совсем отказаться от этого «нахлебнического» способа перевозок.

Тем не менее генерал П. С. Рыбалко, зная, что в корпусе много пеших, был доволен темпами марша. Правда, он

не спрашивал, как это нам удалось, а я ему не докладывал. Дошли, и все тут.

В Полонном войскам был дан двухдневный отдых. В местном клубе в торжественной по военному времени обстановке командующий армией генерал-полковник П. С. Рыбалко вручал воинам корпуса государственные награды. Меня здесь ожидала необыкновенная радость: газеты с Указом Президиума Верховного Совета СССР мы еще не получили, сообщения по радио случайно пропустили. ...Словом, я нежданно-негаданно получил из рук Павла Семеновича Рыбалко орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Это, конечно, был аванс за боевые дела, которые ожидали корпус и меня как командира в будущем. Так я это понимал, хотя, конечно, был рад безмерно такой высокой награде Родины...

На должность командира 69-й механизированной бригады прибыл полковник Павел Николаевич Кицук, как сразу выяснилось, опытный, тактически грамотный и культурный офицер.

— Бригада, которой будете командовать, — сказал я ему, — лучшая в корпусе. Не было случая, чтобы она не выполнила боевую задачу. Офицеры в ней толковые, опытные, партийные организации крепкие. Политаппарат, возглавляемый подполковником Иваном Петровичем Коптевым, человеком скромным, трудолюбивым и исключительно храбрым, — сильный. Штаб деловой, солдаты, сержанты, которые бывали в боях, — выше всякой похвалы, а вот пополнение — в ваших руках. Хоть и не хотелось об этом говорить, но... бригаде на командиров не везет.

Кицук удивленно посмотрел на меня.

— Нет, вы, кажется, неправильно меня поняли... Люди командиры были хорошие, но, понимаете... были... Полковник Сиянин, первый командир, был ранен в боях на букринском плацдарме. Вторым был полковник Дарбинян, он погиб под Коростышевом. Третий, подполковник Алексеев, — тоже... И все это случалось вне танка, а у командира бригады он есть. Учтите, пожалуйста, этот печальный опыт, не подставляйте свой лоб всякой дурацкой пуле, как говаривал Чапаев.

— Спасибо, товарищ генерал. Я обязательно воспользуюсь вашим советом, — сказал он, прищурившись, и я до сих пор не знаю, чего было больше в ответе нового комбрига — чувства дисциплинированности или иронии.

...Корпус сосредоточился в нескольких километрах севернее Белогорья. К тому времени у нас было 85 процентов положенного по штату личного состава, половина необходимых пушек, минометов и противотанковых ружей, а станковых и ручных пулеметов — только 40 процентов.

Из сорока танков, имевшихся у нас, половина были легкими. Мы ожидали эшелон с пятьюдесятью Т-34, но оказалось, что их передали 7-му гвардейскому танковому корпусу. Прикинули возможности и средние танки передали 53-му танковому полку 69-й мехбригады, а легкие — 74-му танковому полку 71-й мехбригады и 229-му танковому полку 70-й мехбригады, САУ — 59-му гвардейскому танковому полку корпусного подчинения. 47-й гвардейский танковый полк корпусного подчинения был оставлен без машин в районе Славуты и к операции не привлекался.

Март не баловал нас доброй погодой: ежедневные дожди, холодный, пронизывающий ветер, грязь по колено... Но настроение бойцов и командиров было приподнятым: перед нами стояла задача войти в прорыв с плацдарма, который удерживала 226-я стрелковая дивизия в районе Мокроволя, и развивать наступление в направлении Теофиполь, Базалия, Купель, Проскуров. Правее в прорыв вводилась 4-я танковая армия, левее — 6-й гвардейский танковый корпус.

Операция готовилась тщательно. Генерал П. С. Рыбалко провел занятия с командирами корпусов и их штабами, они в свою очередь с командирами бригад и их штабами, и так постепенно дошло до командиров взводов. Кроме того, проводилась рекогносцировка, отрабатывалась организация взаимодействия, каждый боец уже знал свою задачу.

В подразделениях прошли партийные собрания, митинги, беседы.

Очень содержательную беседу с сослуживцами провел агитатор кандидат в члены ВКП(б) сержант М. Х. Яковлев.

Все мы тогда широко обсуждали приказ Верховного Главнокомандующего № 16 от 23 февраля 1944 года, который стал для нас программой дальнейшей борьбы с немецкими захватчиками за полное освобождение советской земли. В приказе, в частности, говорилось: «Всему рядовому и сержантскому составу... продолжать неустанно совершенствовать свое боевое мастерство, полностью использовать нашу прекрасную боевую технику, бить врага, как бьют его наши славные гвардейцы, точно выполнять приказы командиров, укреплять дисциплину и порядок, повышать организованность».

Вот об этих требованиях и говорил с боевыми друзьями Яковлев.

— Что значит «продолжать неустанно совершенствовать свое мастерство»? — поставил он вопрос и сам же стал на него отвечать: — Это значит, что каждый из нас должен настойчиво изучать свое оружие, приемы владения им, повышать тактические знания, закалять свою волю, чтобы не дрогнуть в бою, чтобы воевать не числом, а уменьем и бить немца наверняка. Вот вам пример для подражания. Еще и двух месяцев нет, как к нам пришел рядовой Кулибаба, но уже успел в совершенстве изучить пулемет, и теперь он — первый номер, стреляет на «отлично». Раньше Кулибаба никогда и не видел пулемета. Значит, к делу он подошел со всей серьезностью и ответственностью. А вот рядом с вами сидит рядовой Алексеев. Когда он прибыл к нам после госпиталя, был назначен подносчиком патронов. Но бойца это не удовлетворяло, и он стал изучать пулемет, овладел им в совершенстве. На контрольных стрельбах и Кулибаба, и Алексеев получили высокие оценки и заслужили благодарность командира. Вот это и есть конкретный фронтовой ответ на требования приказа Верховного.

На эту же тему проводил беседы в своей роте капитан М. А. Скориков. Говоря о необходимости полностью использовать возможности нашей прекрасной боевой техники, офицер приводил такие факты. На противотанковое орудие сержанта И. М. Стефахина шли три танка. Гитлеровцы интенсивным огнем вывели из строя половину расчета. Оставшиеся батарейцы не растерялись, не дрогнули. И образец мужества, отваги, воинского мастерства показал прежде всего командир. Он сам стал к панораме и, когда вражеские танки подошли совсем близко, открыл огонь, сделал по ним шесть метких выстрелов. Больше снарядов и не потребовалось — все три машины были подожжены и разбиты.

— Какой же отсюда вывод? — спрашивал капитан. — Обыкновенный: каждый должен взять за правило — свое оружие знать в совершенстве и в любых условиях мастерски использовать его против врага.

Утром 4 марта после мощной артподготовки 70-я и 69-я мехбригады пошли в атаку, 71-я находилась во втором эшелоне, 226-я стрелковая дивизия шла за танками 53-го танкового полка полковника Д. Г. Суховарова.

Противник почти не сопротивлялся, поспешно отступив километров на десять.

Первую контратаку фашисты предприняли лишь у деревушки Окоп. Около пятнадцати танков и батальон пехоты бросило вражеское командование, чтобы задержать наше наступление. В этом бою отличились самоходчики роты капитана П. И. Савинова. Командир, будучи на головной машине, установил, откуда бьют вражеские танки, и, не теряя ни секунды, принял смелое решение — атаковать их с фланга. Используя складки местности, офицер вывел установку во фланг противнику. Немцы не ожидали появления с этой стороны САУ.

После первого же выстрела из моторного отделения вражеской машины повалили густые клубы черного дыма.

Экипаж второго танка, видя, какая участь постигла первый, заметался в поисках укрытия, развернулся, подставив борт под удар нашей самоходки. Еще один выстрел — и еще одна пораженная цель на счету у капитана.

Немецкие танкисты и пехота были явно растеряны. Огонь с фронта и с фланга смял их контратаку. Они затоптались на месте, затем повернули назад.

— Вперед! — скомандовал П. И. Савинов.

Уцелевшие танки, развернувшись, на полной скорости двинулись вспять, в укрытия.

Однако один из них вдруг круто развернулся, чуть прикрылся за бугорком и успел сделать оттуда несколько выстрелов. Один снаряд попал в машину младшего лейтенанта С. К. Кулинченко, подбил ее.

Все мы знали, что в танковом бою дело решают секунды: кто более ловко, слаженно действует, тот и побеждает. Случай с Кулинченко, как выяснилось на разборе хода боя, еще раз подтвердил эту истину. Его машина хоть и вырвалась вперед, но экипаж действовал на авось, вслепую, не имея перед собой конкретной цели. Хотелось людям сделать доброе дело, но в поисках легкой цели они подставили свой борт под огонь вражеского танка и были жестоко наказаны. А экипаж САУ, который возглавлял капитан П. И. Савинов, вышел из боя невредимым. Из семи подбитых танков четыре пришлись на его долю.

...От пленных узнали, что против нас действовала 6-я танковая дивизия.

Через час гитлеровцы повторили контратаку. На этот раз они бросили на нас десять танков и до батальона пехоты.

В коротком бою отличился расчет противотанкового орудия старшего сержанта П. Г. Киселева. Метким огнем он поджег две боевые машины противника. Еще одну подбил

экипаж танка, возглавляемый командиром роты гвардии старшим лейтенантом Н. К. Карагодиным.

Потеряв три машины, фашисты откатились. Но не прошло и получаса, как они пошли в контратаку в третий раз. Семь танков и пехота вновь предприняли попытку задержать продвижение 70-й мехбригады. Но сделать это им не удалось; потеряв еще четыре танка и несколько десятков солдат и офицеров убитыми и ранеными, гитлеровцы убрались восвояси.

Между тем наступил вечер. Я с оперативной группой находился на наблюдательном пункте, осматривал в бинокль местность, лежащую между рекой Горынь и безымянной речушкой, протекающей западнее Мокроволя.

Это был выступ, который по плану входил в зону действия наших соседей. Но им, чтобы взять его, пришлось бы дважды преодолевать водную преграду. А у нас этот выступ стоял на пути. Обойти его нельзя, там могли находиться немцы, но и вклиниваться в полосу соседей тоже рискованно. Они могли принять нас за фашистов, и тогда неизвестно, чем бы все кончилось.

Выступ казался пустым. И все же я направил на разведку взвод легких танков с пехотой из 71-й бригады подполковника А. Д. Кочетова, находившейся во втором эшелоне.

— Задача такова, — разъяснял я командиру взвода. — Если на выступе гитлеровцы — очистить!

Стемнело, когда я направился следом за бригадами первого эшелона, ушедшими далеко вперед.

Ночь застала меня на берегу безымянной речушки, к которой одним концом прилепилась маленькая, дворов в семь, деревушка.

Вошел в крайнюю избушку, хозяева были очень радушными, и я тут же разостлал на столе карту, начал наносить на нее положение бригад.

Внезапно раздались выстрелы. Стреляли откуда-то сверху. Я выскочил из избы, едва не столкнувшись со своим шофером Алексеем Мельниковым.

— Все! Готово! — крикнул он мне и, развернувшись, пропал в темноте. Уже оттуда донесся его голос: — Тут в овраге фрицы!

Вот те на! Били, били, гнали, гнали... «Злосчастный» выступ полностью очистили от немногочисленной, правда, группы немцев, а они тут, под боком, оказывается. На чердаке избы, где я расположился, какой-то пьяный, видимо,

фашистский офицер начал пальбу из пистолета. Хорошо, что никому не принес вреда, а его самого пристрелили.

Мимо меня пробежали бойцы комендантского взвода. Вскоре со стороны оврагов, куда умчался Мельников, послышались выстрелы, потом все стихло, а еще через несколько минут передо мной стояли семь гитлеровцев.

Выяснилось, что они разведчики, искали переправу через безымянную речушку. По их словам, 6-ю танковую дивизию сильно потрепали наши войска, и ее остатки поспешно уходят. В другом овраге, который идет под острым углом к выступу, находится моторота. Сколько человек именно, пленные сказать затруднялись, поскольку днем эту роту здорово поколотили.

Я приказал немедленно передать по радио командиру 71-й мехбригады приказ поторопиться с продвижением. Иметь на сон грядущий под боком вооруженную роту немцев — перспектива не из веселых.

И вдруг один за другим два выстрела танковой пушки, а потом несколько пулеметных очередей.

Вот, подумал, фашисты о себе и заявили. С пистолетом в руке выбежал на улицу. Передо мной вырос из темноты начальник оперативного отдела штаба корпуса подполковник Наум Ефимович Кошеватский.

— Что происходит?

— Все уже кончилось, товарищ генерал! — вскинул руку к шапке Кошеватский. — В овраге действительно стояла моторота 6-й немецкой танковой дивизии на десяти бронетранспортерах. Маленько побили их, остальных взяли в плен. — И неожиданно: — А наши соседи так и не пошли на выступ!

— Не с руки...

— Пленные говорят, что ночью хотели, мол, пройти по нашим тылам в надежде, что мы их примем за своих, и уйти в Феофиполь.

— Ловко. У нас потери есть?

— Нет. Мы подбили два бронетранспортера, восемь вполне исправны. Двенадцать человек, в том числе и обер-лейтенант, сдались. Хорошо бы передать бронетранспортеры 71-й мехбригаде, а один оставить при штабе. Пригодится. Грязища...

— Хорошо, — согласился я. — Только будьте осторожнее. Подобьют еще свои же...

Наконец-то представилась возможность нанести на карту положение бригад. До утра никто не мешал.

Мой шофер Мельников сладко посапывал на лавке возле двери, обняв новенький трофейный автомат.

Утром наступление продолжалось. Весенний туман съедал тонкий наст снега, который покрывал землю, и поля-дороги превращались в топкую непролазную грязь.

В районе Теофиполя 69-ю мехбригаду контратаковали 20 танков с пехотой из дивизии СС «Адольф Гитлер».

На позицию, где находился танк командира взвода комсомольца гвардии лейтенанта С. Т. Анохина, шли три немецкие боевые машины. Неспроста говорят, что смелость города берет. А лейтенант был не только отважным, но и умелым, опытным танкистом. Он не стал ждать, когда фашисты откроют по нему огонь. Разбрызгивая в стороны жидкую грязь, машина Анохина ринулась в неравный бой. После нескольких выстрелов загорелся один немецкий танк. Два других уклонились от боя, но командир взвода успел поджечь еще один. Третий успел удрать.

Бой на других участках длился более двух часов. Потеряв 13 машин, гитлеровцы отошли к Базалии. В 53-м танковом полку Д. Г. Суховарова тоже были потери, но оставшиеся боевые машины начали преследование врага.

Я стоял у шоссе, смотрел, как проходила 69-я мехбригада. Ее командир полковник П. Н. Кицук, высунувшись из люка своего Т-34, что-то прокричал мне. Я не расслышал, помахал ему рукой. Он ответил тем же.

А через час подполковник Кошеватский доложил:

— Погиб Кицук...

— Как? Где?

— В деревне Катюржинцы. При переправе через речушку. Не выдержал мост...

Еду на место происшествия. Танк Кицука стоит на завалившемся мосту, упершись пушкой в противоположный берег. Экипаж машины с лопатами.

— Где полковник?

— Унесли, — ответил командир танка и склонил голову.

— Как это произошло?

— Мы предупреждали товарища полковника, — сказал механик-водитель, — что мост ненадежный, может не выдержать, а он: «Давай, давай!..» Ну и обрушился... Пушка уперлась стволом в землю, произошел откат... Казенной частью пушки и придавило товарища полковника к броне башни.

Как мы ни привыкли к потерям, но это несчастье поразило меня своей нелепостью. В такой ответственный момент потерять грамотного, отважного боевого командира — чудовищно несправедливо, несуразно, обидно...

Не помню, что я тогда говорил экипажу, расстроенному, огорченному, словно виноватому, кажется, упрекал ребят, дескать, не уберегли... Хотя понятно, что экипаж не виноват. А перед глазами стоял улыбающийся Павел Николаевич, машущий мне рукой...

Командовать бригадой назначили полковника Д. Г. Суховарова.

К вечеру 6 марта 70-я мехбригада подходила к Базалии. Во фланг ей устремились 15 танков и батальон пехоты гитлеровцев. Бригада приняла бой.

Умело маневрируя, избирая удобные проходы, командир взвода лейтенант К. К. Руденко почти вплотную подвел машину к немецкому танку и расстрелял его. Другие экипажи уничтожили еще два танка, и фашисты отступили.

Но в Базалии и по южному берегу реки Случь танкисты встретили хорошо подготовленную оборону противника. В ночь на 7 марта мы готовили ее прорыв. Артиллеристы и минометчики занимали огневые позиции, подвозили боеприпасы, готовили данные для стрельбы. Мотопехота и танки перестраивали свои боевые порядки.

Я решил ввести в бой и 71-ю мехбригаду. Атака была назначена на 10 утра.

Вторым батальоном 71-й бригады командовал майор Е. А. Куткин. Это был пожилой, невысокого роста, худощавый человек с ухоженной, всегда тщательно расчесанной бородкой. Еще в первую мировую войну он был разведчиком и за боевые заслуги награжден Георгиевским крестом. Несколькими орденами и медалями были отмечены его боевые дела и теперь. Это был офицер грамотный, решительный, но... с причудами. И эта борода, и заношенная солдатская шинель с офицерскими полевыми погонами, полы которой он обычно затыкал за пояс. Поверх пилотки или шапки надевал каску, на груди — автомат, за плечами — вещмешок. Куткина трудно было отличить от рядового бойца, и только погоны да полевая сумка через плечо показывали, что это — командир. Майора очень любили солдаты за заботу о них, за точность и конкретность в постановке задачи, за спокойное, деловое, какое-то хозяйское отношение к любому делу.

— В бою, — говорил Куткин бойцам, — всегда смотрите, что и как делаю я. То же делайте и вы. Атаковать противника можно и в лоб, только тогда потери будут большие. А можно и ползком, ползком, незаметненько пробраться врагу в тыл! Где я проползу, там и вы — это уж точно. Но места надо выбирать с умом. Чем силен советский боец? Правильно, смекалкой, выдумкой плюс остальное. Забрался немцам в тыл — не зевай, шуми, стреляй, гранаты в ход пускай... Фашист не любит, когда у него за спиной противник находится. Думает, что его окружили, психует, паникует, а ты не давай ему опомниться—бей с плеча, убеждай делом окончательно, что деваться ему некуда: либо в плен, либо на тот свет... Вот ты и помог товарищам, им легче в атаку идти, потерь меньше... Наука не хитрая, а знать ее да в деле применять позарез надо...

Именно ему, мастеру «шумовых вылазок», как мы прозвали Е. А. Куткина, я и поручил пробраться с батальоном в Базалию с тыла. И он мастерски это задание выполнил.

Когда мы поднялись в атаку, а Куткин «учинил шум» в тылу, немцы, оставив на поле боя два «тигра», четыре «пантеры», шестнадцать автомашин и два бронетранспортера, бежали. Мы преследовали их до Купеля.

Вот некоторые эпизоды этого боя.

Батарею гвардии капитана Г. Т. Нижельского под прикрытием семи танков атаковала большая группа пехоты. Расстояние сокращалось. Танки быстро приближались, грозя раздавить расчеты и орудия. Но гвардейцы не дрогнули. Командир орудия старший сержант И. В. Курносенко, выждав удобный момент, ударил по головному танку. Второй танк подбил наводчик другого орудия сержант А. Г. Голиков. Потом он перенес огонь осколочными снарядами по пехоте.

Голиков и Курносенко в этом бою пали смертью храбрых.

Пренебрегая опасностью, шофер рядовой Чагадаев подвозил к орудиям боеприпасы, попал под обстрел, был ранен в руку. Управляя автомашиной одной рукой, мужественный водитель вывел ее из-под огня.

Командир орудия гвардии сержант И. В. Паншин подпустил танк на сто метров и уничтожил его. В танк, который вел механик-водитель старший сержант М. Г. Крюков, попал снаряд. Однако боевая машина не потеряла способности поражать врага — пушка и пулеметы действовали. Обливаясь кровью, Крюков не выпускал из рук рычагов, маневрировал, выбирал наиболее удобные позиции для стрель-

бы. Заметив, что гитлеровский танк спустился в лощину, старший сержант вывел свою машину к бугру, из-за которого тот должен появиться. И вовремя. Несколько выстрелов — и вражеская боевая машина была подбита.

Командир взвода лейтенант И. О. Штульберг прямой наводкой подбил два танка. Столько же числилось и за рядовым Г. А. Холкиным, который с 30—40 метров стрелял по вражеским машинам из противотанкового ружья.

К Купелю подошли только танки да пехота, вооруженная противотанковыми ружьями и пулеметами. Артиллерия, радиостанции и тылы отставали из-за бездорожья. Единственная дорога из Базалии была так разбита, что, кроме гусеничных машин, по ней вряд ли кто мог пройти.

И тут на боевые порядки 69-й и 70-й мехбригад налетели вражеские бомбардировщики. Посыпались бомбы. Грязь, земля, кровь, дым, гарь — все перемешалось. Кроме того, правый фланг 70-й бригады атаковали 15 фашистских танков. Там завязался жестокий бой, длившийся до позднего вечера. Отлично действовали пулеметчики взвода лейтенанта В. А. Шкляра, уничтожившие более сотни немецких солдат и офицеров. Необыкновенную выдержку и мужество проявили сержант Ухин и рядовой Метлинский. Они подпускали вражескую пехоту на предельно близкое расстояние, отсекали ее от танков и беспощадно уничтожали.

Контратака противника была отражена.

Бойцы и командиры 69-й бригады, ведомой теперь полковником Д. Г. Суховаровым, оправившись после бомбежки, устремились вперед, но натолкнулись на сильную оборону немецкой пехоты с «тиграми». Завязался бой, который нам успеха не принес.

Воины 71-й мехбригады, обходя Купель с востока, подошли к обороне врага по берегу реки Южный Буг.

Наступила ночь. Мы снова готовились к прорыву вражеской обороны.

Еще в Базалии полковник Г. В. Ушаков зашел ко мне в штаб. Он был взволнован, возбужден.

— Что сделали мерзавцы, а? — потрясая какой-то бумагой, выкрикнул он. — Нет, вы только посмотрите, товарищ генерал!

Я взял бумагу, взглянул на подписи: старший врач 69-й мехбригады Желяховский и следователь прокуратуры корпуса старший лейтенант юстиции Левин составили акт, в котором говорилось, что фашисты в Базалии сожгли сарай с одиннадцатью бойцами и командирами Красной Армии,

взятыми в плен. Это установлено по остаткам одежды, обуви и обутлившимся трупам.

— Передайте в редакцию газеты «Вперед на запад», чтобы все воины знали о зверствах фашистов.

— Наверняка, — сказал Ушаков, — это дело рук молодчиков из дивизии СС «Адольф Гитлер».

Заметка о зверствах фашистов сделала свое дело. Как ни измотаны, как ни утомлены были люди, утром они решительно пошли в атаку.

И хотя нас бомбили самолеты, шквальный огонь врага прижимал воинов к земле, заставляя их ложиться прямо в грязь, мы вышибли гитлеровцев из Купеля.

...О зверствах фашистов я говорил не раз. Но вот еще один факт их бессмысленной жестокости. Неподалеку от Купеля, в маленькой деревушке, расположенной рядом с шоссе, мы увидели сидевшую у дерева женщину. Она была мертва. На ее лице застыли страх и беспомощность. Рядом тела двух детишек. Пулеметная очередь прошила всех троих.

Прошло столько лет, а я без волнения не могу вспоминать эту женщину и ее ни в чем неповинных детей.

Через километр мы увидели группу пленных, которых сопровождали два наши автоматчика. Я остановил их, спросил, из какой части. Переводчика не оказалось, но один из пленных, лет семнадцати-восемнадцати, заявил:

— Могу немного по-русски...

Пленные были из 96-й пехотной дивизии, на фронт прибыли недавно, их призвали прямо со школьной скамьи. Лично он, дескать, никого еще не убивал, его отец — рабочий одного из заводов Дюссельдорфа. Солдат сказал, что сейчас в Германии очень плохо и вообще «Гитлер капут».

В последнем, собственно, мы не сомневались, но вот что делать с этими вояками? Ведь такие, как этот, хладнокровно расстреляли мирную женщину с детьми, заживо сожгли наших пленных в сарае... Во мне клокотал гнев. Я закурил, молча слушал этого юнца, в глазах которого метался страх. Боязливо толпились и остальные пленные. Да, это были совсем другие немцы, не такие наглые, как в сорок первом...

— Герр генерал, наш путут штреляйт?

— Ведите! — сказал я автоматчикам.

— Герр генерал! — В голосе юнца слышались слезы.

— Русские в беззащитных не стреляют! — ответил я пленному и направился к своей машине.

Вечером 10 марта мы подошли к участку железной дороги Проскуров — Тернополь, взяли станцию Грузевица, на которой обнаружили эшелон с сахаром.

Поскольку, как я уже говорил, наши тылы отстали из-за непролазной грязи, а неприкосновенные запасы иссякли, то на завтрак выдали только трофейный сахар.

— Сладкая жизнь наступила, — смеялись солдаты.

Однако положение у нас было такое, что не до смеха. Боеприпасы на исходе, горючего мало, корпус практически исчерпал наступательные возможности. Требовалась пауза для подтягивания тылов, приведения в порядок техники и отдыха людям. Обо всем этом я донес генералу П. С. Рыбалко.

— Что же это вы? Подошли к Проскурову, а брать не хотите? — кажется, шутливо пожурил командующий. — Вон, седьмой гвардейский танковый корпус давно взял Староконстантинов. — И уже деловым тоном: — Продовольствие завтра вам сбросят самолеты у Педосы. Проскуров надо взять! Вам поможет авиация и шестой гвардейский танковый корпус.

...К вечеру наши самолеты сбросили мешки с сухарями, крупами, консервами. Люди были накормлены. Подвезли патроны и снаряды. Бригады заняли исходное положение для атаки на Проскуров.

Вместе с боевым приказом от имени командования корпуса было разработано и разослано воззвание к личному составу, в котором говорилось, что хоть нам и трудно, но противник находится в худшем положении, он обречен, нужно напрячь все силы, энергию, волю, чтобы освободить Проскуров.

Штаб корпуса расположился в Редкодубах. Было решено, что начальник штаба с радиостанцией пойдет по полевой дороге за 69-й мехбригадой на станцию Гречаны, а я с группой офицеров — за 70-й и 71-й мехбригадами по бездорожью.

Утром 12 марта наши бомбардировщики, несмотря на плотный заградительный огонь немецких зенитчиков, сбросили свой груз на вражеские позиции и ушли без потерь.

Бригады пошли в атаку.

Гитлеровцев в Проскурове оказалось больше, чем мы предполагали. Атака была встречена плотным огнем из всех видов оружия. Наша мотопехота залегла. Танки, остановившись за укрытиями, приготовились к отражению контратаки.

Танки 69-й бригады полковника Д. Г. Суховарова смогли ворваться на станцию Гречаны и удерживали ее в течение всего дня, отражая непрерывные контратаки немецких танков. Батальон майора Е. А. Куткина, переправившись через топкую речушку Плоска, овладел населенным пунктом Шаровичка, перерезал шоссе Проскуров — Тернополь.

Фашисты сопротивлялись яростно. Они беспрерывно бросались в контратаки, и нам порой казалось, что мы здесь растревожили осиное гнездо. На проскуровском аэродроме базировались бомбардировщики с солидным запасом авиабомб. Самолеты не переставая ревели над нами, и бомбежкам, казалось, не будет конца. Только на позиции 69-й мехбригады было зафиксировано в этот день 300 самолето-вылетов.

Против батальона Куткина немцы бросили 15 танков с батальоном пехоты. Мы ничем не могли помочь майору, и он вынужден был отойти за реку.

К концу дня фашисты заняли оборону на шоссе по южному берегу реки Плоска и начали накапливаться у населенного пункта Водичка. Мы знали — там был брод.

«Если им удастся прорваться через Водичку на Педосы,— рассуждал я, — то они окажутся в тылу корпуса. А у нас в районе Водички только взвод мотопехоты да единственная 45-миллиметровая пушка»..

Наше положение становилось крайне сложным, о чем мы и доложили в штаб армии. Генерал П. С. Рыбалко приказал перейти к обороне, а частью сил перерезать тернопольское шоссе, по которому курсировали немецкие танки и автомашины противника. Артиллерии у нас не было — отстала, а командарм настаивал, чтобы шоссе было в наших руках.

Скопившимся у Водички гитлеровцам мы противопоставили 70-ю бригаду М. Д. Сиянина. Когда стали подтягиваться артиллеристы, большую часть орудий направили туда же. Пересечь шоссе должна была бригада Д. Г. Суховарова.

Три дня подряд — 14, 15 и 16 марта — немцы атаковали бригаду М. Д. Сиянина, но каждый раз, неся большие потери, отходили. Танкистам помогали наши авиаторы-штурмовики.

Батальоны бригады Суховарова использовали излюбленный метод майора Е. А. Куткина. Мотопехота без артиллерии и танков, которые остались на левом берегу Плоски, ночью проникла через боевые порядки гитлеровцев и оседлала шоссе, заняв оборону фронтом на Проскуров.

Немцы предприняли на обороняющихся атаку двадцатью танками и пехотой.

Дорогу мотопехоте пришлось оставить, отойти в лес западнее и занять круговую оборону в Малиничах, угрожая транспорту на тернопольском шоссе и железнодорожному сообщению на линии Проскуров — Каменец-Подольский.

Тогда фашисты вызвали авиацию. Двенадцать самолетов нанесли бомбовый удар. После него гитлеровцы пошли в атаку.

Наши бойцы оставили Малиничи и закрепились в лесу западнее Проскурова.

Связь с мотопехотой 69-й бригады прервалась. Д. Г. Суховаров лежал с высокой температурой, и мы сами устанавливали связь с мотопехотой, находившейся в немецком тылу. Я поручил заместителю начальника штаба 69-й мехбригады майору М. В. Щербатюку, находчивому и храброму офицеру, перейти фронт с радиостанцией, возглавить батальоны и вывести их из окружения.

Щербатюк подобрал группу и ушел.

Вскоре он передал, что батальоны держат оборону в лесу. Через сутки ночью от Щербатюка пришла группа бойцов за боеприпасами.

Положение облегчилось, когда подошедшие общевойсковые соединения фронта прорвали оборону врага на рубеже Кривочинцы, Бокиевка, и 6-й гвардейский танковый корпус вошел в прорыв.

Наш корпус шел за ним во втором эшелоне армии. У деревни Гетеминца батальоны во главе с Максимом Васильевичем Щербатюком присоединились к своей бригаде. Усталые, голодные бойцы и командиры с ограниченным количеством боеприпасов восемь дней действовали во вражеском тылу.

Почти все участники этого рейда были отмечены государственными наградами.

Заболевшего командира 69-й мехбригады сменил прибывший из кадров полковник Степан Григорьевич Литвинов.

Тогда же, получив новое назначение, убыл из корпуса командир 70-й мехбригады Герой Советского Союза полковник М. Д. Сиянин. Славный был командир бригады. Мне было искренне жаль расставаться с ним.

Вместо Сиянина на должность командира 70-й мехбригады был назначен 35-летний Герой Советского Союза гвардии полковник Михаил Степанович Новохатько. Я знал его по совместному форсированию Днепра, когда он командо-

вал 51-й гвардейской танковой бригадой, отличившейся при захвате села Григоровка.

О Новохатько следует, пожалуй, рассказать чуть подробнее, потому что это был очень своеобразный человек. Например, когда он докладывал обстановку или состояние дел в бригаде, в его речи, казалось бы, не было никакой последовательности. Иногда, не высказав до конца одну мысль, он переключался на другую. Можно было подумать — изворачивается, в чем-то темнит. Но Новохатько, как в этом все скоро убедились, никогда этим не грешил, всегда говорил только правду-матку. Казалось, что более несобранного и рассеянного человека, чем Михаил Степанович, трудно представить. Но и это было не так. Он все, оказывается, помнил, все примечал, просто подчас излишне торопился, отсюда даже его «лохматость» речи. Когда Новохатько ставилась боевая задача, он оценивал ее, явно преувеличивая трудности выполнения, сетовал на то, что у него, мол, и людей маловато, и танков кот наплакал, и противник уж очень силен на его участке... Впечатление подчас создавалось такое, что комбриг набивает себе цену, но и это было не так. Он был совершенно не тщеславен. А главное то, что не было случая, чтобы его бригада не выполнила поставленную задачу. Докладывая об этом, он восторженно хвалил бойцов, командиров, радовался их успехам, душевно сокрушался о погибших, но о себе не говорил ни слова, будто не он командовал бригадой, а кто-то другой, более способный и расторопный.

Михаила Степановича не нужно было контролировать или подталкивать, вмешиваться в его приказы и распоряжения, хотя они казались на первый взгляд сложными, даже противоречивыми, но, если серьезно разобраться, оказывались всегда толковыми и обоснованными. Он умел вовремя ударить противника по самому уязвимому месту.

Солдаты и офицеры любили Новохатько, а он с ними обращался просто, по-отцовски. Но странно: все почему-то побаивались гнева «бати», как его называли бойцы, хотя Михаил Степанович никогда и ни на ком не вымещал свой гнев, если он у него вообще-то был.

Однажды ночью к нему пришли офицеры из штаба армии с проверкой. Походили, посмотрели и объявили, что боеготовность бригады слабая.

— Как слабая? — удивился Новохатько. — А ну, давайте посмотрим!

Он взял автомат, вышел из хаты и дал три очереди вверх.

Через пять минут батальоны были построены, а командиры подразделений окружили полковника в ожидании его распоряжений.

— Ну что?! — хмыкнул Михаил Степанович. — Слабая боеготовность?

Курьезных случаев за Новохатько водилось немало, и тем не менее это был прекрасный командир, чистейшей души человек.

Корпус вышел в район населенного пункта Боровцы 23 марта. Генерал П. С. Рыбалко вызвал меня к телефону:

— Что там перед тобой?

— Городок.

— Вот-вот! Суворовское место. Знаешь?

— Как не знать! Здесь Суворов, оскорбленный императором Павлом, отдал свои награды солдатам, говоря: «С вами я их добыл — вам и отдаю!» Сел в фаэтон и уехал...

— Правильно. Так вот, возьми Городок и обороняй его. В дальнейшем твой корпус там будет пополняться. Правее, на Гусятин, пойдет 6-й гвардейский танковый корпус... Все.

В нашем корпусе осталось 38 танков, около 4000 личного состава мотопехоты и 30 процентов артиллерии. Правда, командарм подчинил нам два дивизиона гвардейских минометов.

Немцы довольно солидно организовали оборону Городка, прикрывая важную дорогу Ярмолинцы — Городок — Копычинцы.

Бой за Городок начался утром.

Точно и безукоризненно работали минометчики расчетов старшего сержанта Нагиева и сержанта Романова. За короткое время они выпустили по врагу 90 мин и уничтожили несколько десятков фашистов.

Пулеметные расчеты старшего сержанта Боярко и рядового Косолапова действовали на фланге. Их огонь был удивительно метким. Уничтожив пулеметный расчет противника, они перенесли огонь на пехоту.

На другом участке пулеметчик рядовой Брюханов уничтожил две огневые точки немцев, был ранен, но продолжал вести огонь и обеспечил нашей пехоте продвижение вперед.

Отвагу и выдержку проявил в бою командир артиллерийского взвода лейтенант Наместников. Он был ранен, не покинул поле боя, и под его руководством батарейцы уничтожили четыре танка.

Командир роты старший лейтенант Быков, обнаружив вражеский дзот, решил захватить его. С группой бойцов он

пошел на штурм этой огневой точки. Гитлеровцы густо поливали атакующих свинцом из пулеметов. Первыми подползли к огневой точке Быков, старший сержант Бортников и сержант Альтшуллер.

— Руки вверх! — скомандовал Быков опешившим фашистам, ворвавшись в дзот.

Гитлеровский офицер пытался выстрелить в ротного, но его опередили очередями из автоматов Бортников и Альтшуллер. Остальные восемь гитлеровцев сложили оружие.

Перед орудийным расчетом сержанта Бурова была поставлена задача в случае контратаки немцев не дать им обойти нашу пехоту, расположенную левее батареи.

Конюшни, стоявшие невдалеке, закрывали для батарейцев обзор, а для противника служили неплохим укрытием от нашего огня. Чтобы отвлечь внимание наших артиллеристов от главных целей, гитлеровцы направили один танк и до роты пехоты на мотострелков, а все остальные свои силы бросили со стороны конюшен. Наводчик орудия младший сержант Ромашин действовал быстро и четко. Не успел первый танк выползти из-за конюшни, как был им подбит. Ромашин перенес огонь на второй танк и тоже остановил его. Экипаж третьей машины решил, видимо, не рисковать, предпочел проскочить узкое пространство между конюшнями и уйти подобру-поздорову. Но Ромашин влепил снаряд в борт танка в тот момент, когда он оказался между строениями.

...Немцы не выдержали натиска и стали отходить частично на Смотрич, частично на Копычинцы. Поле боя было усеяно подбитыми автомашинами, танками и орудиями противника.

На следующий день из района Ярмолинцы фашисты попытались вернуть оставленные позиции, но мы не отдали «суворовское место». Их попытки прорваться через Городок на запад успеха не имели.

А впереди лежала граница. Но путь до нее еще был труден и долог.

На 27 марта сложилась такая обстановка.

В Тернополе была окружена вражеская группировка. 4-я танковая армия без горючего, с ограниченным количеством боеприпасов оборонялась в городе Каменец-Подольский. 1-я танковая армия в таком же положении была в Черновцах.

Но танковые корпуса 3-й гвардейской танковой армии практически не имели танков и были выведены в резерв

фронта для пополнения. Общевойсковые соединения, наступавшие за 1-й и 4-й танковыми армиями, развернули фронт на запад и остановились на реке Стрыпа, западнее Тернополя.

Большая вражеская группировка, оказавшаяся в окружении и теснимая войсками левого крыла фронта с востока, отходила на запад из районов Проскуров, Винница, Жмеринка по единственной для нее дороге Дунаевцы — Смотрич — Скала-Подольская — Чертков. На этом пути ей противостояли только наши тыловые подразделения.

Командующий 1-м Украинским фронтом Г. К. Жуков 91-ю отдельную танковую бригаду и наш механизированный корпус временно подчинил 1-й гвардейской армии. Почти окруженной скальской группировке он предложил капитулировать. Но фашистское командование видело, что путь его войск проходит через наши тылы, и отвергло ультиматум.

Войска 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко подошли к занятому нами Городку и продолжили наступление на Смотрич. Нам была поставлена задача с утра 28 марта во взаимодействии с 147-й и 165-й стрелковыми дивизиями наступать в направлении Купик, Зеленче, Каменец-Подольский.

Громя и обращая в бегство части прикрытия врага на этом пути, бригады 9-го мехкорпуса подошли к рубежу Рудка, Зеленче. Как представитель генерала П. С. Рыбалко все время со штабом корпуса следовал его заместитель генерал-лейтенант танковых войск И. П. Сухов.

Разведка корпуса доложила, что против нас стоят три дивизии противника, имея 30 процентов штатной численности. Было ясно, что фашисты будут упорно сопротивляться, прикрывая единственное шоссе Дунаевцы — Чертков, пока не отведут свои войска. Ясно было и то, что они на нашем участке втрое сильнее нас.

— Будем наступать! — принял я решение.

Когда задачи были поставлены, ко мне подошел М. С. Новохатько.

— Трудно будет, товарищ генерал, — забегал по обыкновению глазами Михаил Степанович. — Вы приказали 70-й мехбригаде взять Рудку и развивать наступление, обходя Смотрич с юга. Но в Рудке одиннадцать немецких танков, а у меня только три.

— Брось прибедняться! Новохатько да не возьмет Рудку! Быть того не может!

Полковник молча пожал плечами и, козырнув, вышел.

Я связался с соседями: им тоже было приказано наступать. Правый сосед левым флангом, а левый — правым.

В 22 часа я был на наблюдательном пункте, недалеко от Рудки, когда заухали наши «катюши». Тут же по обороне противника ударила артиллерия соседей, взвились красные ракеты. Началась атака.

Гитлеровцы предпринимали все меры, чтобы удержаться на занятом рубеже. Чтобы прорвать оборону врага и в дальнейшем развить успех, нужно было разгромить его главную группировку. Помочь выполнить эту задачу взялся командир роты капитан С. Т. Пищухин. Он обходным путем вывел свое подразделение во фланг противнику, мастерски организовал бой, подавил основные огневые точки группировки. Тем временем подразделения с фронта довершили начатое Пищухиным дело.

Напряженный бой длился около часа. Потом стал стихать. Раздавались отдельные пулеметные и автоматные очереди, но все реже и реже.

— Вас просит к телефону полковник Новохатько, — доложил телефонист Родионов.

— Слушаю! — взял я трубку.

— Товарищ генерал, а Рудка-то наша! — услышал я ликующий голос Михаила Степановича.

— А говорил, что не взять, что трудно!

— Люди, люди у меня золотые! Отметить их надо!

— Хорошо. Не давайте немцам опомниться! Дожимайте!

— Да ведь...

— Желаю успеха!

— Слушаюсь, дожимать!

Вскоре командиры 69-й и 71-й бригад полковники С. Г. Литвинов и А. Д. Кочетов доложили об освобождении Зеленче. Я поехал туда со штабом.

Утром 31 марта бригады М. С. Новохатько и А. Д. Кочетова форсировали реку Смотрич южнее городка Смотрич, взятого боем 147-й стрелковой дивизией.

Бригада С. Г. Литвинова вышла на Балин. До Каменец-Подольского оставалось 20 километров.

Шоссе Проскуров — Каменец-Подольский было свободно от гитлеровцев. 4-я танковая армия получила возможность пополнить запасы.

Наш корпус получил приказ наступать на Скала, и я выехал в бригады.

На дороге Залесцы — Балин — Смотрич, а также по ее обочинам и в населенных пунктах было много брошенной техники. Немало было вполне исправных машин. Мы имели

потери: погиб командир взвода лейтенант А. Д. Першин, был ранен и эвакуирован в тыл комбат майор Е. А. Куткин...

В ночь на 1 апреля бригады развивали наступление на Заречанку, а утром был получен новый приказ — к 10 часам утра корпусу выйти в район Шидловцы по маршруту Смотрич, Чемеровцы, Шидловцы и во взаимодействии с 10-м стрелковым корпусом наступать в направлении Скала.

Развернув карту, я взглянул на часы. В нашем распоряжении оставалось всего два часа. Этого времени хватит лишь на вывод корпуса из боя.

Маршрут протяженностью 66 километров, по которому нам предстояло двигаться, проходил в непосредственной близости к фронту. Мы должны по бездорожью обогнать отходящих по шоссе немцев. Но корпус-то практически пеший...

— Вас вызывает генерал Рыбалко, — доложил начальник связи майор И. В. Загоруйко.

— Говорит Щукин, — слышу голос командующего. «Щукин» — псевдоним Рыбалко.

— У аппарата Окунев, — отозвался я.

— Получили приказ?

— Да, но выполнить его, видимо, не успею.

— Смотри... — протянул командарм. — Это приказ «хозяина» (он имел в виду Г. К. Жукова). Он шутить не любит. В конечном пункте подчините себе Якубовского. Он там.

— Последнее хорошо, но мне тоже не до шуток.

Приказав полковнику П. В. Кульвинскому, чтобы он выводил бригады в Смотрич, я стал готовиться к выезду туда же, а в 10 часов отдал приказ на марш. Командиры бригад слушали меня, угрюмо насупившись. Даже М. С. Новохатько не задавал вопросов.

Погода испортилась. Похолодало. Небо почернело. Пошел снег. Под ногами хлюпало, чавкало. Снег валил и валил. Подул ветер, началась пурга, словно в сибирском феврале. На дорогах появились заносы. Колесные машины остановились. Люди, утопая в снегу и грязи, медленно продвигались вперед.

Мне сообщили место расположения штаба 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко. Взяв с собой трех офицеров и радиста и прицепив к трофейному бронетранспортеру красный флаг, чтобы нас не приняли за немцев, направился туда. Метель разыгралась не на шутку. Дорогу угадывали только по телеграфным столбам.

В небольшой деревенской хатке меня принял высокий, с гвардейской выправкой генерал-полковник А. А. Гречко, пожал руку, пригласил к карте, разостланной на столе, спросил:

— Где ваш корпус, товарищ Малыгин?

— Голова колонны здесь, — я показал на Чемеровцы.— Идут пешком. Погода, сами видите какая.

— Да, погода отвратительная, — согласился командующий. — Много у вас танков?

— Одиннадцать. Семь из них имеют запас моторесурсов около тридцати часов, остальные его исчерпали.

— Как можно скорее выходите в Шидловцы, — приказал Гречко. — Гитлеровцы уходят. Докладывайте почаще, где вы и как у вас дела.

Прибыв в штаб, я тут же дал телеграмму полковнику И. И. Якубовскому, чтобы он, не ожидая подхода сил корпуса, начинал наступление во взаимодействии с 10-м стрелковым корпусом.

День и ночь мы были в пути, преодолевая снежные заносы с помощью лопат и танков. Машины шли со скоростью пеших. Попытки связаться со штабом генерала А. А. Гречко успеха не имели. При походном положении антенны радиостанции нас не слышали, а при развернутой на коротких остановках антенне радиостанция штаба армии нас почему-то не принимала, непрерывно ведя переговоры с другими корреспондентами.

...3 апреля метель кончилась.

Мы прибыли в Шидловцы, нашли штаб 91-й танковой бригады. Полковник И. И. Якубовский болел — лежал с высокой температурой. Начальник штаба бригады полковник Ефимов доложил, что у них в наличии всего три танка и потому наступление с 10-м стрелковым корпусом не состоялось.

Меня вызвал к телефону генерал Гречко.

— Не ожидайте подхода всех сил корпуса, — распорядился он. — Посадите на танки мотопехоту — создайте такой отряд — и быстрее через Гусятин, там дорога лучше, выходите в Чертков, займите оборону в Ягельнице. Не пускайте немцев через Чертков к окруженному Тернополю.

К семи танкам мы прицепили машины, в том числе и рацию для связи со штабом армии, посадили десантом на танки и в кузова автомашин мотопехоту 71-й мехбригады полковника А. Д. Кочетова — и в путь. В ночь на 4 апреля прибыли в Чертков, оставили там штаб, а танки с пехотой пошли на Ягельницу.

Здесь нас встретили десять «тигров» и пехотный полк немцев.

Прикрыв шоссе на Чертков, мы заняли оборону перед Ягельницей.

Я сообщил об обстановке генералу А. А. Гречко.

Утром 4 апреля погода резко изменилась. По-весеннему засияло солнце, снег почернел и стал таять, грязи добавилось. К полудню на наши позиции налетели двенадцать вражеских бомбардировщиков и в щепки разнесли радиостанцию. Погиб весь экипаж станции, начальник связи корпуса майор И. В. Загоруйко, несколько офицеров было ранено. Связь со штабом армии снова прервалась.

К вечеру стали подходить отставшие части корпуса.

Гитлеровцы настойчиво пытались прорваться на Чертков и далее к окруженной группировке немцев в Тернополе.

Воины стояли насмерть, чтобы не допустить объединения скальской и тернопольской группировок противника.

Несколько немецких танков двигалось на рубеж, занимаемый бронебойщиками. Три машины шли на огневую позицию, где находился рядовой Воронин, и беспрестанно обстреливали ее. Под разрывы снарядов и свист пуль бесстрашный комсомолец подпустил их на самое близкое расстояние и стал в упор расстреливать из своего ПТР. Все три танка были остановлены бронебойщиком.

Минометные расчеты однофамильцев Ивана и Василия Кузьминых уничтожили станковый пулемет врага, десятки гитлеровцев.

Связист рядовой М. А. Загребов, устанавливая связь между наблюдательным пунктом и батареей, под огнем противника перебрался через болото и неожиданно нарвался на трех вражеских разведчиков, которые его обстреляли. Воин не растерялся, выбрал удобную позицию и вступил с гитлеровцами в перестрелку. Его огонь был точнее, и Михаил вышел из схватки победителем. Он был потом награжден медалью «За отвагу».

Рядовой Михаил Сурков, уже будучи раненным и оставшись на поле боя, метким огнем сразил десять гитлеровцев, за что был удостоен ордена Красной Звезды.

Командир отделения младший сержант В. М. Иванов ползком добрался до позиции немецкого пулеметчика и гранатами подавил огневую точку. Рядовой Федор Михайленко, заметив вражеского снайпера, метким выстрелом сразил его. Взвод младшего лейтенанта И. Т. Матроса встретил ата-

ку противника дружным огнем, истребив более 30 гитлеровцев. Разумную инициативу проявил оружейный мастер рядовой Ефим Светличный. В разгар боя, не ожидая приказа командира, он сбегал в ближайшее село, нашел лошадь с повозкой и доставил на огневую позицию боеприпасы как раз тогда, когда они уже иссякали.

Красноармеец Михаил Фотин был ранен. Но он, нашел в себе силы поднять отделение в контратаку вместо погибшего командира, лично уничтожил семь гитлеровцев и вынес из-под вражеского обстрела четырех наших тяжелораненых бойцов.

Артиллеристы расставили свои орудия неподалеку от перекрестка дорог, оборудовали огневые позиции. Справа стояло орудие сержанта И. В. Курносенко, слева — сержанта К. Н. Фофанова, а в створе между ними, сзади — сержанта С. В. Каминского. Люди подносили снаряды, отрывали щели. Наблюдатели выдвинулись вперед. Парторг батареи старший лейтенант В. В. Зайцев переходил от расчета к расчету, подбадривал физически уставших, но крепких духом людей.

— Ну как, орлы? Готовы к бою?

— Всыплем фашисту как положено, — слышалось в ответ.

Пять тяжелых танков двигались на боевые порядки пехоты и огневые позиции батареи.

Артиллеристы вступили в схватку с врагом. Один немецкий танк пошел в обход батареи с правого фланга. По нему открыл огонь расчет Курносенко. Наводчик сержант А. Г. Голиков попал в левую гусеницу машины, и та остановилась, но продолжала вести огонь. Вражеский снаряд разорвался возле орудия. Осколками были сражены Курносенко, Голиков и Зайцев.

Четыре крестоносных танка, изрыгая огонь, приближались.

Орудия Фофанова и Каминского отвечали им меткими выстрелами. Загорелся один танк, потом другой. Снаряды рвались возле самых орудий, но люди не сходили со своих мест.

Погиб коммунист С. В. Каминский вместе со всем расчетом.

— Отомстим за друзей! — крикнул сержант Фофанов.

Единственное орудие продолжало бой. Загорелся еще один фашистский танк. На последнем гитлеровцы не решились в одиночку идти на орудие, пятясь, отошли.

Гибель гвардейцев дорого обошлась гитлеровцам. Четыре боевые машины и почти батальон пехоты потерял противник в этом бою.

Семь наших самоходных орудий прямо с марша вступили в бой, который длился восемь часов. Трижды гитлеровцы бросались в отчаянные контратаки и каждый раз под ударами артиллеристов-самоходчиков откатывались на исходные позиции.

Но вот они бросили вперед три батальона пехоты, которые были поддержаны интенсивным огнем танков.

Четыре наши самоходки сосредоточили огонь по пехоте, три продолжали дуэль с танками. Дружный огонь артиллеристов прижал пехоту противника к земле. В этом бою противник потерял более 150 солдат и офицеров убитыми, четыре танка.

Задача, поставленная корпусу генералом А. А. Гречко, была выполнена. Противнику не удалось прорваться через Чертков к окруженной в Тернополе группировке, которая, собственно, в те дни была ликвидирована. Тогда гитлеровцы, оставив свои попытки прорваться к окруженным, повернули на запад, на Бучач, и за рекой Стрыпа соединились со своими основными силами. Граница была рядом.

За успешные бои 9-й механизированный корпус был награжден орденом Красного Знамени, а его 69-я, 70-я и 71-я мехбригады получили наименование Проскуровских. Ныне на главной площади города Хмельницкий на постаменте стоит грозная боевая машина — танк Т-34. Это памятник боевой славы танкистов. Первыми на граните высечены наименования механизированных бригад нашего корпуса. У постамента всегда живые цветы.

По приказу командующего фронтом я передал корпус генералу И. П. Сухову и отбыл в Москву, где получил новое назначение.

Мне остается лишь коротко перечислить последующие этапы основных боевых действий 9-го Краснознаменного Киевско-Житомирского механизированного корпуса, который в составе 3-й гвардейской танковой армии продолжал громить врага. Передовые отряды — 69-я механизированная и 56-я танковая бригады совместно со стрелковыми дивизиями прорвали вторую полосу обороны противника на шестикилометровом фронте и вышли на рубеж Сасов, Злочев.

69-я мехбригада полковника С. Г. Литвинова овладела Елиховице, а 56-я танковая полковника З. К. Слюсаренко — Зазулей.

16 июля корпус генерала И. П. Сухова вышел к реке Золчувка, сломив сопротивление противника, вместе с 7-м гвардейским танковым корпусом генерала С. А. Иванова форсировал ее и устремился на запад. 71-я мехбригада завязала бои за Буск и овладела важным узлом дорог, с потерей которого бродская группировка немцев лишалась путей отхода на Львов.

23 июля 53-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника В. С. Архипова с ходу овладела Яворовом, на другой день — Мостиской. 9-й мехкорпус сосредоточился западнее Яворова и был выведен в резерв командарма. О боях за Львов написано много. Хочу лишь сказать, что в числе войск, отличившихся при овладении городом, в приказе Верховного Главнокомандующего были названы танкисты генерал-полковника Рыбалко, генерал-майора танковых войск Митрофанова и генерал-лейтенанта танковых войск Сухова.

Где бы я ни находился в то время, постоянно следил за действиями дорогого моему сердцу соединения. Так я узнал, что оно участвовало в Висло-Одерской операции, вышло к реке Нида, захватило плацдарм в районе Рембув, Мотковице, Ставы и удерживало его в готовности отразить удары противника с севера и юга, затем, согласно приказу командующего, 15 января вышло в район Малогоща, где заняло оборону, чтобы не допустить отхода келецкой группировки противника на запад и ее ударов по тылам танковой армии. 16 января 51-я танковая бригада полковника Д. Г. Суховарова ворвалась в восточную часть Пшедбужа и очистила его от врага. Было уничтожено до 200 вражеских солдат, несколько танков и орудий, захвачены большие трофеи.

Подробности всех операций, в которых участвовали солдаты и офицеры 9-го мехкорпуса, я не буду описывать, но отмечу, что они не уронили чести и славы героев Днепра, проявили истинный советский патриотизм, величайшую любовь к нашей социалистической Родине и ненависть к врагу.

24 января 9-й мехкорпус совместно с 31-м танковым корпусом после часового боя овладел городом Глейвиц, освободил из концлагерей около 20 тысяч человек, в том числе 5 тысяч женщин. До 5 февраля соединение вело бои в районе Ратибор, Зарау, Рыбник, оказывая содействие 60-й

армии в выходе к Одеру, затем было выведено в район Волау в готовности действовать во втором эшелоне. 9 февраля, переправившись через Одер на паромах, его бригады и полки продвигались в направлении Гугельвиц, Бухвельден, по маршрут из-за преждевременно наступившей распутицы был изменен, и корпус завязал бои за город Гольдберг. 14 февраля он начал перегруппировку на герлицкое направление, но гитлеровцы разгадали этот маневр. Бригады были атакованы. Особенно тяжело пришлось 69-й мехбригаде, которая вела бой на рубеже Гросс-Розен, Гучдорф. Ей на помощь пришли части 7-го гвардейского танкового корпуса. Ударив по противнику во фланг, они остановили его продвижение. В боях на рубеже северо-восточнее Лаубана уже 9-й мехкорпус помог 7-му гвардейскому танковому корпусу отразить наседавшего врага.

В апреле 1945 года 9-й мехкорпус шел во втором эшелоне за танковыми корпусами, а в ночь на 21 апреля должен был переправиться через канал Тельтов и ворваться в Берлин. Противник оказывал яростное сопротивление. Действуя на правом фланге армии, соединение перерезало берлинскую кольцевую автостраду, вело бои за захват плацдармов на северном берегу канала Тельтов и овладение пригородами Берлина.

Штурм Берлина 9-й мехкорпус начал с наступления в северо-восточном направлении по железной дороге Потсдам — Целендорф — Берлин. 27 апреля он с двумя стрелковыми дивизиями 28-й армии овладел районами Штеглиц и Фриденау. 69-я мехбригада и 91-я танковая бригада ворвались в центральные районы Берлина, вышли на основную магистраль, ведущую к рейхстагу. В течение 29 апреля, овладев несколькими кварталами городского района Шенеберг, 69-я мехбригада нанесла врагу значительный урон в живой силе и технике. За отличное выполнение боевых задач большинство солдат, сержантов и офицеров бригады были награждены орденами и медалями, а ее новый командир полковник И. С. Ваганов удостоился звания Героя Советского Союза.

2 мая корпус соединился с частями и соединениями 1-го Белорусского фронта. Командиру корпуса И. П. Сухову было присвоено звание Героя Советского Союза. За образцовое выполнение заданий командования в Берлинской операции 9-й мехкорпус, 69, 70 и 71-я мехбригады были награждены орденом Кутузова II степени.

5 мая в Праге началось вооруженное восстание жителей против немецких оккупантов. Гитлеровцы обрушились на

повстанцев. Чешский Национальный Совет обратился по радио к Красной Армии и союзникам с призывом о помощи. 6 мая 3-я гвардейская танковая армия перешла в наступление, а на другой день в сражение вступил и 9-й мехкорпус. Его авангард — 69-я мехбригада вошла в состав передового отряда армии, нацеленного на освобождение Праги. Он устремился к Рудным горам и занял Нове-Место.

9 мая радио Москвы сообщило всему миру радостную весть — гитлеровская Германия капитулировала. В тот же день подразделения 69-й мехбригады ворвались в Прагу...

Так закончил свой славный боевой путь 9-й механизированный Краснознаменный Киевско-Житомирский, орденов Суворова и Кутузова II степени корпус, которым мне посчастливилось долгое время командовать. Честь и слава его воинам-героям, живым и павшим!

Сильна человеческая память, и время перед ней бессильно. Стареют ветераны, седеют, уходят из жизни... Но те, кто жив, не могут забыть огневые сороковые — успехи и неудачи, горечи и радости, лица и славные дела боевых друзей.

Навсегда останутся в памяти проникновенные, теплые слова, сказанные на встрече во Владимире-Волынском руководителями горкома партии в адрес ветеранов, которые сражались на западной границе, приняли на себя первые удары фашистских полчищ.

Там я встретил многих однополчан, в том числе майора запаса Н. С. Омельяненко. Это он был инициатором встречи. Мы сфотографировались у памятного камня. Рядом с камнем табличка: «На этом месте будет сооружен памятный знак в честь воинов, принявших первый бой с фашистами в июне 1941 года».

Узнал я и Александра Васильевича Титаренко. Из Киева приехал бывший начальник отделения штаба А. В. Талашь, тот самый, который помогал мне эвакуировать документы из штаба 41-й дивизии в первый день войны.

Разговоры, воспоминания, слезы радости, горечь невосполнимых утрат... То тут, то там раздается:

— А помнишь?..

— Помню, дружище...

Объятия, поцелуи...

И тихий, мелодичный звон боевых наград. Они звенят,

напоминая о грозном испытании на прочность людей, нашей страны, всей социалистической системы...

Мы шли с громадными букетами цветов, преподнесенных жителями, по улицам Владимир-Волынска к монументу Славы. Гремела музыка. В открытых окнах швейной фабрики были видны молодые радостные девичьи лица. Девчата махали нам платками, что-то кричали. Вездесущий народ— мальчишки маршировали вместе с ветеранами. Рядом со мной Н. Р. Бойко, Н. П. Резников, Н. С. Омельяненко, бывший комиссар 87-й стрелковой дивизии П. Я. Диденко и другие.

Гремит оркестр.

Звенят медали.

Еще одна встреча. На этот раз в Радомышле. Сюда приехали Суховаров, Анцупов. Встреча была очень радостной. Мы побывали в пионерском лагере, в школе-интернате, рассказали ребятам о боях за город и район, сфотографировались на память. Такая же встреча состоялась и в Теофиполе.

Подобных встреч было немало. Будут и еще. И каждая из них — это новые переживания, волнения, воспоминания. Но такой уж мы, ветераны, народ, что не можем без этого, потому что наш прямой долг состоит в том, чтобы активно вести военно-патриотическую работу, пропагандировать подвиги героев, рассказывать молодым, какой дорогой ценой завоевано их счастье жить, учиться, трудиться.

Ветераны 28-й гвардейской танковой бригады побывали и в Скирманово. Мы жили в школе-интернате села Ново-Петровка и были приятно обрадованы, когда узнали, что пионеры и школьники создали здесь уголок боевой славы 28-й гвардейской танковой бригады. На встрече присутствовали руководители Рузского РК КПСС, корреспонденты.

— Товарищ генерал, не узнаете? — спросил меня пожилой мужчина.

— Извините, — всматривался я в его лицо, — что-то, знать, с памятью...

— Я — Бухаркин, — пришел он мне на помощь.

Да, вспомнил! Тот самый Бухаркин, который вместе с Рахматулиным ходил за «языком». Мы обнялись.

Памятна встреча ветеранов 9-го мехкорпуса и в Коростышеве, где меня избрали почетным гражданином города.

...Но время неумолимо. Все меньше и меньше приезжает фронтовиков на встречи ветеранов нашего славного корпу-

са. Все меньше и меньше остается сил. Вот и родилась у меня мысль рассказать о людях, которые смотрели смерти в глаза и не дрогнули, под огнем врага поднимались в атаки, горели в танках, с кем довелось пережить и горечь неудач, и радость побед.

И, ведя свое повествование, я словно заново прошел с боями путь от границы до границы, пережил все с самого начала. И кажется мне, что это было совсем недавно. И в то же время — очень давно...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В сорок первом грозовом	3
Огненные версты	44
Днепровские кручи	74
На Правобережной Украине	123
Идем к границе	172

Малыгин К. А.

М20 В центре боевого порядка.— М.: Воениздат, 1986.— 205 с., портр. — (Военные мемуары).

В пер. 1 р. 20 к.

Автор — опытный фронтовик, на заключительном этапе Великой Отечественной войны командир 9-го Киевско-Житомирского механизированного корпуса, Герой Советского Союза, повествует о первом периоде войны, тяжелых боях на полях Подмосковья, Верхневолжья, Украины, о мужестве и самоотверженности воинов, проявленных ими в борьбе с фашистскими захватчиками.

Книга рассчитана на массового читателя.

М $\frac{1304010000\text{-}208}{068(02)\text{-}86}$ 60-86

ББК 63.3(2)722

Константин Алексеевич Малыгин

В ЦЕНТРЕ БОЕВОГО ПОРЯДКА

Редактор *В. А. Откидач*
Художник *О. В. Камаев*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Технический редактор *Т. Г. Пименова*
Корректор *Т. И. Ставбунская*

ИБ № 2698

Сдано в набор 20.01.85. Подписано в печать 28.05.86. Г-90338.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. об. нов. Печать высокая.
Печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 12,30.+1 вкл.—1/32 печ. л.
0,052 усл. печ. л. Усл.-кр. отт. 10,92. Тираж 65 000 экз.
Изд. № 3/820. Зак. 19. Цена 1 р. 20к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

В 1987 году в серии «Военные мемуары» выйдут книги:

Аношин И. С. На правый бой
Антонов В. С. К главному рубежу
Бологов Ф. П. В штабе гвардейской дивизии
Еремин Б. Н. Воздушные бойцы
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления
Колесниченко И. С. Битва после войны
Кузнецов Н. Г. Курсом к победе
Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля
Пупышев Н. Ф. В памяти и в сердце
Соколов-Соколенок П. А. По путевке комсомольской
Травкин И. В. Всем смертям назло
Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм
Шатилов В. М. До Берлина было так далеко.

Ip. 20R.